

ЕВГЕНИЙ ПРАСОЛОВ

Губкин

**В ЛЮДЯХ
и делах**

Рассказы, очерки, стихи

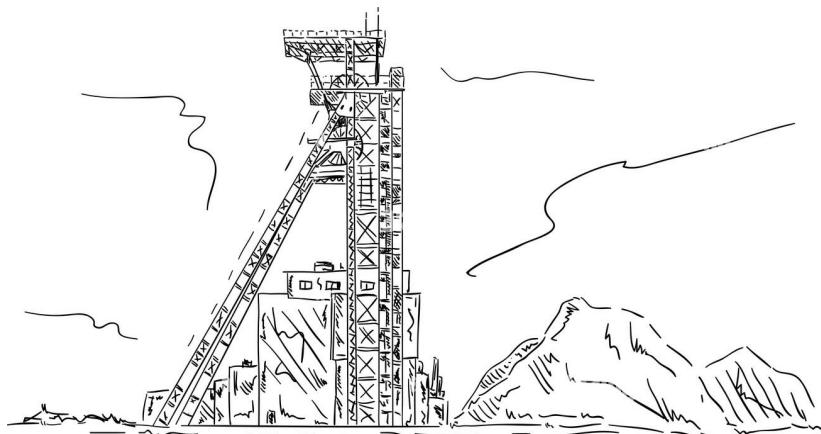
Евгений Прасолов

12+

Губкин
В ЛЮДЯХ И ДЕЛАХ
рассказы, очерки, стихи

*Похвалы залихватской
Городам - целый ворох.
Губкин - город горняцкий
Мне по-своему дорог...*

Поэма «Шаги по руде»

ББК 65.03(2Рос-4Бел)

П 70

П 70 Прасолов, Е. В. Губкин в людях и делах: рассказы, очерки, стихи / Е. В. Прасолов. – Губкин; Старый Оскол : «Ассистент плюс», 2023. – 236 с. : ил.

В книгу Е. В. Прасолова «Губкин в людях и делах» вошли очерки, стихи и рассказы автора, написанные в разные годы творчества. Все они в основном о его родном городе – ровеснике, о его трудных первых шагах и победном шествии затем на пути освоения его несметных железорудных богатств. О его людях.

Автор щедро делится с читателем своими воспоминаниями о личных встречах со всеми героями этой книги – знатными шахтёрами шахты им. Губкина и первопроходцами Лебединского карьера, а также их нынешней сменой – от детей войны до внуков и правнуков. О сбережении памяти военного лихолетья и о «детях войны». С любовью пишет о красоте своего родного края и всей белгородчины.

ББК 65.03(2Рос-4Бел)

© МБУК «Централизованная библиотечная система №1»
Губкинского городского округа, 2023

Об авторе

Родился в деревне Лебеди (ныне г. Губкин) 20.02.1941 г. Закончил Старооскольский геологоразведочный техникум (1959 г.), Всесоюзный заочный политехнический институт (1972 г.) – по горной специальности, очную аспирантуру (1976 г.). Работал на Севере (Якутия) геологом, а в основном – в Губкине: в НИИ по проблемам Курской Магнитной Аномалии, на Лебединском ГОКе – по горной специальности. Занимал также в разное время должности зав.отделом губкинской городской газеты «Новое время», председателя Губкинской телерадиокомпании, директора Губкинского краеведческого музея, преподавателя дополнительного образования во Дворце детского творчества и другие.

Является автором семи сборников стихов и рассказов «Люди любовью живы», «Завороженные дали», «Две судьбы у меня», «Там, где за речкой Оскольцом...» и других. Много лет руководил городской литературной студией «Живые ростки», инициатор и автор-составитель многих коллективных сборников стихов и рассказов губкинских авторов, в том числе – детских. Является лауреатом региональной премии им. Льва Ухова (к 100-летию газеты «Белгородская правда») и Всероссийского литературного конкурса, посвящённого Году экологии (2018 г.) в номинации «Чарующая красота».

Член Союза писателей России. Член Союза журналистов Росси. Был Председателем церковно-приходского Совета строящегося Спасо-Преображенского храма в Губкине (1992-94 гг.) За творческий вклад в литературу был награждён Почётной грамотой губернатора Белгородской области, дважды объявлялся «Человеком года» по Губкинскому городскому округу. С 2019 года – Почётный гражданин города Губкина и Губкинского района.

От автора

Уважаемый читатель! Прежде, чем ты, взяв в руки эту книгу, начнёшь с нею знакомиться, хочу обратить твоё внимание на следующее. Во-первых, два первые раздела книги, представлены всего небольшим числом представителей славной когорты первопроходцев КМА, лишь только чтобы получить общее представление о первых, трудных, шагах нашего города. Более полно славная эпопея освоения железорудных богатств КМА, начала строительства и дальнейшего развития города Губкина изложена в ранее вышедших книгах Е. В. Прасолова «Комбинат КМАруда: вчера, сегодня, завтра» и «Шаги по руде (продолжение поэмы в прозе)», а также в книге «Там, где за речкой Оскольцом». Во-вторых, все герои названных книг, как и настоящей книги, – это люди, с которыми автор встречался и беседовал лично на протяжении всей своей уже долгой жизни. Это и всем известные «отцы-основатели» города Губкина В. М. Кислов и Н. М. Шумейко, и поднявший с товарищами в 1931 году первый кусок железной руды В. А. Ходеев, и горняки-первопроходцы Лебединского карьера, и, наконец, представители всех следующих поколений губкинцев – как шахтёров-горняков, так и других профессий.

Моим землякам

Средь строивших,
Средь всех, кто шёл на марше,
Не плёлся я попутчиком «в обозе».
Я шёл со всеми.
И, к перу припавши,
Я пел мой край,
Стихами пел и в прозе.

И земляки слышали мой голос.
И дорого мне было их вниманье.
И тосковал я, как тоскует колос
Пред жатвою во время созреванья:

Чтоб быть зерну его не легковесным,
Чтоб снова прорасти ему однажды...
Стихи мои!
Вы тоже полновесно
Ложитесь на сердца моих сограждан!

И прорастайте в них! И прорастайте!
Иной судьбы для вас не представляю!
Любовью и надеждой их питайте
И складывайтесь в гимн родному краю.

О городе – ровеснике моём

Мне город мой не статуя без лика,
С ним много память общего навеет.
Но есть одна тут всё же закавыка:
Старею я, а он – всё молодеет.

Мы шли с ним вровень в молодости нашей
Вдали от славы, скромные в одежде:
Он – в латаных заборчиках из плашек,
Я – на пальто приличное в надежде.

Но ныне... ныне, в славе и почёте,
В ровесники он мне уж не годится!
Он молод, молод! Он ещё на взлёте!
Он с внуками моими «корешится»!

От них теперь ему почёт и слава,
От их трудов, задора молодого!
Он – с молодыми рядом, и – по праву!
Машу ему из дальнего былого.

Раздел 1

У села Коробково

*И было так: решающее слово
За тем, чьё имя город приобрёл.
И вот уж у селенья Коробково
Впервые был заложен шахтный ствол.*

Поэма «Шаги по руде»

«Пелёнки» новорождённого города

Каждый год мы отмечаем очередную годовщину рождения своего города – 19 сентября 1939 года. Дата, надо полагать, известная всем губкинцам. Но, думается, далеко не все из них – особенно молодые – имеют полное представление о том, с чем подошёл к этой дате «новорожденный», в какие «пелёнки» – проблемы был запеленат 84 и даже более лет назад совсем ещё крошечный посёлок при шахтах КМА – предтеча сегодняшнего красавца-города Губкина. Давайте вспомним. И пусть кого-то не смущает, что речь будет идти в основном о первой шахте, а не о посёлке как таковом, ибо в то время эти два понятия были неразделимы и понимались как одно.

Итак: с поднятием в 1933 году первой бадьи с рудой из шахты №1 фактически началось промышленное освоение КМА. Планы были большие – создать в самом центре России третью металлургическую базу страны (после Урала и Кривого Рога), для чего предполагалось уже в 1934 году начать строительство металлургического завода на базе богатых железных руд. Однако человек предполагает, а Бог – располагает.

Проблема КМА с самого начала своего возникновения встретила враждебное у одних и недоверчивое у других отношение. Мировой капитал понял грандиозное значение КМА и пытался прибрать к своим рукам путём концессии или, по крайней мере, затормозить разведки на КМА и освоение её богатств. Как писали в то время газеты, «недооценка Курской аномалии есть не только результат халатности, неряшливости и обломовщины, но, видимо, и вредительства, преднамеренного торможения» (газета «Коммуна», 27.04.1933 г.). Так что проходка первой шахты, а с ней и формирование посёлка, протекали далеко не в благоприятных условиях и при исключительных трудностях. Не было должного финансирования ни на проведение научных исследований, ни на необходимое оборудование, ни на элементарный транспорт. Шахта была расположена в 28 километрах от железной дороги (Старый Оскол), и единственным путём на шахту служила совершенно не устроенная грунтовая дорога по чернозёму. Использо-

вание гужевого транспорта для перевозки грузов приводило к огромному падежу лошадей, особенно в осеннюю и весеннюю распутицу. Электричество получали сначала от мало мощного дизеля, а затем от паровых котлов энергопоезда, которые работали на торфе, а торф добывали местные жители в пойме речушки Осколец. Крайняя нужда была и в обеспечении рабочих и ИТР жильём. На шахте, где проживало около 600 человек, имелось лишь два дома на 32 квартиры и общежитие на 96 человек. О трудностях с жильём может сказать хотя бы тот факт, что главный инженер и управляющий проходкой жили в одной комнате площадью 16 кв. м., и там же постоянно жил кто-либо из приезжающих. Поначалу на шахте не было даже красного уголка, не говоря уже о кино, клубе, больнице, радио, спортивной площадке и тому подобном. Катастрофически не хватало квалифицированных кадров.

Из докладной записки начальника «КМАстроя» Наркому тяжёлой промышленности (от 14.07.1933 г.): «...Несмотря на то, что решение ЦК ВКП(б) и Ваш приказ о развёртывании работ по шахтам и заводу на КМА никем не отменены, несмотря на целый ряд новых доказательств полной возможности и экономической целесообразности разработки руд КМА, работы на КМА не разворачиваются, а, наоборот, свёртываются; отсутствует всякая перспектива дальнейших работ...».

«...Больше года на «КМАстрое» нет главного инженера. И вообще вот уже 4 месяца работает лишь один инженер, являющийся начальником горного отдела...».

«...При исключительно тяжёлом положении с дорогой и огромным для такой дороги грузооборотом «КМАстрой» имеет всего лишь 5 грузовых автомобилей и 5 тракторов («Интернационал»), из которых половина в постоянном ремонте... Из 150 лошадей, приобретенных «КМАстроем» в мае прошлого года, осталось 85, находящихся в большом упадке...».

«...Руды КМА залегают под мощным слоем трещиноватого мела, насыщенного водой, и водоносными песками. Однако вопросам гидрогеологии «Союзгеологоразведка» не может уделить внимания, так как эти работы кредитами не обеспечены...».

И так далее, и так далее.

Из сказанного ясно, в каких родовых муках зачинался когда-то город Губкин. Однако, несмотря на все трудности, энтузиазма и упорства губкинским шахтёрам было не занимать, и в октябре 1934 года шахта углубилась уже на 145 метров, осуществлялась проходка горизонтальных выработок. А 9 июня 1936 года произошёл прорыв сильно обводнённых песков-плывунов.... Семь дней и ночей коллектив шахты боролся со стихией, семь дней и ночей работники шахты по пояс и по горло в ледяной воде, глубоко под землёй, рискуя жизнью и здоровьем, обеспечивали бесперебойность работы насосной аппаратуры. Но напор воды был слишком велик, и шахта оказалась затопленной. Плывун заполнил выработки почти до потолочины. Огромными усилиями коллектива шахты последствия аварии к середине сентября были в основном ликвидированы, и работу шахты можно было возобновить, на чём и настаивал академик Губкин. Но в «верхах» возобладали другие мнения, финансирование работ прекратилось, шахта была поставлена на сухую консервацию, то есть, без её затопления (а ведь были и такие предложения!).

Вновь приступить к строительству шахт стало возможным лишь в 1939 году. Из заметки «На шахтах КМА» в газете «Курская правда» (11.04.1939 г.): На шахтах Курской магнитной аномалии...началась подготовка к развёртыванию строительных работ. Через несколько дней сюда придёт 1000 строительных рабочих, горняков и инженерно-технических работников. Партийная и комсомольская организации района посылают на строительство шахт КМА лучших коммунистов и комсомольцев....Сейчас на территории КМА закончен ремонт и строительство нескольких жилых домов... Вскоре начнётся строительство здания школы-десятилетки и других культурно-бытовых учреждений, на что отпущено 700 тысяч рублей». А уже через несколько месяцев после данной публикации «Шахтам КМА» был придан статус городского посёлка и присвоено имя академика Ивана Михайловича Губкина. Эту дату – 19 сентября 1939 года – мы и празднуем теперь.

От шахтного ствола

Так повелось из века в век,
И ныне, и всегда:
На берегах прекрасных рек
Мы строим города.

У Волги-матушки, у рек
Невы, Оки, Днепра...
А город Губкин брал разбег
От шахтного ствола!

Ствола под номером один:
Первее его – нет!
И город мой гордится им
Уж девяносто лет!

За то, что он не обманул,
Открывши закрома:
Нам щедро двери распахнул
К железным рудам КМА.

Так пусть берут от всяких рек
Начало города,
А город Губкин взял разбег –
От шахтного ствола!

В. А. Ходеев

(проходчик на шахте им. Губкина, 30-50-е годы)

Василию Абросимовичу Ходееву было уже 82 года, когда при нашей с ним встрече (в 1987 году) он поделился своими воспоминаниями. Был ещё бодр и подвижен. В глазах, запомнилось, – хитринка и всё шутил. Он был последним из той славной когорты шахтёров-первопроходчиков, отбивших первые куски руды.

Родился я – рассказывал старый ветеран – в селе Толстом Скороднянской волости Старооскольского уезда в бедной крестьянской семье. Приходилось батрачить у кулаков, пасти скот. В 1924 году уехал в Донбасс – молодой был и хотел подзаработать. Определился разнорабочим в одну из шахт, а через год уже работал проходчиком. В 1933 году нас, уже опытных шахтопроходчиков, командировали в распоряжение КМАстроля. Встретились здесь с большими трудностями в питании, жилье, а о такой роскоши, как клуб или баня, и говорить не приходилось. Стал жить семьёй в одной из хат в деревне Коробково, у хозяев – семеро душ и нас трое. Хата топилась по-чёрному. Туго было с транспортом.

Но всё это было пережито, и дело наладилось. Ствол был заморожен и готов к проходке, смены укомплектованы. Проходили ствол отбойными молотками весом по 24 килограмма.

С первого февраля работа пошла полным ходом. До руды было 96 метров. Мы, горняки, решили пройти это расстояние к первому мая, работали в четыре смены по шесть человек и в три молотка. Со мной в смене трудились Малыгин – бригадир, Мороз, Мигунов, Гольцев и Бойко, ребята надёжные и на работу жадные.

К первому апреля ствол был пройден на глубину около 67 м. и закреплён постоянной крепью. Между сменами разгорелось предпраздничное трудовое соревнование – каждый из

нас хотел первым коснуться руды.

23 апреля поздно вечером в забой спустилась наша смена, за отбойные молотки взялись Малыгин, Мороз и я. Вся площадь сечения ствола была разделена на три участка, каждый из нас на своём участке стремился вырваться вперёд, ведь долгожданная руда где-то совсем рядом. Чтобы представить темп нашей работы, достаточно сказать, что по норме нам нужно было выдать на-гора 24 бады с породой, а мы уже к четырём часам утра выдали 40 бадей. Пот лил с нас градом, но усталости мы не чувствовали.

Мне повезло, мой отбойный молоток отбил первый кусок руды. Я отплясывал на радостях, а мои товарищи-соперники бросили свои каски под ноги. Перед рассветом мы поднялись на поверхность, и каждый из нас вручил управляющему Каменному по куску руды.

А через три дня на торжественное открытие митинга приехало большое начальство, был вечер, всем проходчикам вручали премии. Меня премировали бостоновым костюмом (неслышанная по тем временам роскошь) и путёвкой на курорт.

А впереди были новые трудности. Проходку предстояло вести по кварцитам, а в распоряжении проходчиков были лишь калёные буры. Они постоянно выходили из строя, быстро тупились. Однажды к нам в забой спустились незнакомые люди. Это были приехавшие из Москвы академики Губкин и Терпигорев. Они интересовались, как мы работаем, и мы сказали, что очень тяжело бурить. Иван Михайлович Губкин пообещал нам прислать колонковые молотки с твёрдосплавными наконечниками. После того, как мы их получили, работать стало немного легче.

В 1935 году мы уже работали на трёх горизонтах, два – по руде и один по кварцитам. А примерно через год мы проходили штрек и наскочили на пережим, то есть котлован с песком-плывуном. Десять дней все, кто мог, вели борьбу с затоплением выработок, но ничего не могли сделать, и нам пришлось отступить. Потом на этом месте пробурили скважину и начали под большим давлением (до 60 атмосфер) подавать по ней цемент. Потребовалось четыре железнодорожных

вагона цемента, но пловун «задавили». Воду из выработок откачали, всё очистили, и можно было снова работать.

Однако шахту поставили на сухую консервацию. Нас, шахтёров, уволили, и шахта простояла законсервированной три года. А в 1939 году вышел приказ наркома тяжёлой промышленности, чтобы все шахтёры вернулись опять на КМА-строй. Сюда прислали нового директора В. М. Кислова, тогда же приехал известный сейчас в нашем городе ветеран КМА Н. М. Шумейко. И теперь я чувствую гордость, что я и мои товарищи стояли у истоков рождения комбината «КМАруда» и нашего прекрасного города.

Н. С. Белых

(скреперист-взрывник, 70-е – 80-е годы)

Николай Сергеевич Белых отдал Комбинату в общей сложности 23 года, из них 20 лет – шахте. Там он работал машинистом скреперной лебёдки. Так официально записано в документах. Но Николай Сергеевич считает наиболее правильным, если называть «скреперист-взрывник». Потому что в армии служил в сапёрных войсках.

Впрочем – по порядку. Колино детство пришлось на годы войны. Он хорошо помнит, как провожал отца, держась за его руку и плача: «Папа, тебя убьют немцы!». «Не убьют, – говорил отец, – пусть только попробуют!» Отец с войны не вернулся. Но когда ещё был на сборном пункте перед отправкой на фронт всего в 30 километрах от своей деревни, передал Коле большую буханку белого-белого хлеба – Николай Сергеевич и сейчас её помнит, хотя ему уже за 80. Последний гостинец отца.

Рос Николай, как и все его сверстники – дети войны, в большой нужде, голоде и холоде. Рано зато приучился к труду, что потом очень пригодилось по жизни. В колхозе до армии больше проявлял себя по плотницкой части, хотя мог и окно застеклить, и печку, хоть русскую, хоть голландскую, сложить и много что другое сделать, необходимое в крестьянском

быту. Успел до армии жениться и заиметь сына (так как не сразу взяли в армию по причине одного кормильца в семье). Ну, а когда отслужил три года в армии, да ещё и в сапёрных войсках, тесно ему стало в глухом курском селе. Так оказался наш герой вместе со своею семьёй на губкинской земле. Но вожделенную каску шахтёра надел на голову не сразу. Сначала поскитался по чужим квартирам Йотовки и Салтыково. Затем устроился на работу, хоть вначале – только по плотницкой части, в Комбинат КМАруда. А года через полтора руководство, признав право бывшего сапёра на место работы на более ответственном участке, согласилось на перевод Николая в шахту в качестве машиниста скреперной лебёдки.

Николай Сергеевич неплохо сохранился для своего возраста: немного глуховат, но беседовать с ним легко; взгляд на собеседника заинтересованный, отвечает на вопросы охотно, с готовностью, но увлекается, и каждый раз надо останавливать, переключая на главное. Начав рассказывать, как он управлялся со скрепером, энергично двигает руками, положенными на воображаемые рукоятки управления, а говоря о кладке русских печей, срывается со стула и бежит к противоположной стене, чтобы прочертить на ней невидимые линии воображаемого рисунка печи. С особой охотой рассказывает, как и в каких случаях скреперист становится одновременно и взрывником.

– Представьте огромную подземную камеру, заполненную уже взорванной рудой. Через отверстие, называемое дучкой, эта руда понемногу просыпается вниз, подхватывается скребками моей лебёдки и доставляется в стоящую на железнодорожных путях вагонетку. Процесс идёт непрерывно. Но вот вдруг руда перестала просыпаться и всё остановилось. В чём дело? Оказывается, в дучке застрял плохо взорванный крупногабаритный кусок руды, так называемый, «бут». Он завис над моей головой на высоте более двух метров, и в нём, может, не одна тонна веса. Что делать? Я беру готовый для таких целей пакет со взрывчаткой и детонирующим шнуром и прикрепляю всё это к длинной рейке. Затем с помощью рейки, стоя под зависшей надо мною многотонной рудной массой, осторожно

стараюсь прикрепить взрывпакет к «буту». Не сразу это обычно получается. Да и опасно. Потом надо правильно соединить детонирующий шнур с патроном и огнепроводным шнуром, поджечь последний спичкой и успеть убежать в укрытие. Тут опасностей хватает, чуть ошибся – или пальца, или глаза, или тебя самого нету. Ну да Бог миловал, как говорится. Тут, конечно, с техникой безопасности дружить надо. Мои вот товарищи многие уже «убрались», а я, как видите, жив ещё. Я, например, никогда во время работы не снимал, как некоторые, маску с лица. Им же, некоторым, покурить всякий раз требовалось, а я не курил. И никогда не держал даже в мыслях, чтобы под землёй выпить чего-то такого.... Рассказать случай? Работаю я как-то, вдруг от соседней дучки какой-то шум. Побежал туда, а там напарник мой стоит, чуть не с головой дроблёной рудой засыпан. Буквально, одна голова торчит! Оказывается, сначала в дучке было зависание, а напарник что-то не так сделал, и вся зависшая руда на него рухнула. Хорошо, что не очень крупная была, а то бы... Повезло парню. Но это что! Я, когда к нему приблизился, а от него спиртным отдаёт. Шепчет мне: «Там, в ящике из-под взрывчатки, «чекушка» спрятана, убери куда хочешь, ради бога, а то посадят меня». Ну, да сейчас такое вряд ли с кем может случиться. Сейчас вообще и во всём безопасней стало работать. Строже, потому и безопасней. А о скрепере я уже сейчас не говорю. Вместо скрепера, помню, привезли такую установку, называлась... – Николай Сергеевич силится вспомнить название и не может. Я прихожу на помощь:

– Виброустановка, что ли?

– Да-да! – обрадованно восклицает ветеран. – Так здорово потом стало с нею! Прямо легко стало работать.

А я вспоминаю, как, придя работать в 60-е годы в институт НИИКМА в лабораторию подземных работ, часто слышал от своего начальника Г. М. Бабаянца сетования на трудности с внедрением какого-то изобретения, где постоянно присутствовало слово «вибро»: виброустановка, виброподставка, вибровыпуск... Трудности были в том, что любое внедрение подобного масштаба физически обычно ложится на плечи

рабочих, и пока будет идти установка-наладка, работы будет больше, а зарплата – меньше. И надо убеждать, что «завтра будет лучше, чем вчера». Что ж, значит, дождался когда-то мой скреперист-взрывник этого «завтра».

– А я, между прочим, тоже «рацуху» имел, – вдруг говорит, ласково глядя на меня ветеран. Берёт листок бумаги и пытается на нём изобразить свое, теперь уже давнее-предавнее, рационализаторское предложение. После нескольких попыток отодвигает бумагу в сторону. – Нет, плохой из меня художник.

Но я, кажется, понял суть «рацухи»: она состояла в том, что, если тяжёлый скребок скрепера нечаянно окажется внутри вагонетки, то, чтобы легче было возвратить его в первоначальное положение, потребуются две деревянные шпалы (которых в шахте тогда было во множестве) и т.д. Вникать в это сегодня уже необязательно, но тогда предложение было принято.

– Всякие были мне поощрения, – говорит Николай Сергеевич. – Часы вон на стене висят, фотоаппарат, путёвку на двоих в санаторий. И этих бумаг много... как их... забыл, как называются! – Грамоты, что ли? – Ну, да, грамоты!

П. И. Сотников

*(машинист-механик, секретарь парткома шахты,
60-80-е годы)*

Вполне допускаю, что не одному мне, общаясь с Петром Ильичом Сотниковым и узнавая его ближе, приходила на ум известная в нашем народе поговорка: «Мал золотник да дорог». Он и в самом деле – невысокого роста. Но вся его биография заставляет больше клониться ко второй части утверждения.

Родился Пётр Ильич в 1935 году в довольно глухом селе Котово Старооскольского района в семье колхозников, отец погиб на войне. И значит, маленький Петя, сполна изведал все лишения и испытания, доставшиеся детям войны – нужду, голод и холод. Но по окончании школы он, единственный из своей деревни, поступает в самое престижное в то время на

весь район учебное заведение – Старооскольский геологоразведочный техникум и с отличием заканчивает его. Затем – работа молодым специалистом-геологом в Узбекистане, изматывающие маршруты по жаркой пустыне Кызыл-Кум (красные пески), потом – три года службы в армии.

На Комбинате КМАруда Пётр Ильич – с 1960 года. Сначала работает машинистом бурового станка, затем механиком подвижного состава. В его обязанности входит ремонт и обслуживание шахтных электровозов и вагонеток, контактной сети и сигнализации, содержание всего этого хозяйства в технически исправном и безопасном состоянии. Есть такая притча. На строительстве храма у троих рабочих, которые возили тачки с камнем, спросили, что они делают. Первый сказал: «Вожу камни», второй – «Зарабатываю на хлеб», а третий с гордостью ответил: «Я строю храм». Мне кажется, что на месте третьего мог бы быть и Пётр Ильич Сотников. Видимо, он не просто бурил скважины и не просто занимался ремонтом электровозов, если менее чем через полтора десятка лет коллектив шахты избрал его своим партийным вожаком, секретарём парткома шахты. Причём, хочу подчеркнуть, что орден Ленина наш герой получил за трудовые достижения отнюдь не во время своего «секретарства», как это нередко бывало тогда (да и сейчас бывает), а восемью годами раньше избрания на такую ответственную должность.

Пётр Ильич вспоминает:

– Придя на Комбинат, стал работать в шахте имени Губкина на участке №4 (по бурению глубоких скважин с горизонта минус 71 м.) машинистом бурового станка. Станок обслуживали двое рабочих – машинист и помощник машиниста. В 1963 году по инициативе молодых рабочих была создана комсомольско-молодёжная бригада во главе с Виктором Котёнёвым, которая выступила с инициативой по обслуживанию бурового станка одним машинистом. В этой бригаде в одном звене работали также я и Юрий Чистников – будущий орденносец, Лауреат Государственной премии. В дальнейшем по такому методу стал работать весь коллектив участка, что позволило повысить производительность труда и, соответствен-

но, зарплату рабочих.

Следует отметить, что в коллективе Комбината КМАруда в целом и во всех его подразделениях всегда особое внимание уделялось соревнованию трудовых коллективов по выполнению конкретных плановых заданий. А конечный результат – это досрочное выполнение плана по добыче железистых кварцитов, получение концентрата, отгрузка и отправка его на металлургические комбинаты. Коллектив Комбината КМАруда неоднократно выходил победителем в соревновании с другими коллективами области, Министерства чёрной металлургии СССР, Советского Союза. Недаром в 1972 году в честь 50-летия образования СССР ему было присвоено почётное звание «Комбинат КМАруда имени 50-летия СССР». Также и коллективы отдельных бригад шахты имени Губкина неоднократно выходили победителями в соревнованиях среди коллективов города, области, Министерства чёрной металлургии СССР. И здесь не могу не упомянуть бывшего горного мастера рудника имени Губкина Николая Ивановича Евстратова. В начале 60-х годов прошлого века он заключил договор по социалистическому соревнованию со знаменитым бригадиром шахтёров Донбасса Мамаем и ездил к нему на угольную шахту. Тогда за их соревнованием следила вся страна. А мне посчастливилось работать вместе со многими участниками Великой Отечественной войны. Среди них – бригадир машинистов буровых установок Михаил Пономарёв, Михаил Сотников, Василий Лощёнов, Василий Иванюк, Виктор Мелентьев, Яков Горбачёв, Василий Берзень, Анатолий Быков. У них я учился не только отношению к труду, но и вообще – к жизни.

В. А. Артёменко

(директор Комбината КМАруда, 1988 – 1990 гг.)

Уж на кого, на кого, а на руководителей своих Комбинату КМАруда, слава Богу, всегда везло, начиная от В.М. Кислова и далее, на протяжении всей его истории и на моих глазах. Говорю так потому, что в нашем небольшом городе (особенно, если вести счёт от уже далёких 50-х – 60-х годов) все они были на виду и на слуху. И любая домохозяйка в те годы могла бы, кажется, правильно ответить на вопрос, кто такой, скажем, Приходько, Журин, Масокин и так далее, «по списку». Потому что, когда один приходил на смену другому, в каждом доме, в каждой семье это событие становилось известным, нередко обсуждалось. Ведь Комбинат долгое время был единственным градообразующим предприятием со всеми, как говорится, вытекающими отсюда последствиями.

Так вот, оглядываясь на свой пройденный путь сначала далеко назад, вплоть до 50-х годов прошлого века, и до сегодняшней, «новейшей», истории, я не могу вспомнить, чтобы среди жителей города,неважно, были они работниками Комбината или нет, ходили отрицательные отзывы о ком-то из его директоров. Были и у меня с ними контакты эпизодического, а с кем-то и более тесного характера.

С Владимиром Андреевичем Артёменко я познакомился, будучи секретарём партийной организации института НИИК-МА, на одном из городских партийных совещаний. До этого я уже слышал, что на Комбинате КМАруда коммунисты избрали нового секретаря парткома, довольно молодого для такой должности. Он оказался на несколько лет меня моложе, и первое от него впечатление после нашего о чём-то с ним тогда разговора у меня осталось: «очень скромный и уважительный». Скромность была неподдельная, и это чувствовалось.

Мог ли я тогда предполагать, что веду разговор с будущим генеральным директором Комбината, который в лихие для всей страны 90-е годы, в условиях жесточайшего финансово-экономического кризиса выстоит со своим коллективом в конкурентной борьбе с другими горнорудными предприятиями, и не только выстоит, но получит новое дыхание для своего дальнейшего развития! Что будет он встречаться с самим первым Президентом России Б. Н. Ельциным и просить его хотя бы на время снизить на Комбинат налоги, чтобы ввести в эксплуатацию новую, Стретенскую, залежь. Что без малого через 40 лет я буду договариваться с ним о встрече, чтобы послушать и записать его воспоминания о том нелёгком периоде в работе Комбината КМАруда и что после этой встречи во мне снова оживёт то впечатление 40-летней давности: «очень скромный и уважительный».

В. А. Артёменко вспоминает:

– В 1972 году молодым специалистом с дипломом горного инженера я приехал в Губкин. Город и шахта мне были знакомы – здесь, еще учась на первых курсах, в 1966 году проходил ознакомительную практику. В то время студенты могли побывать во многих местах, трудились рабочими, и приобретали бесценный и нужный в последствии опыт. Я, например, в студенческое время работал на шахтах Лениногорска (это Восточный Казахстан), Тырныауза, Джезказгана. К окончанию института в 1969 году у меня имелось не только инженерное образование, но и несколько рабочих профессий, что давало возможность хорошо ориентироваться на производстве. Из всех мест, где довелось быть, больше понравился Губкин.

Вдвоем с супругой Ольгой Николаевной, окончившей медицинский институт, попали на прием к тогдашнему директору Комбината КМАруда В. И. Масокину. Считаю, это легендарный директор, имевший очень большой авторитет. Он поставил условие, «Если пойдешь на шахту горным мастером, а жена – цеховым врачом, то дам вам однокомнатную квартиру на улице Лазарева». В то время Комбинат там строил жилье. Мы, конечно, согласились.

1. От горного мастера – до начальника участка

– Я поступил – рассказывает Владимир Андреевич – на шахту имени Губкина, начальником которой был Николай Яковлевич Журин, а жена стала цеховым врачом шахты, где проработала почти 10 лет. Сначала меня оформили проходчиком, выполнял все работы, которые поручались. Через месяц на базе объединённого буропроходческого участка, который возглавлял Н. И. Евстратов, были образованы третий и четвёртый участки. Начальником третьего назначили В. Н. Токарева, туда меня и направили горным мастером.

За годы работы на шахте я приобрел хороший опыт. Считаю, что в этом плане мне повезло. До 1975 года трудился горным мастером, потом несколько месяцев заместителем начальника участка №3, а затем возглавил его. Начальником третьего участка проработал четыре года. Когда пришел на шахту, работы осуществлялись с помощью скреперных лебедок, использовались тросы, блочки, бурили ручными перфораторами. Много делалось вручную – это был тяжелый физический труд. В 70-е годы в проходке произошла, можно сказать, техническая революция: началось внедрение самоходной техники, представлявшей собой маленькие самосвалы с ковшом. Не все было просто. Выручало то, что Воронежский завод находится рядом. Частыми гостями на шахте были конструкторы и специалисты завода. Внедрение принципиально другой техники значительно облегчило работу, привлекло в шахту новые кадры (в 1975-79 годах на участке была очередь, чтобы устроиться проходчиком), удалось повысить зарплату. Пришли молодые ребята с техническим образованием В. П. Кордубайло, А. Н. Середин, А. Г. Грибовский и другие. С притоком молодежи укрепилась дисциплина на участке, появился дух соперничества, соревнования. Работа пошла веселее.

Следующий важный этап, о котором, думаю, уже мало кто помнит, был связан с внедрением дизельных машин польского производства ЛК-1. Тогда я уже возглавлял третий участок. Это вообще был принципиально новый вопрос, потому что вставляли проблемы габаритов машины, проветривания, ней-

трализации выхлопных газов. Все это было впервые и сначала казалось неразрешимым. Тем не менее, нашлись профессионалы, которые овладели этой техникой и работали на ней.

Одновременно с внедрением погрузочно-транспортных машин шёл поиск бурового оборудования. Остановились на сравнительно простой, но достаточно эффективной буровой установке УПБ-1. Организовали их ремонт, поставку запчастей и больше двух десятилетий они успешно эксплуатировались. Сегодня им на смену пришло мощное буровое оборудование.

Со мной на третьем участке работали специалисты, впоследствии вставшие у руля шахты и комбината: В. Н. Ельников, А. В. Толубаев, В. Н. Токарев, Г. К. Костомаров и другие. Наш участок был настоящей кузницей кадров, чему способствовали сложившиеся условия: проведённое техническое перевооружение по праву можно назвать революцией. Было трудно, но никто не испугался. Любимое дело давало заряд, вселявший уверенность двигаться дальше. В. П. Бугаец, Н. Д. Малявин, В. С. Меркулов, А. П. Константинов, каждый из них внёс свой вклад в общее дело. Теперь на комбинате «КМАруда» трудятся сыновья тех, кто закладывал прочную базу в 70-е годы.

В те времена гремели имена многих выдающихся рабочих, шахтёры пользовались уважением, авторитетом, занимали первые места во Всесоюзном соревновании, награждались ценными подарками, денежными премиями. Считаю, что многие новшества, перевернувшие старые представления не только на шахте им. Губкина, но и на комбинате в целом, были бы невозможны без такого руководителя как Н. Я. Журин. Внедрение вибротехники на погрузке руды, пневмопушек, самоходной техники, буровых установок, начало исследовательских работ по закладке камер хвостами, которые образуются в процессе обогащения железистых кварцитов, строительство и монтаж новой вентиляторной установки ствола №5 и многое другое – это результат его энергии, пробивной силы, ведь новое почти всегда встречает сопротивление. Его характер полностью отвечал внешности: он был высоким, крепким, решитель-

но ставил задачи и настойчиво добивался их решения. Много лет проработав на шахте, Николай Яковлевич только главным инженером и начальником был более 15 лет. Он досконально изучил производство. Глубокое знание, опыт, энергия у него сочетались с вниманием к людям, заботой об условиях их труда и быта. По его инициативе в начале 70-х годов было организовано дополнительное бесплатное питание для шахтёров: выдавались талоны на 70-80 копеек, по ним в столовой получали хороший завтрак. Так, перед сменой горняки обязательно принимали пищу. Началось внедрение респираторов «Лепесток», защищавших органы дыхания. Их применение свело заболеваемость силикозом практически к нулю. Став директором комбината в 1975 году, Н. Я. Журин много сил и энергии затратил на техническое перевооружение предприятия. В то же время было организовано и давало трудящимся комбината отдачу подсобное сельское хозяйство, возводился новый корпус пансионата в Гудауте, прорабатывалась идея построить базу отдыха на берегу Оскольского водохранилища.

Мне повезло, что я сотрудничал с людьми, которые являлись горняками и профессионалами до мозга костей. На их опыте и примере у меня сформировались необходимые руководителю профессиональные качества. Подмечая, как они общаются с рабочими, инженерами, проводят оперативные совещания, набирался опыта, перенимал необходимые навыки. Я благодарен им за ту школу, которую прошёл. Для меня это действительно очень важно, потому что по возрасту я был самым молодым начальником участка.

2. На посту директора Комбината

...Ясно, что задачей номер один для меня в должности директора была Стретенская залежь. В итоге длительных усилий сдвиг, наконец-то, произошёл. В белгородском институте «Центрогипроруда», разработчика проекта развития нашего предприятия, состоялась встреча, на которой присутствовали непосредственный представитель министерства чёрной металлургии – начальник «Союзруды» И. Ф. Граур, руко-

водители института, а также главный инженер комбината «КМАруда» В. Н. Токарев. В своём докладе я отметил, что без Стретенской залежи первенец КМА просто прекратит своё существование, а чтобы её вскрыть, требуется более 400 миллионов рублей для проходки тысяч метров горных выработок и нового ствола. Такая информация стала неожиданностью для руководителя «Союзруды». И. Ф. Граур даже спросил, обращаясь к проектантам: «Неужели этот молодой директор излагает правду и положение настолько серьёзное?» Тогда меня решительно поддержал главный инженер «Центрогипроруды» Р. А. Фидель (в прошлом он работал главным инженером нашего комбината и отлично знал ситуацию): «Всё, что сказал Артеменко, действительно является реальностью. Если не пойти на Стретенку, то комбинат исчерпает себя в ближайшие пять-семь лет». В результате было принято решение начать работы по вскрытию Стретенской залежи.

В 1991 году были начаты работы по строительству ствола №6. Сложные горно-геологические условия, большая обводнённость продиктовали необходимость бурения скважин для последующей заморозки пород. Иначе нельзя было начать проходку ствола. Практически одновременно с работами на поверхности началась проходка горных выработок на обоих горизонтах шахты в направлении Стретенки. В мае 1993 года процесс заморозки был завершён, обустроены поверхностные сооружения, подготовлены необходимые для крепления ствола чугунные тубинги. Провели импровизированный митинг с участием шахтопроходчиков, смежников, как водится, разбили «на счастье и удачу» бутылку шампанского. И началась проходка ствола №6.

Работы велись интенсивно. Но к этому времени появились иные трудности: в стране разразился финансово-экономический кризис. Распался Советский Союз, разрушились хозяйственные связи, резко упало производство в таких отраслях как оборонная промышленность, сельское хозяйство, строительство, машиностроение, являющихся основными потребителями металла. Соответственно, сократилась потребность в сырье для металлургии. Пошли взаимные неплатежи, вер-

нулся натуральный товарный обмен или, как его называли, – бартер. Механизм перехода к рыночным отношениям не был отработан, а проще сказать – отсутствовал. Полностью оказалась разрушена система снабжения не только производства, но и самого необходимого для жизни людей. Как пришлось выживать в этих условиях – это тема для отдельного рассказа.

...Бывали случаи, когда из-за задержек зарплаты шахтёры не опускались или не выезжали из шахты. Мы выходили к людям, спускались в шахту и находили с ними общий язык, разъясняли ситуацию. Многие помнят, тот день, когда горняки вышли на центральную площадь Губкина и организовали митинг с требованиями ликвидировать задержки выплаты зарплаты, повысить её уровень. Шахтёры не допустили к микрофону представителей политических партий ни левого, ни правого толка. Было подчёркнуто, что выдвигаются требования только экономического характера. Всё проходило организованно, без оскорблений и выкриков. Хотя желающие спровоцировать беспорядки, «половить рыбку в мутной воде» со стороны находились. Отмечу, что шахтёры лично мне, как директору, претензий ни разу не высказали – горняки верили руководству комбината, знали, что мы делаем всё возможное. Активную роль в этот период играл профсоюзный комитет в лице Н. В. Худякова, Ю. Е. Прокудина, А. Д. Дацковского, Е. В. Кривченкова. Не скрою, что в такой напряжённой обстановке даже среди ближайших сподвижников раздавались голоса: «Давайте остановим проходку ствола, а то погибнем. Не до жиру – быть бы живу». Приходилось убеждать каждого в отдельности, что останавливать работы нельзя. Опорой был Совет трудового коллектива, Совет директоров, руководители цехов.

...Но проходка ствола №6 и вскрывающих выработок на обоих горизонтах не прекращалась ни на один день. Ни на одном железорудном предприятии в масштабах не только России, но и бывшего Советского Союза в то время никто не взялся за проходку новых стволов шахт, а большинство комбинатов с открытыми горными работами в это время уменьшали объёмы вскрышных работ. Что же двигало нас к этому настой-

чивому стремлению вскрыть новую залежь? Во-первых, чёткое понимание, что без этого Комбинату не жить. А это судьбы тысяч работников и членов их семей, многих горожан так или иначе связанных с Комбинатом. Во-вторых, мы верили, что при вскрытии Стретенки найдётся и более богатая железом руда. Залежь можно сравнить с пирогом. По краям тесто, а внутри начинка. Как бы она нас выручила в то тяжёлое время!

И когда сегодня я вижу, что по отдельным камерам среднее содержание железа достигает 31% – это как раз та руда, к которой мы стремились. В настоящее время со Стретенской залежи уже добыты миллионы тонн руды. Комбинат КМАруда живёт и процветает, наращивает мощность. Невольно возникает гордость за то, что в этих успехах есть и весомая доля нашего труда. Мы сделали всё, что могли.

Ю. А. Чистников

(бурильщик глубоких скважин)

Она позвонила мне, когда я шёл по вечернему Губкину. Шум проезжающих машин иногда перекрывал голос говорившей, и я не сразу понял, кто говорит. Ею оказалась вдова знаменитого в прошлом шахтёра Ю. А. Чистникова. Она с ходу стала благодарить меня за вышедшую месяцем ранее книгу «Комбинат КМАруда: вчера, сегодня, завтра», которая, как выяснилось, была ей, в числе других знатных шахтёров, подарена во время празднования 65-летия Комбината.

– Я плакала, – доносилось из моего мобильного, – я прочитала её от корки до корки! Как будто вновь побывала этот месяц с моим Юрой... Спасибо Вам огромное....

– Да за что же мне-то спасибо? Ведь я о Вашем Юрии Алексеевиче в этой книге ничего не писал! Кроме, разве, отдельных воспоминаний о нём других, ныне живущих, шахтёров....

– Нет-нет, вы всё время писали и о нём, я ощущала это в продолжение всей книги. Ах, вы не представляете, как это здорово – оказаться вдруг в знакомой среде, в такой знакомой обстановке, в окружении товарищей Юры. А вы что, Юру разве не знали?

Шахтёр – легенда

Что было мне ответить? Что я его знал? Но наши с ним пути по жизни никогда и нигде не пересекались, ни одним словом с ним мы не перемолвились, и наши руки никогда не тянулись навстречу друг к другу для пожатия. Но и ответить утвердительно на вопрос жены шахтёра я тоже не мог и вот почему. Вспомнилась вдруг поразившая когда-то меня картина нашего талантливого художника-земляка А. Г. Савинова «Горняки в забое» и написанный мною под этим впечатлением стих «На выставке в музее». Были в нём и такие слова:

...Ещё я видел в работе
отличных ребят-шахтёров:
Как ласточки, трепетали
бурмолоты в их руках.
И был там наш Юрий Чистников,
он мною легко был угадан,
И я пожалел, что с ним рядом
не я, а кто-то другой...

Конечно, если честно, то увидеть в одной из безымянных фигур на картине Чистникова в то время мне могла позволить лишь его только-только начинающая расти известность и моя фантазия. Но не успел потухнуть этот образ, как тут же услуж-

Супруги Чистниковы в сквере «Шахтёрской славы»

ливая память подсунула другой. 80-е годы. Ю. А. Чистников – в зените славы, имя его уже нередко сочетается с выражением «шахтёр-легенда». А вот как писала о нём в те годы газета «Правда», главная газета страны. «Раз в неделю, в ночь под воскресенье, земля вокруг шахты имени Губкина на окраине одноименного города содрогается от мощного гула: взрывники готовят фронт работ добытчикам железной руды. Это едва ли не самая трудная горняцкая работа, требующая особого мастерства. Но за участок бурения на комбинате «КМАруда» имени 50-летия СССР спокойны: ни разу за многие годы бурильщики не подвели своих смежников – проходческие бригады. Во многом благодаря тому, что есть на этом участке настоящий профессор в своём деле, горняк с двадцатилетним стажем Юрий Алексеевич Чистников. (П. Лемешко. Газета «Правда», 27 января 1985 г.).

Так вот, иду я по городу, навстречу – он, шахтёр-легенда. И хотя мы не знакомы, примелькавшееся по частым газетным публикациям и публичным выступлениям лицо заставляет меня повернуть голову и поздороваться. Поздоровался, проходя мимо меня, и он и, казалось бы, что в этом примечательно? Да, ничего, если бы не появившееся при этом на его лице, а точнее в глазах, выражение. Это было выражение быстро сменяющихся вопроса, лёгкого удивления и, наконец, признательности! Не равнодушия или безразличия, вполне, казалось бы, объяснимых в его положении, а именно признательности! Выражение это долго потом не отпускало меня: чем мог заслужить его я, человек совершенно ему незнакомый? Лишь годы спустя нашёл я случайно в какой-то книге объяснение такому явлению. Оказывается, оно чаще свойственно людям достойным, но очень скромным. Именно в силу этой скромности такие люди, не испытывая явного стремления к любой демонстрации своих достоинств, тем не менее, испытывают признательность к тем, кто достоинства эти в нём видит и признаёт.

Всё, что в тот момент вспоминалось, не мешало мне одновременно улавливать на слух и откровения моей телефонной собеседницы. «Как я хотела, чтобы он пошёл учиться, чтобы

приобрёл какую-нибудь специальность! Юра, – говорила я ему, – ну и что с того, что тебе орден Ленина дали, что ты лауреат Государственной премии и всё такое прочее, а если случись какая авария или что-то ещё, и ты не сможешь свои рекорды ставить и вообще не сможешь работать в шахте... да мало ли что может случиться! – куда пойдёшь, гдестроишься? Вы не поверите, я даже однажды жалобу на него в партком написала, что он учиться не хочет, чтобы они воздействовали как-то на него...». Голос в телефоне неожиданно смолк. Я посмотрел на экранчик своего телефона – он светился, зарядка была в норме. «Расстроилась, – подумал я о звонившей. – Может, завтра ей перезвонить? А что ей скажу – «продолжайте ваш разговор, я слушаю»?».

«Оставил... не скучать»

И всё же где-то через месяц я позвонил и договорился о встрече. На столе в зале у Людмилы Яковлевны Чистниковой меня ждала большая стопка папок с наградными листами и семейные альбомы. Хозяйка оказалась словоохотливой. Сказала, указывая на папки:

– В последнее время, когда Юра болел, спрошу его, бывало, куда всё это девать, он всё шутил: «Это, чтоб ты без меня не скучала». Вот и оставил одну в четырёх комнатах с ними... не скучать. А раньше каждый раз, бывало, принесёт с работы какую-нибудь очередную грамоту или ещё что, обязательно скажет: Вот видишь, а ты не хотела за меня замуж выходить!»

– Вы и вправду не хотели?

– Да как сказать? Выбор-то у меня был!.. Когда у меня появился Юра, и я отказала прежнему ухажёру, знакомые говорили: «Сменяла орла на воробья». Это потом мой Юра тоже стал орлом, что на него все губкинские женщины заглядывались. А кто он поначалу был? Так, заводила старооскольской уличной шпаны, ценитель голубей и собак, мастер подраться. Недаром ему, когда он однажды пришёл домой с подбитым глазом, отец сказал: «Наконец-то и на тебя кулак нашёлся!» Он ведь с 10 лет без матери остался, а мачеха не здорово жаловала... И

после армии, когда с ним познакомилась, ещё ходил в коротеньких штанишках да в кургузом пиджачке.

– Как же Вы в нём «орла» разглядели?

– А вот не знаю! Может, обратила внимание на его скромность. Он был удивительно скромный, несмотря на всю отчаянность. А ещё – гордый, у-у, он да его отец – два гордеца! Как-то поссорились, отец собрал его вещи в два чемодана и выставил на крыльцо. Сын молча взял их и ушёл в общежитие. Но когда предлагал мне пойти с ним в ЗАГС, чтобы расписаться, то не предлагал, а просил, как ребёнок, и голос дрожал, как у ребёнка. Очень боялся, что не соглашусь. Я ведь тоже была гордая, одно слово – кубанская казачка! ... Когда с Юрой поженились, переехали в Губкин. Этот город и стал моей второй малой родиной, здесь протекла моя почти вся сознательная жизнь.

– В лучах шахтёрской славы любимого мужа?

– Ничего подобного! Мне и своей славы хватало. Ну... не славы, конечно, но в городе меня знали многие. И должность у меня была в городе заметная. Не буду вдаваться в подробности, они вам не нужны, но поверьте, было всё очень непросто. Особенно в те, советские, времена. Но давайте говорить о Юре, вы ведь о нём хотели послушать?

– Почему же, и о вас тоже! Вы что-то в прошлый раз говорили, как учиться его заставляли, даже жаловались на него в партком...

– Жаловалась, да что толку! Никакого ответа я не получила тогда. И только много лет спустя, когда Юра был уже на пенсии, один из его бывших начальников признался мне, что жалобу мою они тогда спрятали, Юре не показали. Он ведь был нужен им как герой, как знамя Комбината, а не как студент. А у него не только руки были «золотые», но и голова очень светлая. Он и на пенсии потом не мог без дела сидеть, работал председателем садоводческого товарищества, а всё тосковал по шахте. Переживал, что не нашлось ему там с его опытом настоящего применения. Впрочем, в те, перестроечные, времена уже не только не до него, но и никому ни до чего было. Последние годы болел тяжело, врачи говорили – на нервной почве.

Во всё время разговора лицо моей собеседницы постоянно то озарялось при тёплых воспоминаниях о муже, то на него набегала тень грусти. Словно у идущего в солнечный день по лесу. Рассказывала, как любил муж свою бригаду, в которой был бригадиром, как самозабвенно отдавался работе – «я даже иногда ревновала!», – как, достигнув рекордных высот производительности в своей работе, сам вызвался поработать в отстающих бригадах рядовым бурильщиком, чтобы поделиться с ними своим опытом. В каких стеснённых условиях жили в первые годы (что, кстати, не помешало им произвести на свет двух прекрасных сыновей).

– Людмила Яковлевна, – вдруг говорю я, – вы сказали, что даже ревновали мужа к его работе. А больше ни к чему, вернее, ни к кому вы его не ревновали? Сами же говорили, что многие женщины на него заглядывались, что, дескать, «орёл» был. Да это и по фотографиям видно.

Не сразу ответила мне моя собеседница:

– А я и сейчас считаю, что добрая половина губкинских женщин была влюблена в моего Юру.

Во взгляде её, устремлённом куда-то мимо меня, в пустоту, просматривалась ласковая печаль, какая бывает у людей, смотрящих вслед только что скрывшемуся поезду, на котором уехал близкий человек. Но было ли в этом ответе признание на мой вопрос или, наоборот, отрицание, я уточнять не стал.

В. К. Томаев

(генеральный директор Комбината КМАруда, 1997-2007 гг.)

«...я остался верен себе и Комбинату, надеясь на лучшее. И лучшие времена наступили – с приходом нового генерального директора В. К. Томаева. Он смог удержать Комбинат на плаву. Низкий поклон этому человеку за его организаторские способности, заботу о предприятии и людях»

В. А. Жарков,
зам. начальника участка №3, 2003 г.

Итак, 1997 год. В стране разразился финансово-экономический кризис. Некогда передовое предприятие области – «жемчужина КМА»! – можно сказать, дышит на ладан. Распался Советский Союз, разрушились хозяйственные связи, резко упало производство в таких отраслях, которые являлись основными потребителями металла – оборонная промышленность, машиностроение и другие. Соответственно сократилась потребность в сырье для металлургии. Пошли взаимные неплатежи, вернулся натуральный товарный обмен. Уже длительное время не выполнялся производственный план, потребители не получали отсюда концентрат. Полностью оказалась разрушена система снабжения не только производства, но и самого необходимого для жизни людей. По несколько месяцев не выплачивалась зарплата. Перед людьми реально встал вопрос выживания. Комбинатовская газета «Горняк» тогда писала: «...Но большая часть ветеранов остаётся без какой-либо поддержки, бедствует при нищих пенсиях. На рынок они ходят, как в музей, покупать продукты не за что, в то время как государство обобрало их в очередной раз». И – никакой, казалось бы, перспективы выйти из тупиковой ситуации! Нависла реальная угроза закрытия предприятия. Именно в это время генеральным директором Комбината КМАруда становится В. К. Томаев.

Не хотелось бы, конечно, в этой небольшой статье окунаться в вопросы философии, но один извечный её вопрос все же вертится на языке: личности делают историю, или история, по мере своего развития, проявляет в нужное время и в нужном месте востребованную ею личность? Правда, нам, в нашем случае, окончательный ответ и не требуется. Главное, мы знаем, кто появился.

Владимир Кантемирович Томаев родился в городе Таштагол Кемеровской области в семье потомственных шахтёров. Имеет два высших образования. С 1968 по 1978 год работал на Лебединском горно-обогатительном комбинате грузчиком, сварщиком, мастером-механиком ПРБ, начальником механосборочного производства. Неплохая карьера для восемнадцатилетнего парнишки за 10 лет, начиная с грузчика, не правда ли!? (Тем более, если учесть, что это были не нынешние времена с отпрысками богатых или знатных чиновников). С 1978 по 1983 год возглавлял центральные ремонтно-механические мастерские Стойленского ГОКа, затем работал директором завода «КМА-рудоремонт», а после – первым заместителем главы администрации города Губкина и Губкинского района.

В 1997 году В. К. Томаев был избран на пост генерального директора ОАО «Комбинат КМАруда». Своё назначение новый гендиректор воспринял без особой радости: слишком большая ответственность и слишком тяжёлые времена – реальная угроза закрытия предприятия. Но при закрытии Комбината вставали неразрешимые задачи, основные из которых:

1. Увольнение двух с половиной тысяч работников Комбината и – чем их занять. Оставались бы также без работы предприятия-смежники и так далее, по цепочке.

2. Консервация либо ликвидация шахты. Но остановить и законсервировать шахту имени Губкина, практически, было невозможно, так как за всё время её эксплуатации в недрах земли были образованы миллионы кубометров пустот, которые представляют опасность обрушения земной поверхности, застроенной к тому времени жилым фондом и промышленными предприятиями.

3. Поддержание шахтных выработок в безопасном состо-

янии и наблюдение за состоянием опорных междукамерных и межпанельных целиков и предохранительного потолочного целика, то есть той системы, которая обеспечивает безопасное ведение подземных горных работ и исключает просадочные процессы дневной поверхности.

Необходимо было выполнение мероприятий, обеспечивающих проведение этих работ. Но всё это требовало серьёзного финансирования, а где его было взять?

А комбинат продолжало лихорадить из-за задержек с выплатой зарплаты. Людей отправляли в отпуска, так как работать было нечем. Когда задолженность по зарплате составила более трёх месяцев, люди отказались выходить на работу. В основных цехах проходили митинги, совместные собрания трудовых коллективов. Некоторые даже агитировали за остановку всего производства Комбината и за запрет спуска в шахту.

Чтобы этого не допустить, на шахте из сознательных рабочих, бригадиров во главе с профсоюзным комитетом шахты был создан стачечный комитет. Он, на время забастовки, совместно с руководством шахты организовывал порядок, дисциплину и график выполнения работ по поддержанию шахты в безопасном состоянии, то есть работу табельной, подъёма, водоотлива, энергослужбы и т.д. на участках проводили собрания, разъясняли людям, что необходимо приступить к работе. Ведь деньги всё равно появятся, так не может продолжаться вечно. Но, объясняя людям пагубность простоев, что неработающее оборудование в шахтных условиях выходит из строя, что в последующем его невозможно будет запустить, руководство шахты само не знало, когда всё это кончится. Поэтому на стачкоме постановили, что необходимо разрешить работу слесарным службам участков для ремонта и просушки электрооборудования и силовых линий. Обратились к руководству Комбината организовать бесплатную доставку шахтёров на работу, так как денег на общественный транспорт не было, и шахтёров из автобусов высаживали. Многие ходили на шахту пешком. В буфете шахты организовали выдачу шахтёрам сахара, муки, крупы, макаронных изделий и других продуктов в счёт будущей зарплаты. Этим хоть как-то погасили

негативные настроения у людей, мысли о том, что они никому не нужны. На очередном собрании с трудящимися шахты директор Комбината сказал, что в ближайшее время не только планируется выплатить зарплату, но и повысить её. И хотя слова эти были восприняты весьма скептически, люди всё же задумались, поняли, что у руководства есть планы на будущее, и необходимо продержаться какое-то время.

Надо сказать, что принимая на себя обязанности гендиректора, В. К. Томаев видел и знал, что причина критического положения вовсе не в коллективе, а в ситуации, сложившейся на рынке металлургического сырья. Поэтому первые месяцы директорствования Томаева – это сплошные командировки. Каждую неделю то ли один, то ли вместе со специалистами он выезжал в Москву, ходил по кабинетам, устанавливал контакты, доказывал, что Комбинат КМАруда не только способен выжить, но и стать вполне эффективным, прибыльным предприятием. Только для этого горнякам требуется стартовая помощь. Собственно, нужда была в одном – финансах, а работать коллектив всегда умел. Поэтому уже через три месяца после прихода нового гендиректора, когда частично были решены вопросы сбыта продукции и финансирования, Комбинат ожил. Росла добыча кварцитов, соответственно возрастало производство концентрата, и, что самое важное, росла отгрузка готовой продукции. А когда в августе падение рубля составило с 6 до 30 рублей за доллар, то руководство Комбината организовало продажу концентрата за рубеж и, получив валюту, погасило до конца 1998 года все долги по зарплате. В 1999 году Комбинат «купил Липецк». С этого времени началась вторая жизнь Комбината, так как появился стабильный потребитель продукции. Ежегодно повышались объёмы производства, достигая рекордных показателей, стабильно росла зарплата. О задержках и невыплатах вспоминали, как о страшном сне.

А коллектив горняков всё крепче сплачивался вокруг нового генерального директора, который ещё сразу после своего избрания провозгласил: «Благополучие будем создавать вместе!». Впереди стояли большие задачи по армировке ствола

№6, оборудованию его постоянным подъёмом, строительству калориферной, обустройству пройденных в шахте откаточных выработок. В июле 2000 года, как и планировалось, началась добыча руды на Стретенской залежи. А в 2009 году, с вводом в строй цеха закладочных работ, Комбинат полностью перешёл на укладку «хвостов» в подземные пустоты. За эту работу В. К. Томаев с группой товарищей-горняков в составе В. В. Сидорчука и В. И. Шокова и научного сотрудника НИИ-ИКМА С.Г. Лейзеровича стали лауреатами Государственной премии Правительства России. Из множества других наград В. К. Томаева здесь хотел бы отметить: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «За заслуги перед землёй Белгородской» I степени, знаки «Шахтёрская слава» трёх степеней, медаль русской православной церкви Святителя Иоасафа. Удостоен Благодарности Президента РФ – за заслуги в поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства. Два раза избирался депутатом Белгородской областной Думы. В 2001 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин города Губкина и Губкинского района».

А нам хотелось Лёхою гордиться!
Лишь одного мы не могли понять:
Как можно было в Лёху не влюбиться
Той, кто его заставил так страдать!
Но вывод Лёхин Лёхи был достойным:
– Пускай в любви закон любви царит!
К ней не приступишь с молотком отбойным,
И это... не железистый кварцит.

Ушли друзья, откуда нет возврата.
Уж в памяти затерян многих след.
Ушёл и Лёха, кстати, – неженатым.
– Пока, пока! – машу пока им вслед.

Шахтёрская закваска

Молодому губкинцу – шахтёру

Иду. Свежо и молодо
Весенним днём обласкан.
У Губкина у города,
Шахтёрская закваска!
Шахтёрская династия.
И горд я осознанием:
К ней – и моё причастие!
И в ней – моё призвание!
Династия – отцовская:
От прадедов и дедов.
Любовь свою шахтёрскую
Я сыну завещаю!
Чтоб верен был служению
За бедами лихими!
Чтобы мужал в сражениях
С подземными стихиями!
И чтоб гордился городом
Вдали от мест родимых:
– Откуда – спросят – родом?
– Из Губкина, вестимо!
Иду. Свежо и молодо
Весенним днём обласкан.
У Губкина у города
Шахтёрская закваска!

Раздел 2

У деревни Лебеди

*...И академик Губкин понимал:
Ковыльные просторы вековые
Не просто отдадут, что он искал.*

Поэма «Шаги по руде»

* * *

*...Хоть из имён творить не стал бы культа,
Но всех, кто был на гребне тех времён –
За чертежами, за рулём, за пультом,
Поклон вам низкий, до земли поклон!*

Поэма «Шаги по руде»

Говорят, каждое время рождает своих героев, и это правда. Взять хотя бы мой город. Еще до его рождения, когда вокруг села Лебеди, да и в соседних деревнях, взметнулись по полям, садам и огородам буровые вышки, кто стал ходить в героях у населения этого края? Буровики, конечно. О них говорили, писали в газетах, а за результатами их работы следили в Москве. Но вот самый удивительный период трудовой летописи КМА – открытая добыча железной руды. Удивительный как небывалым подъемом, царившим среди приехавших тогда на губкинскую землю со всех концов страны молодых в большинстве своем людей, так и невиданным дотоле размахом развернувшихся горных работ на месте теперь уже бывших Лебедей. И теперь, естественно, главное слово надлежало сказать водителям, экскаваторщикам, бульдозеристам, взрывникам. И они сказали его.

В 50-х годах прошлого века окончательно определилась стратегия освоения железорудных месторождений КМА. Был взят курс на строительство крупных карьеров на базе залегания железистых кварцитов (с попутной выемкой богатых руд). Начало освоения Лебединского месторождения, разведанные запасы которого залегали непосредственно под домами жителей села Лебеди и окружающих его деревушек и хуторов на глубине около ста метров, положил Лебединский рудник. И именно с переселения более 500 крестьянских дворов стартовало в июле 1956-го строительство первенца открытой разработки железных руд в стране. Это кроме необходимых подготовительных работ, без которых нельзя было вести вскрышу. Заниматься расселением пришлось первому директору стройки Н. М. Шумейко. Вели разъяснительную работу, составляли списки, кто в чём нуждается, выделяли средства, отпускали

стройматериалы, записывали на квартиры в рабочем посёлке. На противоположной стороне поймы реки Осколец, вдоль которой раскинулось село, вскоре стали расти дома будущего посёлка, а позднее – губкинского микрорайона Лебеди....

Самый-самый первый день Лебединского карьера

Мне однажды позвонили. Голос в трубке прямо зычный, хотя чувствуется – старого человека. Видимо, с большой глушинкой человек, подумалось. Как потом оказалось, я не ошибся. Звонил 94-летний ветеран КМА, а суть звонка вот она в кратком диалоге.

– Это Евгений Васильевич Прасолов? – Так точно! – Вот, вы про Лебединский карьер писали. Я могу рассказать, как он начинался. – Сожалею, но вы опоздали! Где вы были, когда я писал книгу «Шаги по руде»? В ней первопроходцами всё было уже сказано. – Не всё! Я расскажу про самый первый день карьера. Самый-самый первый, понимаете? Вам этого никто не расскажет. А я помру....., так и не узнают, каким он был, тот самый-самый первый день, вернее, как всё в тот день происходило. Только надо договориться, когда вы подойдёте и во сколько, а то я глухой, не услышу. Про один только день расскажу! – Ну, если только про один...

Ровно через час я подходил к калитке старого домика на улице Горького. Хозяин с опоясывающей голову жёлтой повязкой ждал у калитки. Ему никак не дашь 94, и голос, как и час тому назад по телефону, звучит не по годам молодо и бодро. На мой вопрос о роли повязки слышу: «Всё время сирена в голове звучит, да и – давление». Что за сирена – милицейская или одна из тех, что сопровождали когда-то корабль Одиссея,

Илья Леонович Опритов

– уточнять не стал. Слух моего нового знакомого, Ильи Леонovichа Опритова, и впрямь близок к нулю, диалог вести очень трудно. Поэтому мою с ним беседу передаю ближе к монологу.

– В Губкин я приехал в 1953 году прямо со стройки Волго-Донского канала. Устроился работать в автобазу №1. Тогда она, правда, называлась по-другому, но теперь это неважно. 36 лет в ней проработал, 10 директоров сменилось за это время. Шоферил на самосвале ГАЗ-93 (модификация бортового ГАЗ-51, грузоподъёмность – 2,25 тонны. Е.П.). А теперь – о том, единственном, самом первом дне Лебединского карьера.

Как-то летом 1956 года пришёл я с утра на работу, а наш диспетчер Нина Ивановна Шокова подаёт мне путёвку и говорит: «Поедешь сегодня в деревню Лебеди рыть карьер». «Где же это ты – спрашиваю, – в Лебедях карьер видела?» Не знаю, – говорит, – но поезжай где Лебединская церковь, там, увидишь, экскаватор стоит, возле него и остановишься. Он будет грузить, а ты, куда скажут, возить». Ну, приехал я на то место. Чистое поле. Там уже стоят ещё два таких же, как у меня, «газончика» и два МАЗ-205 (грузоподъёмностью 5 т.) Рядом – небольшой совсем экскаватор. Никто ничего не делает. Спрашиваю, почему не грузим? Нет, говорят, команды начинать. Ну, ждём. Кто досматривает ночной сон в кабине, кто журнал читает. Уже время – десятый час. Мы – к экскаваторщику, дескать, почему не грузишь, нам «ходки» нужны, чтобы зарабатывать, давай – грузи. Ответ тот же: «Нет команды начинать!»

Но вот, смотрим, откуда-то со стороны церкви группа людей появляется – человек пять, все – в шляпах. Прошли немного мимо нас и остановились, разговаривают. Но говорят только двое. Один смотрит внимательно куда-то в траву, говорит другому: «Что, на этой точке будем начинать?» «Да, на этой», – говорит тот. Тогда первый машет рукой в сторону экскаваторщика: «Начинайте». Совсем спокойно сказал. И – ни одного журналиста или фотографа! Разве мог я тогда представить, какой карьер будет на этом месте!

Моя машина стояла ближе всех к экскаватору, в неё и начал он грузить. Ковшик-то небольшой, поелозил-поелозил по земле, минут за 15 нагрузил мою двухтонку. Спрашиваю, куда

везти? «Сначала поезжай вот так прямо по полю, там будет ложок, поедешь по нему, увидишь женщину. Она тебя отметит и укажет, где разгружаться». Сделал я две «ходки», поехал со всеми пораньше обедать: ехать-то далеко, в столовую в город, потому как никто не взял из дома «тормозка». Кто же знал, что пошлют рыть Лебединский карьер! После обеда ещё по две «ходки» сделали. На второй день я уж и «тормозок» прихватил, но Нина Ивановна сказала, что обойдутся без моего «газика»: достаточно МАЗов набрали.

Когда мой собеседник замолчал, моим первым движением было сказать: «Что, и – всё?». И вдруг мне разом представилась картина: и одинокая в поле, недалеко от заброшенной церкви, кучка из пяти небольших машин с экскаватором, и ждущие команды начинать шестеро рабочих, не совсем ясно представляющих, зачем они здесь, и потому не осознающих до конца значения этого присутствия. Обычный день. И тут я понял, насколько глубоко прав был старый ветеран, что позволил и настоял на беседе. Только сейчас, на склоне своих лет, он сам полностью осознал величие того дня и своего присутствия в нём. Осознал и обеспокоился, чтобы день тот остался в памяти потомков не придуманным или воображаемым – в ореоле торжеств и приветствий, – а таким, каким был. «Ни одного журналиста или фотографа!».

И наконец, для справки: родился Илья Леонович 2 августа 1924 года. Он участник войны, дважды ветеран труда, три раза награждался значком «За работу без аварии», имеет почётные грамоты, в том числе – от руководства Белгородской области. На руках – дочь, инвалид 1-ой группы. Вторая дочь живёт отдельно, но ухаживает за первой. Жена померла. Дом, как я понял, без удобств, уже становится трудно обслуживать. Среди приглашённых по случаю всяческих городских торжеств – в качестве участника войны или ветерана труда – я что-то его не видел. То ли из-за его глухоты, то ли из-за скромности.

В. Е. Холопов: «А экскаваторщиков любили!»

У Василия Егоровича Холопова болит желудок, точнее, оставшаяся от желудка одна треть. Уже 15 лет мается он с ним. Может, поэтому и вид у него, как у человека, чем-то постоянно недовольного. И взгляд немного колючий. Правда, он перенес когда-то операцию на глазах. Случилось это после того, как однажды грузил он железорудный концентрат экскаватором ЭКГ-4 в железнодорожные вагоны. И вот, когда начал в очередной раз поднимать наполненный ковш, то открылась неожиданно задняя его стенка, и вся масса, что была в ковше (ни много, ни мало 15 тонн) плюхнулась в приямок с водой рядом с экскаватором, хлопыстнула смерчем по стеклам кабины...

Улыбается Василий Егорович редко, и тогда лицо его сразу становится добрым и вроде как чуточку лукавым. При мне улыбнулся один раз – это когда я спросил его, где же в наших губкинских краях он, приезжий, отыскал себе суженую.

– В селе Алтуховка, – последовал ответ. – Люди там были тогда темные... Но экскаваторщиков любили!

Сейчас Василию Егоровичу 75 лет, 37 из которых он живет в нашем Губкине. Впрочем, это давно уже и его город. Приехал он сюда в самом конце 1957 года из Башкирии аккурат

под Новый год. Новогоднюю ночь провел, сидя на лавке в старом еще здании железнодорожного вокзала. Было тепло – в помещении стояла печка, которая топилась дровами и углем. Сидел и сквозь дрему слушал, как распевали всю ночь губкиницы на улицах песни. На утро разыскал своих ребят-земляков, которые приехали чуть раньше осваивать Курскую магнитную аномалию, у них перебилась пару недель, затем некоторое время жил на частной квартире в Лебедах, пока не получил место в общежитии.

С работой у Василия Егоровича проблем не было. Уже через неделю после приезда в Губкин он был принят на Лебединский рудник помощником машиниста экскаватора – ЭКГ-4. Таких мощных экскаваторов в бассейне КМА еще не было, они только-только начали поступать на рудник. Василий Егорович вместе с товарищами собирал их.

Работать поначалу было очень трудно, и особенно вспоминается в этом отношении весна 1958 года. Она была дождливой и холодной, на руду тогда еще «не сели», поэтому грязь в карьере была непролазная, спецовок не хватало, ковш экскаватора постоянно забивался, машины буксовали. Экскаваторщики ходили вдоль забоя с лопатами в руках и проделывали канавки для стока воды. План отгрузки горной массы не выполнялся, поэтому прошел слух, что заработную плату рабочим будут начислять лишь в размере 50% от тарифной ставки. В. Е. Холопов был вместе с теми, кто приходил в контору комбината «отстаивать справедливость».

Впрочем, о справедливости Василий Егорович распространяться особо не любит.

«Не было ее и не будет», – говорит он коротко и убежденно. При этом непонятно, имеет ли он в виду справедливость вообще, данную, так сказать, от Бога, или конкретную – от людей, но, скорее всего – и то, и другое вместе, потому что с одинаковой обидой вспоминает он и свое совпавшее с войной детство, когда весь тыл держался лишь на таких пацанах, как он, да бабах, и сам он однажды чуть было не замерз в степи («Спасибо, лошадь, умница, сама вывела к жилью!»); и то, с каким трудом добивался он уже в Губкине положенную ему с

семьей отдельную квартиру («Не давали, потому что «руки» не было!»); и то, как тяжело было терять своего четырехлетнего смертельно заболевшего сына; и то, что не дали ему (по причине отсутствия той же «руки») – после долгих уже лет работы на экскаваторе – направления в институт Эрисмана на обследование на предмет наличия у него виброболезни...

– Веселой жизни не было! – эту фразу мой собеседник повторил раза три за то время, пока мы с ним разговаривали.

Помолчав, добавляет:

– И сейчас – то же. Кто о рабочем человеке думает?

Я слушаю. Потом раскрываю лежащую передо мной на столе папку. В ней – Почетная грамота, выданная В. Е. Холлопову еще в 1960 году Белгородским областным комитетом Коммунистической партии «За активное участие в строительстве первой очереди Лебединского рудника». Есть и другие грамоты, на местном, так сказать, уровне.

Говорю:

– Как же! А это? Были, значит, честь и почет вам за вашу работу.

Мой собеседник молча пожимает плечами. Хмурится. Я тоже молчу. Мне вспоминается вдруг фраза: «Можно ли помочь человеку, если он говорит: «Я прожил жизнь – мне не понравилось»? Может, это тот самый случай?

Да нет же! Просто пришел человек и высказал свой взгляд на жизнь. Вообще и на свою, в частности. А его жизнь – она теперь ведь уже все равно стала неотъемлемой частицей жизни моего города.

Марусины уступы

Мария Ивановна Давыдова

Есть люди, о которых хочется иногда говорить только стихами. Потому как ни высоких правительственных наград у них, ни какого-либо шлейфа торжественных речей за ними, а приглядишься.... Это как, скажем, васильки во ржи или голубенькие незабудки среди зеленеющего разнотравья – проходишь и не враз понимаешь, чем этот пейзаж тебя так привлекает.

Вот что подумал я, начиная своё недлинное повествование о Марии Ивановне Давыдовой, отдавшей без малого 45 лет Лебединскому железорудному карьеру – вначале в составе комбината «КМАруда», затем – Лебединского горно-обогатительного комбината.

Тропинками детства

О своём родном Красном Хуторе, как назывался раньше нынешний посёлок Троицкий, самые ранние воспоминания вперемежку с впечатлениями от рассказов матери у маленькой Маруси остались довольно безрадостные. Проходящая прямо через хутор широкая разбитая дорога, – так называемый, Курский шлях – с военной техникой и лязгом гусениц, снующие всюду злые немцы, расположившиеся в хатах и выгнавшие на мороз их жителей. Однажды какой-то немец выхватил из рук Марусиной матери Марусину сестрёнку-близняшку и бросил в открытый люк погребца. Шмякнулось лягушонком тельце ребёнка о дно, и через недолгое время, покашляв кровью, малышка умерла. Так осталась Маруся без сестры.

О холодном и голодном детстве детей войны много сказано и написано, не хочется повторяться. Но так зримо пред-

ставляется мне любимое в детстве Марусино занятие, когда летним жарким днём убегала она одна, без подруг, за хутор и тихо бродила потом по еле приметным тропинкам или подолгу лежала где-нибудь на краю поля в траве, среди ромашек, глядя в небо и слушая то песню жаворонка, то стрекотание кузнечиков. Так приятно мечталось! Мечтала о многом, в том числе и о том, чтобы выучиться и жить в городе. Тогдашний посёлок имени И. М. Губкина был для неё тоже город.

Первые четыре класса училась в своей, начальной, школе, располагавшейся в обычной деревенской хате. А вот с пятого по седьмой пришлось ходить за 6 километров в село Тёплый Колодезь. Туда да обратно – уже двенадцать.

– Бедные твои ножки! – всякий раз, глядя со слезами на внучку, сокрушалась бабушка.

После седьмого класса многие Марусины подружки остались дома помогать родителям по хозяйству и в колхозе, Маруся решила учиться дальше. Поблизости были лишь две «десятилетки» – в Губкине и в Лукьяновке. Пошла в ближнюю, лукьяновскую, но – 12 километров в один конец! Пожила некоторое время у родственников в соседней деревне Крамская, но оказалась такой робкой, стеснительной и даже дикой, что не стал неожиданным для родителей состоявшийся однажды вот такой диалог:

– Мам, у моей фуфайки совсем локти протёрлись, я завтра в школу не пойду.

– Ладно, дочка, подождём немного. Вот к зиме бычка сдадим – и за учёбу твою заплатим, и тебе обнову купим.

В общем, тормознулась в тот год учёба. А там и Марусино 16-летие подоспело.

В карьер – навстречу мечте

Как только Марусе вручили паспорт, первое, что она сделала, это пошла в комбинат КМАруда устраиваться на работу. А там как раз создавалась бригада из таких вот недоростков с сокращённым рабочим днём. Называлась она местными остроловами «возьми-подай» и «поди-принеси». Приняли

туда и нашу Марусю. Тогда же она поступила учиться в школу рабочей молодёжи в 8-й класс, ей дали место в рабочем общезжитии. И через недолгое время уже никто бы не смог угадать в диковатой и стеснительной Марусе одну из активнейших комсомолок комбината, непременную участницу всех смотров-конкурсов художественной самодеятельности и всякого рода других молодёжных инициатив. Но – хорошо не только пела, а и – работала. И когда предложили ей перейти в бригаду штукатуров-маляров, чтобы стать настоящим специалистом, радости её не было предела. Впрочем, следует и то сказать, что радость эта несколько не умалила стремления Маруси к исполнению главной тогда её мечты. Ей страстно хотелось видеть себя работающей в только что открывшемся тогда карьере Лебединского рудника. Всесоюзная ударная комсомольская стройка! Разве могла она обойтись без нашей героини, когда со всех концов страны ехала на неё молодёжь по комсомольским путёвкам! К сожалению, «героине» не было ещё 18-ти. Но как только исполнилось, мечта стала реальностью.

Свою новую работу – съёмщик-замерщик буровзрывных скважин – Мария любила. Нравилось ей спускаться ежедневно в карьер, карабкаться по его крутым уступам, и, обходя обуренные и подготовленные к предстоящему взрыву блоки руды или горной породы, производить необходимые замеры у каждой пробуренной скважины. Нравилось обсуждать потом с геологами и маркшейдерами полученные показатели и принимать участие в расчётах количества закладываемой в каждую скважину взрывчатки, необходимого для эффективного взрыва. Нравилось быть объектом всегда участливого внимания и грубовато-добродушных шуток бурильщиков, взрывников и прочего горняцкого люда. Ответственный за взрывные работы по карьере Григорий Степанович Грицаенко говорил иногда: «Маша, я твои уступы не буду перепроверять, знаю, что у тебя всё сойдётся». А Маша часто, карабкаясь по уступам, любила напевать очень модную в то время песенку: «В рубахе ярко-клетчатой расцветки,/В болотных сапогах не по ноге/Девчонка из геологоразведки/Шагает по нехоженой тайге./Встают рассветы над планетою...». И видела в этой «девчонке» себя.

Потому что дальше в этой песенке были слова: «Девчонке снится паренёк с физмата/И вальс-бостон на клубном пятачке./И пахнет дымом суп из концентрата,/И бигуди забыты в рюкзаке./Встают рассветы над планетою...».

И вот теперь нам самая пора сказать о Машином «пареньке», но только не с физмата, а из маркшейдерского техникума (впоследствии – известном в среде губкинских горняков главным маркшейдере Губкинского управления треста «Союзшахтоспецстрой» Николае Фёдоровиче Давыдове). Они познакомились, когда Мария пришла на первый урок в вечернюю школу. А тут этот «паренёк» – под метр девяноста ростом, с копной кудрявых волос на голове и в форме моряка Северного флота. Он уселся за парту прямо впереди Марии и её подруги – школьной доски совсем не стало видно. Попробуй не обрати внимания! И Мария, конечно, обратила. А Николай, проучившись год в школе и, видимо, решив, что сердце Марии надёжно им приякорено, уехал в другой город – по настоянию своего начальства, увидевшего в парне перспективного толкового работника, – учиться на маркшейдера. Так и учились. И так дружили. Мария закончила 10-й класс вечерней школы и стала студенткой Губкинского филиала Всесоюзного заочного политехнического института (сегодня – МАМИ). Николай, тоже отучившись, вернулся с красным дипломом в родной Губкин. Здесь поженились и произвели на свет сына. В силу этого и ряда других обстоятельств Мария институт бросила. Но ей хватало и её любимой работы. С годами она уже меньше ходила по уступам, а – в составе специальной проектной группы – занималась проектированием массовых взрывов в Лебединском карьере. Перед выходом на пенсию три года ещё поработала диспетчером карьера. Она Ветеран труда, и у неё куча всяких грамот, дипломов и других свидетельств её добросовестной работы.

В настоящее время Мария Ивановна и Николай Фёдорович живут вдвоём в Губкине, а их сын и две уже взрослые внучки – в Киеве. Сегодня это – их боль, понятно почему.

Правильный выбор

*(застольная речь экскаваторщика
Наколая Алексеевича Ковальчука)*

Город наш... Такого другого в России нет! Я желаю Губкину, чтобы он и дальше держал свою марку, я им горжусь, я им живу... А ведь как жили тогда! Я стоял на квартире в Лебедах у Семьиных, возле церкви. Пол земляной, спали на полу, солону подстилали – и спали. Какое тут может быть здоровье! А люди тут бедно жили, страшно бедно.

Когда я уже здесь работал, бывший тогда начальник рудника К.Н. Кушнеренко все спрашивал меня: «Коля, не пойму, почему ты Москву на Губкин поменял? У тебя же там было все – хорошая работа, московская прописка. Все в Москву рвутся, а ты?..». Я говорил: «Но ведь кто-то же должен был сюда ехать и осваивать! Вот я и поехал».

Между прочим, кто со мной вместе сюда тоже приехал, уехали назад. А я остался, потому что я десантник, а десантники не сдаются. И тем, кто приезжал потом по комсомольским путевкам, – а ничего же не было: ни жилья, ни кино, ни даже бани! – я говорил: «Ребята, у нас будет красивейший город, у нас будет даже институт, у нас все будет!». И многие оставались. Многие уезжали, а многие оставались. Я был в штабе Всесоюзной ударной комсомольской стройки и многих наставлял, Дубенцов, например, Павел Сергеевич, был у меня помощником. И я не раз ему говорил: «Иди учиться!». Вот, Прасолов еще был, из местных, пришел ко мне «нижником» (тот, кто внизу обслуживает экскаватор – Е. П.), я говорю: «Давай буду тебя учить». Он говорит: «У меня же четыре класса образования, я не знаю, что такое ток, как он идет...». Я говорю: «А тебе и знать не надо. Я научу тебя хорошо работать, обучу технике безопасности». Он у меня год поработал и стал помощником машиниста экскаватора. На втором году говорю: «Я тебя машинистом экскаватора сделаю». Пошел к Р. А. Фиделю, он: «Что?! У него же четыре класса образования!». Я говорю: «А вы знаете, где мы находимся сейчас?». Он: «Где?». Я: «Вот тут хату его снесли, где его деды и прадеды жили, и он

не может быть машинистом экскаватора?!». Фидель говорит: «Ну, хорошо, хорошо», – и подписал.

Я, когда приехал, работал на «десятке» (ЭКГ №10), сам монтировал его, а когда создали комсомольско-молодежную бригаду, перешел в эту бригаду...

А город наш – редкий город, и я ему отдал все. Здоровье свое отдал.

И меня все здесь знают. В этот город и мое что-то вложено, я горжусь этим. Тут сын мой, невестка, внучка Олечка... Сват здесь... Тут мой брат похоронен, он на шагающем 14-кубовом работал, две дочки от него остались...

Я здесь на века теперь остался. На века! Тут моя могилка будет.

И выбор был правильный когда-то сделан. Кто-то же должен был строить Лебединский рудник! Вот такие, как я, и строили. Приехали сюда и остались. Кто-то там знает – не знает... Пусть не знает, зато я знаю! Сын мой знает, что – да, батя здесь работал... Ему за отца не будет стыдно.

Лебедянская учительница лебединцев

Сначала хочу дать небольшую справку: «лебедянцы» – это те, кто жил когда-то в Лебедях (так они сами себя называли), а «лебединцы» – кто стал потом работать на Лебединском руднике, независимо откуда на него прибыл.

Когда в соседней с Лебедями Йотовке открылась «девятая» школа, основным контингентом её учеников стали будущие «лебединцы» – дети переселившихся в Йотовку лебединцев и тех, кто приехал на «стройку века», Лебединский рудник, и построился вместе с переселенцами. Естественно, что учить их стали и некоторые лебедянские учителя – Клавдия Афанасьевна Черникова, Нина Ивановна Топорова, Татьяна Дмитриевна Воронова и другие. Что это были за учителя расскажу на примере одной из них.

В детстве я никак не мог представить, что Ковалева Нинка будет учительницей. То есть я, конечно, допуская, но – не

представлял. Потому что хоть она и была лет на восемь старше меня, но на моих глазах она бегала с подругами по Моздовке, играла с мячиком и в «классики», прыгала через веревочку и, как и все подруги ее возраста, подвергалась при случае нашим мальчишеским насмешкам и дразнению, хотя мы и рисковали при этом легко и естественно получить от них подзатыльника. А тут я слышу вдруг однажды в семье от взрослых:

– А Нинка Ковалева на «учительницу» поступила!

Нина Ивановна Никулина

Поступить в институт тогда в нашей деревне было событием весьма редким, обсуждаемым во всех семьях: сказывались трудности послевоенного времени. Подрастающая молодежь оставалась большей частью в своем колхозе, не дотянув даже до семи классов. Ребята, правда, еще стремились устроиться на шахту учениками каких-либо рабочих профессий. А тут – в институт, да еще на учительницу! Это значит, что я должен был приравнять мою вчерашнюю чуть ли не обидчицу к моим первым лебедянским учителям – Раисе Краидовне и Марии Ивановне, пользовавшихся, естественно, у меня, первоклассника, непререкаемым авторитетом. Вот это-то и не укладывалось тогда в моей детской голове.

Нина Никулина в пятидетной семье (Ковалевы они были по двору) была самой младшей. Глава семьи Иван Николаевич работал после войны в своем колхозе учетчиком и среди односельчан пользовался большим уважением за рассудительность и спокойный, выдержанный характер. Жена его, Фенечка, и мать, Макариха, лечившая людей, тоже слыли в деревне женщинами мудрыми. За свою ли набожность, другие ли какие заслуги перед Всевышним, только судьба проявила редкую, можно сказать, милость к этой семье во время войны: и глава семьи, и трое его сыновей были на войне, и все четверо вернулись живыми и невредимыми. После войны двое сыно-

вей – Дмитрий и Илья – работали в Губкинской автобазе №1, а старший, Степан, осел на Украине и ходил, как говорили, в больших начальниках.

Старшая же Нинина сестра Маня запомнилась мне, помимо славы искусной рукодельницы, вот по какому разговору среди взрослых. Как-то Манины подруги и она сама решили на святках погадать на женихов. Зашли они поздним вечером

Экскурсия в Лебединский карьер, 1958 год

в чей-то курятник и стали в темноте хватать с насеста, кому кто попадется. Мане попался большой красный петух. Посмотрела на него на свету. «Ну точно – Ваня Шоков!» – сказала недовольно. А потому недовольно, что Ваня за Маней сильно «утрепывал», а та его все отвергала. Но не прошло и года, как они поженились. Тогда-то на деревне и вспомнили про курино-петушиные гадания.

Вот такая родословная была у Нины Ивановны Никулиной, будущей любимой учительницы лебедянских и йотовских ребят, за которой я в детстве никак не хотел признавать право быть учительницей, и которая, будучи потом ею, сделала на этом поприще столько, сколько может сделать лишь человек с добрым и щедрым сердцем, Человек и Учитель по призванию.

Институт готовил учителей (их после войны очень не хватало) по сокращенной двухгодичной программе, а это значит,

что спустя два года молодой специалист, учитель математики и физики Нина Ивановна мало чем отличалась от вчерашней школьницы-десятиклассницы. Направление по окончании института она получила в семилетнюю школу в селе Воробьевка Курской области. Разве можно забыть первые шаги своей самостоятельной жизни! Приехала с одним большим чемоданом. Кто-то из местных вызвался помочь, привел в хату, где хозяйка пускала на квартиру:

– Прохоровна, пустишь на постой?

– Не, не пушу, только морока с этими квартирантами.

Тут уж и Нина Ивановна взмолилась:

– Тетенька, пусть хоть чемодан у вас пока постоит, а я только, может, раз-другой заночую, пока квартиру подыщу!

На том и порешили. А через несколько дней строгая Прохоровна, присмотревшись к новой квартирантке – тихой, скромной, уважительной, – само предложила:

– Живи, девка, у меня!

Так Нина Ивановна выдержала свой первый экзамен на самостоятельную жизнь – способность ужиться с людьми. Вторым как бы испытанием для молодой учительницы была и первая встреча с директором Воробьевской школы. Волновалась, конечно. Но директор оказался достаточно мудрым, он не стал «экзаменовать» новенькую, но, остановившись вначале на некоторых профессиональных вопросах ее предстоящей работы, большую часть беседы посвятил характеристике учительского коллектива в целом и каждого в отдельности: к кому лучше обращаться за советом, на кого можно положиться, а кого лучше всего попросту избегать. Трудно переоценить, как помогла эта беседа новой учительнице в ее дальнейшей работе.

Но самым трудным испытанием представлялась Нине Ивановне ее первая встреча с учениками. И когда пришла она первого сентября в свою первую школу и увидела во дворе ее своих будущих учеников, выстроившихся в две шеренги, чтобы получше рассмотреть новую учительницу, то замерло сердце ее, и шла она, ничего не видя и как «сквозь строй» – в белой батистовой кофточке, юбочке-«шестиклинке» и на высоких ка-

блуках, – и об одном молилась только: как бы не споткнуться и не упасть. Но и здесь все обошлось благополучно.

Пытаться изложить какие-либо секреты преподавания Нины Ивановны в работе с учениками – напрасное, думается, дело. Потому что если секреты эти и были, то они у каждого свои и изложению не подлежат. И не подлежат не из-за их особой засекреченности, а из-за того, что проявляются спонтанно, как неосознанные движения души. Но скорее всего, никаких секретов не было, а была лишь безраздельная любовь к своим ученикам. И они отвечали ей тем же. Не случайно, когда, проработав четыре года в Воробьевке, Нина Ивановна решила вернуться на родину, многие ученики, прощаясь, плакали и потом в течение почти трех лет слали ей открытки и письма с подробным описанием всех событий на селе, в том числе кто на ком женился или вышел замуж, кто у кого родился и так далее.

Однако с наибольшей отдачей свой дар учителя Нине Ивановне суждено было проявить на своей малой родине. 25 лет проработала она потом в Йотовской (прямой наследнице Лебедянской) средней школе №9, пропустив через свои руки, ум и сердце почти 700 ребят, многие из которых являлись детьми и внуками ее бывших односельчан – жителей теперь уже не существующего села Лебеди. Но – по порядку.

Вернувшись в родные края, Нина Ивановна подумала, что пора бы заняться и личной жизнью. Короче говоря, вышла замуж за йотовского парня Петю Седычкина (Петр Топоров). Но вышла не с бухты-баракты, как может кто-то подумать. Семь лет дружили, семь лет ждал ее знатный губкинский шахтер, да потом еще с гордостью похвалялся:

– У меня вот образование всего пять классов да шестой коридор, а я за себя учительницу взял.

А потому, может, и взял, что Нина Ивановна не на образование своего суженого смотрела, а на его ясную голову да руки золотые – за что, бывало, не возьмется, все ладно получается. Ну да и – что скромничать! – красивый, статный был. А через два года у них уже было два сына. Нина Ивановна так и говорит, и даже с некоторой гордостью, итожа свой трудовой стаж:

– В 1958 и 1959 годах я рожала сыновей.

И еще любит повторять, как бы оправдывая свое с мужем появление на свет:

– Дом построили, двух сыновей родили, два дерева посадили.

Имеются в виду груши и яблони, посаженные перед домом после того, как он был построен. Нина Ивановна их «моими красавицами» называет. Только давно это уже было, и «красавицы» состарились вместе с их хозяйкой. Круг ее интересов давно все больше замыкается на духовное. Еще до недавнего времени ее можно было видеть молящейся в губкинских храмах, и не далее как в прошлом году она даже ездила в Святогорский монастырь.

– А до этого, милоч, я и в Холках была, и у Матроны была, и у Серафима Саровского три раза была, и в Лавру ездила, и у Сергия Радонежского была, – говорит Нина Ивановна.

А я слушаю и опять не могу представить, опять у меня, как когда-то в далеком детстве, не укладывается в голове: как смогла эта маленькая и хрупкая на вид женщина оставить глубокий след в душах и сердцах довольно большой армии губкинцев. Она всегда очень тихо объясняла урок и ни на кого не повысила голоса, но ее уроки всегда проходили в полной тишине. Какие бы ни проводились в школе мероприятия, ее класс всегда был первым. У нее до сих пор бережно хранится с добрый десяток альбомов, где запечатлены все добрые дела ее класса. Вот они помогают совхозу убирать свеклу, вот – на лесопосадке, вот – любимая военная игра ребят «Зарница», где ее класс завоевал второе место по городу. А вот встреча школьников с Героем Советского Союза Маресьевым. Три года ученики ее класса переписывались с легендарным летчиком и наконец он сам приехал к ним. Да всего не перечислить. И везде рядом со своими питомцами – их классный руководитель, первая заперщица всех добрых начинаний класса. Да что говорить, кто бы еще организовал и повез ребят на экскурсию (при полном отсутствии в те годы подходящего транспорта) на крытой брезентом грузовой машине в Киев!

А вот выпуск 1970 года. Юные лица! А рядом – фото 2005

года – лица те же, да не те: всем уже по 50 и более лет. Нина Ивановна рассказывает:

– 35 лет прошло! Приходят мои ребятки (а у них у самих уже внуки), приглашают на встречу выпускников. Не могу, говорю я, к Серафиму Саровскому на поклонение еду. «Да как же без вас? Без вас никак нельзя!» – Ну что, приехала от Серафима в пять утра, а в восемь они уже ждали меня в школе. Подхожу, а они выходят по одному из коридора: «Нина Ивановна, вы меня узнали?» – «Да, Нюры Верочкиной Маша». «А меня угадали?» – «По-моему, Валикова – Таня Ушакова». «А меня?» – «Валя, Васьки Алинчикова дочка». «А меня?» – «...Нет, не могу вспомнить... Славик! Ты ж был такой худенький!» «Нина Ивановна, да я уж на третьей женатый!...»

Моя собеседница снова замолкает, молчу и я. Я знаю, что у Нины Ивановны более десятка родных племянников, и все они зовут ее до сих пор няней. Но разве не была, разве не стала она няней сотням и сотням нынешних губкинцев, выпущенных ею и нашедших потом себя в шахте, карьере, на стройках города...

*Толпа мальчишек что ни день встречала
То вездеход, то странный бурснаряд,
И слово «буровик» для них звучало
Весомей, чем сегодня «космонавт».*

Поэма «Шаги по руде»

Многие из них благодарны своей «классной» хотя бы за то, что только благодаря ей закончили они школу: она чуть ли не за руку приводила их на экзамены, она брала грех на душу и ставила «3» там, где должно было стоять «2». А теперь они – нормальные, а то и отличные буровики, экскаваторщики, водители большегрузных самосвалов. Я смотрю на Нину Ивановну и думаю: у нее есть прошлое, это ее ученики. И у нее есть будущее, это – к Кому она ходит в храм. Теперь, можно сказать, уже и не ходит. Но с Ним общаться можно и дома, и где угодно, было бы только желание.

Прощаясь, спрашиваю правнучка Нины Ивановны Максима, который крутится рядом, любит ли он свою бабушку? На традиционный вопрос – не менее традиционный ответ: «Люблю».

– А за что любишь?

Вот тут уже надо думать. Максим глубокомысленно морщит лоб и неожиданно выдает:

– Потому что она мне нравится.

Церковь моего детства

(из цикла «Жили – были Лебеди»)

Давно хотелось мне написать что-нибудь о лебедянской церкви. Простояла она, бедная, последние три десятка лет на борту Лебединского карьера в окружении построек и железобетонных конструкций, стиснутая всевозможными путепроводами и переходами, не почитаемая и не поклоняемая людьми, для которых и была возведена когда-то на этой земле. Будто незаживающие стигматы на теле верующего бросались со стен её в глаза прохожему и намертво приставшие нашлёпки цементного раствора поздних времён, и рваные выщербы от пуль и снарядов прошедшего здесь в 1941-м году крупного сражения, и разные другие отметины неумолимого и разрушительного времени.

Справка. *Как свидетельствуют архивные документы, первая церковь в Лебедах была деревянной, однопрестольной – во имя Николая Чудотворца, выстроена в конце 30-х годов 18-го века. А 100 лет спустя, на месте деревянной церкви стояла уже кирпичная – во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», о ней мы и ведём сегодня речь. Она была построена в 1839 году, имела два престола, первый, главный, во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», второй – во имя благоверного князя Александра Невского.*

Конечно, знала эта церковь и более лучшие времена, чем те, с которых я начал свой рассказ. Привольно было стоять ей на юру, на открытом возвышенном месте, и радостный колокольный звон её разносился далеко окрест. Плыл он над соломенными крышами хат соседних деревень с их огородами и пашнями, над широким лугом и бегущей по нему речкой

Осколец, и стекались к церкви многочисленные её прихожане из ближних деревень Стретенка, Лукьяновка, Крамская и, конечно же, Лебеди с её Хутором, Моздовкой, Селом, Прулеповой.

Но вот настали в 20-м столетии для храмов на Руси тяжёлые времена: стала их советская власть закрывать, особенно активно – в 30-е годы. Лебедянская церковь держалась долго, вплоть до 50-х, хотя и закрывалась на короткое время. Ещё

даже в моей памяти всплывают, словно в тумане, отдельные картины раннего детства. Вот моя бабушка ведёт нас, своих внуков, на Пасху в церковь. Идя по деревне мимо группы играющих на улице сверстников, мы стараемся спрятаться за бабушку, но те, завидев нас, кричат: «Богомольцы идут!». Нам стыдно. А вот я уже постарше, учусь в школе в третьем или четвёртом классе, иду с товарищами святить куличи. На пути – хата нашей учительницы. Сломя голову проскакиваем этот участок в надежде, что она не успеет нас рассмотреть, если выглянет в этот момент в окно. Но после праздников – в школе на первом же уроке – обязательный «разбор полётов»: кто ходил на Пасху в церковь? Кого-то видела учительница, кого-то выдают свои же товарищи из тех, кто «не опозорил пионерский галстук» (то есть, не ходил в церковь). «Провинившихся» поднимают, им стыдно.

Справка. В самом начале 50-х годов прошлого века лебедянская церковь во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» перестала существовать. Сначала из неё сделали склад для хранения зерна, затем, когда началось строительство Лебединского рудника, туда складывали всё, что попадалось под руку, но не подлежало расхищению (металл, стройматериалы и прочее). Последние годы была всеми оставлена. Стояла полностью «расхристанная» и опустошённая и как бы ушедшая в себя, глядя на мир, словно пустыми глазницами, – пустыми проёмами дверей и окон. Окончательно была разрушена и снесена в 1982-м году (при очередном расширении Лебединского карьера).

«...И пошли утешение сердцу нашему!»

Церковь моего детства! Какие воспоминания у меня о ней действующей? Собственно говоря, никаких, кроме приведенных выше. Откуда же во мне это чувство – сопричастности чему-то далёкому и давнему, происходившему даже не со мной, и чему трудно подобрать теперь название? Я знаю, это у меня от мамы. Когда церковь закрыли, и мама стала молиться только дома, я заметил, что она всегда читает одну и ту же молитву. Много в ней было мне непонятно, хотя горячие просительные слова мамы, обращённые к иконе, бередили моё детское сердце. «...и приклони ухо Твоё, услыши моление наше, и избави нас от обстоящих бед и скорбей». Свесив головы с печки, чтобы лучше слышать и видеть, как мама молится, мы с сестрой часто так и засыпали, но и засыпая, я ещё какое-то время невольно улавливал: «...се зриши беду нашу и скорбь: яви нам милость Твою, пошли утешение сердцу нашему...». Повторяющиеся в молитве и непонятные мне слова «скорбь», «скорбящая» ассоциировались по звучанию у меня почему-то с маминой ажурной скатертью, которую она вывязала из простых белых ниток. Ею она всегда накрывала стол «на скорбящую», то есть на главный в Лебедях престольный праздник.

Лишь гораздо позже я узнал, что это была молитва, читаемая у той самой иконы Пресвятой Богородицы, во имя которой и называлась наша церковь: «Всех скорбящих Радость». И именно тогда я более полно осознал, почему так любила мама эту молитву, – в ней Богородица именовалась ещё и Заступницей, а в чём больше нуждались и о чём больше тосковали вдовы в то послевоенное время, как не о заступничестве! Постоянно слышал, будучи невольным слушателем их разговоров: некому заступиться! Шла ли обида от учёчика, что неправильно начисляет трудовни, от бригадира, что посылает на непосильные работы, от председателя, что отказал в лошади привезти соломы, а то и в самой соломе, слышалось горькое: некому заступиться! Помню, как-то застал колхозный объездчик моих гусей в колхозной ржи и запер их в пустом амбаре. Я плакал от обиды и своего бессилия что-либо предпринять по их освобождению и одновременно представлял, как был бы наказан объездчик, если бы мой папа вернулся с войны. И не

было мне утешения. А вот у мамы в таких случаях – было. «... Яви нам милость Твою, пошли утешение сердцу нашему...».

«Нам без храмов никак нельзя!»

Эту фразу в первый раз я услышал и запомнил в те же далёкие 50-е годы при следующих обстоятельствах. Я уже учился тогда в Старооскольском геологоразведочном техникуме и после первой, месячной, практики ехал из Кривого Рога домой. Сойдя в Лукьяновке с поезда, пройдя луг и речку Осколец, поднялся на возвышенное место, где стояла уже закрытая церковь и откуда начинались мои Лебеди. Глазам представилась довольно грустная картина. Деревня отодвинулась почти на километр, а возле оставленной, одинокой церкви, где было деревенское кладбище, виделись лишь сплошь разрытые могилки. Шло переселение не только живых, но и мёртвых. Мои дедушка с бабушкой тоже были здесь когда-то похоронены, и теперь их останки так же выкопал мой дядя и перевёз на йотовское кладбище. А неподалеку уже урчали экскаваторы, ползали, словно огромные жуки, бульдозеры, гудели, снуют туда-сюда, машины.

Осторожно проходя между раскопанными и обсыпаящимися могилами, я увидел в нескольких шагах от себя старика, он сидел на сваренном из металлических труб и кем-то уже брошенном, лежащем на земляном холмике кресте. Спросил, увидев меня:

– А ты чей же будешь?

Я назвался.

– Эвона! – обрадовался старик. – Твой дедушка, значит, Иван Ильич был? Знаю, как же, он в этой церкви старостой служил. Очень был добрый, царство ему небесное! А я вот проведать пришёл, – кивнул старик в сторону церкви. – Вся моя жизнь на её глазах прошла, думал, зарюют здесь у неё, матушки, под боком, а пришлось самому деда твоего помогать выкапывать. Чудны дела Твои, Господи! – Старик помолчал, о чём-то думая, и заговорил снова:

– Но я тебе, милоч, вот что скажу. Храм заместо этого будет когда-то. Потому что нам без храмов никак нельзя, вот что! И в Писании не зря говорится, что на всё имеется своё время – и разрушать, и камни разбрасывать, а потом всё это,

значит, – собирать. А нам без храмов – нельзя, запомни это!

Будучи в том возрасте, когда часто легко игнорируются и более очевидные истины, чем пророчество неизвестного мне Писания, я не очень, может, задержал бы своё внимание на словах старика, если бы не ещё одна в тот день встреча. Придя домой, я застал там незнакомого мужчину лет сорока, по виду – начальника, хотя держался он просто. Он убеждал маму поторопиться с выселением из дома, который «мешал карьере». Мама объясняла задержку тем, что она одна, дети учатся, и некому помочь. Помощь была обещана. Провожая гостя, мама робко поинтересовалась:

– А что же с храмом-то? С нашей церковью? Нельзя ли будет новую построить?

– Построим, – уверенно сказал мужчина. – Без храмов нам никак нельзя. – И быстро вышел.

Эта короткая фраза о храме, услышанная мною в течение какого-то часа от разных людей, не могла не привлечь внимания даже того, 15-летнего, мальчишки. И я подумал, что незнакомый мужчина мог слышать её, как и я сегодня, от того же старика, и теперь она «кочует» из хаты в хату вместе с моим незнакомцем. Потому что кто же из жителей Лебедей не задавал тогда ему вопрос о судьбе их церкви! Но кто был тот незнакомец, я узнал совсем случайно лишь много лет спустя. Вот как это было.

Приближался юбилей старейшего в нашем городе и области почётного ветерана КМА Н. М. Шумейко. Газета «Новое время» попросила меня что-то о нём написать. И вот я сижу у него в квартире, в обществе его самого и его супруги Тамары Николаевны – прекрасного человека и хлебосольной хозяйки. Николай Михайлович держится для своего возраста неплохо, но уже трудно встаёт на ноги. В разговоре участвует больше хозяйка, а он больше поддакивает. По окончании беседы, я встаю, и Николай Михайлович тянется за своей палкой, чтобы встать тоже.

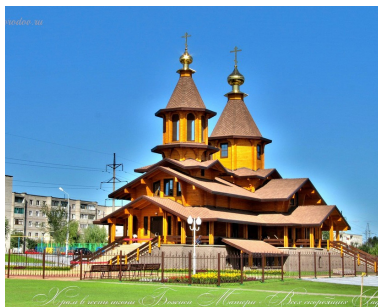
– Сиди уж, – говорит Тамара Николаевна ласково и идёт меня провожать. Выйдя за калитку, она движением руки обводит открытое перед нами пространство, говоря, что скоро здесь её сыновья построят новую церковь взамен бывшей здесь когда-то – во имя апостола Якова, брата Господня. Я откровенно радуюсь, поскольку сам три года назад принимал

активное участие в открытии здесь прихода в должности (по совместительству) церковного старосты. Богослужения после этого проходили пока что в приспособленной для этой цели старой школе, что стояла в старом парке. И вдруг слышу за спиной голос: «Нам без храмов никак нельзя!». Это Николай Михайлович не утерпел, вышел к нам. Будто молния, меня пронзает догадка.

– Николай Михайлович, – спрашиваю его, – вы в 50-х годах, когда стали начальником строящегося Лебединского рудника, не ходили по хатам Лебедей, уговаривая их жителей побыстрее переселяться?

– Ну, как же, ходил, – слышу не сразу в ответ. – Ещё как ходил! Ведь поначалу это было главной нашей задачей – безболезненно и вовремя переселить людей. Церковь свою вот только было им жалко, бедную, бросать.... А ведь она уже не работала!

«...и возвращается всё на круги своя»

7 июля 2011 года над микрорайоном Лебеди, ведущем свою, пока ещё не длинную, родословную от моей деревни, но расположенном уже по другую сторону речки Осколец, проплыл колокольный звон. Состоялось освящение надкупольных крестов и колоколов строящегося храма во имя иконы Божьей

Матери «Всех скорбящих Радость». В освященные колокола вместе тогда ударили глава местной территориальной администрации А. А. Кретов и благочинный Губкинского округа протоиерей Евгений Сапсай, открыв тем самым новую страницу в истории Губкина. Городская газета писала тогда: «Приступая к освящению, благочинный Губкинского округа протоиерей Евгений Сапсай сказал, что в Губкине удивительным образом сочетаются чаяния его жителей и городских властей». Сам же храм был освящён архиепископом Белгородским и Старооскольским (ныне - митрополитом) Иоанном 3 сентября 2011 года. Жаль, мама моя не дожила.

Раздел 3

Память не знает ПОКОЯ

* * *

Гудит в сердцах набат,
Не знает память сна.
Хоть столько лет назад
Закончилась война.

Все отдаленней гром
С полей тех страшных битв, –
Все горше в горле ком
От надмогильных плит.

Все радостнее гул
От праздничного дня, –
Все строже караул
У Вечного огня.

И словно соль в глаза –
Погибших имена...
Хоть столько лет назад
Закончилась война.

В сквере Шахтёрской славы

На чёрной плите лабрадора,
Где выбито имя отца –
Две каски – бойца и шахтёра,
Две каски шахтёра-бойца.

Салютам победного Мая
И Августа, и Февраля
Они молчаливо внимают
И мне об отце говорят.

Что был он хорошим шахтёром,
И был он отважным бойцом,
Чтоб рос я отцу не укором
И сам чтоб гордился отцом.

В скрижалях из плит лабрадора,
В салютах из нынешних дней,
Навек молодые, шахтёры
Встречают седых сыновей.

Есть ли душа у памятника?

*...День как день. И солнце.
Посмотрите!
Мой отец, израненный, в граните
Встал на вечный пост у поворота!
Я всё детство ждал его прихода.
Я всю юность ждал его прихода.
Но – всё глуше лет тех канонада...*

Поэма «Шаги по руде»

Как читатель думает, есть у памятника душа? Настоящая. О которой так много говорят и о которой, как уже общепризнано даже на уровне научном, никто ничего не знает? Понимаете? Ездил недавно на мемориал погибшим воинам, что в микрорайоне Йотовка. Памятник – у самого поворота дороги на Лебединский ГОК, но с дороги почти не виден. Помню, как радовались мои односельчане – лебеद्याны, особенно вдовы погибших и, в их числе, моя мать, когда было принято решение о сооружении мемориала на средства Лебединского совхоза. И как светились лица вдов, пришедших как одна на его открытие! Будто на свидание с живыми мужьями пришли!

Но когда это было! Почти полвека прошло с тех пор. Никого не осталось почти – ни вдов, ни ветеранов. Нет и Лебединского совхоза. Многим казалось, под угрозой уже существование и скромного мемориала, оказавшегося под самым боком у Лебединского ГОКа и всё более теснимого им. Помнится, в городской газете «Знамя Ильича» было даже обращение-просьба некоторых бывших лебедянцев к властям города обратить внимание на йотовский памятник, на приходящую в запустение территорию вокруг него. Предлагалось даже перенести его на новое место, куда-нибудь подальше от промышленных построек и сооружений. Ответ был довольно убедительный. В нём сообщалось, что уже планируется сооружение мемориала в микрорайоне Лебеди в память о погибших воинах именно деревни Лебеди. И он потом появился – более величественный и строгий. Судьба же мемориала в Йотовке оставалась неясной.

Получилось так, что я и сам в течение последних лет по разным причинам не приходил на это место и не приезжал. Отца сходить проведать в День Победы было куда: его имя выбито в сквере Шахтёрской славы вместе с именами других шахтёров, не вернувшихся с войны. Но почему-то в последнее время мысли всё чаще стали уносить меня к тому, Колонопреклонённому, что в Йотовке: что он там? как он там?

И вот теперь я кручу медленно педали по улице Белгородской в сторону поворота на Лебединский ГОК, высматривая кого-нибудь из обитателей тянущихся вдоль дороги и скрытых за заборами домов. В надежде – встретить какого-нибудь старожилу, переселившегося в оное время с того места, где сейчас размахнулся карьер и где прошло моё детство. Но надежды – мало: знаю, переселенцы чаще строились в других местах: улица Солнечная, микрорайон Лебеди и другие. Однако, увидел всё же одного: уткнулся в газету, даже головы не поднимает, хотя я уже подъехал и с велосипеда сошёл. Может, думаю, по старости лет не слышит?

– Здравствуйте! – говорю громко. Он поднимает голову, внимательно смотрит на меня и молчит. – Тут недалеко от вас, за поворотом, памятник был. Он ещё цел? Действует? – ещё

громче говорю я. Он опять некоторое время молчит и вдруг спокойно и совсем негромко произносит: – Женик?

Ну, разве не бывает приятно, когда тебе в чём-то повезёт? Мне повезло: на лавке сидел уважаемый, но вначале не признанный мною Вячеслав Петрович Топоров, которого я знал в детстве просто как Славку Шевелёнка. Он был старше меня. Не пойму только, как он меня угадал после стольких лет. Ему уже за 90. Повспоминали общих знакомых, перешли к памятнику. От слов Петровича теплело на сердце:

– Конечно, цел! Конечно, действует! И школьников на День Победы приводят, и цветы возлагают. Я сам туда прихожу иногда – посидеть, отдохнуть...

До памятника от жилища моего собеседника рукой подать. Заезжаю на полуогороженный участок – всё как было: и коленапоклонённый воин, и каменные доски с фотографиями погибших. В ряд – три высоченные ели, я и не заметил, когда они выросли. Но... у меня отчего-то создавалось впечатление, что одиноко им – и воину-памятнику, и тем, кто на фотографиях... Не помогало и присутствие одинокого рабочего с краскопультом, наводящего «марафет» на облупившихся местами плитах в преддверии праздника 9-е Мая. Но одновременно и радовало: было, значит, чьё-то указание! От рабочего узнал, что указание ему дал его директор (рабочий кивнул головой в сторону стоящего неподалеку двухэтажного здания), а директору – вроде бы, сам Глава администрации городского округа. Совсем радостно стало: значит, не думают «наверху» отказываться от этого мемориала, ссылаясь на сооружённый в микрорайоне Лебеди! Радость эта получила подкрепление, когда на обратном пути моего «паломничества» заехал в «Долину светлой грусти» – так, помнится, назвал я в нашей городской газете долину ручья «Тёплый колодезь» в начале строительства там рекреационной зоны. А сейчас.... О какой грусти, пусть даже и светлой, может идти речь теперь, при посещении этого уголка, уже сейчас обещающего с полным правом называться райским! И когда я проезжал по этим чудным, словно подвешенным, деревянным дорожкам и мостикам вокруг пруда и вдоль ручья, в голове неотвязно крутилась мысль: ну не

может быть так, чтобы люди, создавая такую красоту в своём городе, так щедро тратясь на неё, обошли своим вниманием то место, которое я только что покинул!

И не ошибся. По прибытии домой, сразу же разыскал телефон того, кто курирует памятники от администрации округа. Ею оказалась Наталья Николаевна Скворцова. На мой вопрос, какая судьба ждёт мемориал в Йотовке, ответ был кратким и предельно конкретным: по утверждённому Главой администрации Губкинского округа плану, его ждёт капитальный ремонт в 2024 году. Пользуясь случаем, с удовольствием довожу, лишний раз, этот ответ до сведения тех, в первую очередь, кто жил когда-то в деревне Лебеди.

Да, читатель, наверное, может спросить меня, к чему я начал своё повествование с вопроса о душе памятника? Сказать по-честному, не знаю. Кроме разве того, что когда пришёл на мемориал, то неожиданно испытал при встрече с колено-преклонённым воином-памятником в окружении моих земляков на фотографиях такое же родственное чувство, что и при встрече перед этим со Славкой Шевелёнковым (пусть хотя уже и в образе 90-летнего старца). Уточняя, речь идёт о чувстве не к тем, кто был на фотографиях, что само собой разумеется, а именно – к воину-памятнику. А впрочем, что же тут такого? Существует же устойчивое мнение среди многих учёных, как и религиозных деятелей, о наличии некой «вселенской души», пронизывающей всё мироздание, всё живое в мире и неживое.

В хлеву родился, на войне крестился

Прежде чем рассказать, как воевал мой тесть, Михаил Тихонович Шульженко, в Великую Отечественную, остановлюсь на небольшой подробности. Оказывается (об этом я узнал совсем недавно от жены), он родился в хлеву. Ну да, в настоящем хлеву, как когда-то наш Спаситель Иисус Христос, в присутствии коровы, овец и прочей живности, какая водится обычно в крестьянском хозяйстве. И родился он в большой религиозный праздник – день Сретения Господня – 15 февраля. В тот день родители ещё не родившегося Михаила (но – уже ожидавшегося!) пригласили, по случаю праздника, гостей. И в самый его разгар молодой хозяйке приспичило рожать. А хата, где собрались праздновать, представляла собой одно помещение без каких-либо перегородок, не считая сеной, и – вместе с печкой. Так было тогда у многих. Ну и как выходить из положения? Даже в наше время трудно представить, чтобы созвать гостей и через час-полчаса вот так, не за здорово живёшь, выпроводить всех на улицу. Но сегодня, по-моему, допустить всё же можно. А тогда – вы что! – очень в неприглядном свете оказались бы хозяева в глазах всей деревни. Гости – считалось – святое дело! Ну и вышло: в хате – гуляют, в хлеву – роды человечка принимают. Гости даже не были оповещены и не заметили происходящего.

На этой подробности я остановился лишь потому, что, по глубокому убеждению моей жены, именно этот фактор, то есть появление на свет её отца в тех же условиях, что и появление когда-то Спасителя, каким-то образом способствовал сохранению отца живым во всех его во время войны перипетиях. А последних было немало – и жестокие лобовые атаки, и трёхкратное ранение, и побег из плена, и многое другое. Против таких убеждений жены я особенно не возражал, принимая в рассуждение, насколько велико незнание человечества по отношению к его знаниям. Тем более – на тонком плане бытия. Но как бы в шутку намекнул, что хоть её отец и родился в хлеву, но крестился ведь не в реке Иордан и не в 30 лет. На что жена просто и на полном серьёзе сказала:

– А боевое крещение на войне и при этом не одно – это ни о чём тебе не говорит? И тоже – в 30 лет?

Ну что тут возразишь!

Когда моего тестя призвали на войну, то дали ему на двоих с его земляком одну винтовку образца 1905-го года со словами: «другую отнимете у фрицев». Земляк был хохол, звали его Микола. Говорит он тестю:

– Нэ горюй, Мыхайло, мы у нэмця нэ будэмо винтовку видниматы, а раз – пулемёт. Вот тоди и повоюемо.

Михаил Тихонович Шульженко с супругой

Шутник, значит, был. А с такими Тёркиными на войне, по рассказам самих же ветеранов, всегда легче воевалось. Правда, у наших героев до пулемёта тогда дело не дошло (это был один из самых тяжёлых для страны периодов войны), а оказались через некоторое время они в окружении и попали в числе многих других в плен. Тестя осколком снаряда ранило в правую руку повыше запястья. Осколок остался сидеть в руке, хотя и не глубоко. Всех пленных, кто не мог совсем идти, немцы добили выстрелами в голову, остальных погнало. Гнали двое суток, на третьи остановились в каком-то месте, там предстояло рыть окопы. Рана у тестя к тому времени уже загноилась, рука покраснела и опухла, начался сильный жар, и тесть уже плохо чего соображал. Похоже, начиналось зараже-

ние, Мыкола, сам еле державшийся на ногах, мрачно шутил:

– Яка пильза будэ от тэбэ нэмыцям?

Он и ещё один пленный выковыряли ножом из раны товарища осколок, обрывки застрявшей там одежды с землёй, заставив тестя скрежетать зубами и корчиться от боли. Рану промыли и перевязали подручным материалом, приложив несколько найденных на месте листьев подорожника.

Окопы рыли под удары палок и свист плёток, кормили какой-то баландой два раза в сутки – утром и вечером. Спали под открытым небом. Многие из раненых, теряя последние силы, утром не могли уже встать. Их добивали и оттаскивали в общую яму. Был твёрдым кандидатом в эту яму первые несколько дней и мой тесть, но друг Мыкола всякий раз из последних сил заставлял его подняться, а когда шли в колонне к окопам, незаметно для охранников поддерживал, не давая упасть во время ходьбы. Потом рана стала понемногу заживать, крепкий организм и воля к жизни взяли своё. А жить хотелось.

Как-то среди ночи немцы подняли весь лагерь, построили в две шеренги и стали выхватывать пленных и заталкивать в стоящие рядом машины.

– Если – на расстрел, скажу, что я ещё не докопал окоп, – попробовал было и здесь пошутить наш хохол, но, видимо, слишком громко – плеть стоящего рядом охранника тут же рассекла лоб и щёку говорившего.

Ехали с потушенными фарами, значит, близко фронт, там – свои. Прибыли на железнодорожную станцию, занялись разгрузкой вагонов. Немцы были чем-то очень возбуждены и спешили, удары плетью так и сыпались на пленных. Вдруг налетели самолёты, посыпались бомбы. Трещали пулемёты, захлёбывались лаем зенитки, рвались бомбы, взрывались ящики со снарядами (их-то и выгружали пленные из вагонов), и вдруг огромный огненный столб взметнулся в небо и прогремел страшной силы взрыв, разметавший всё вокруг. Это бомба угодила в вагон со снарядами. Но два наших друга были уже довольно далеко от этого ада, они бежали в ту сторону, откуда прилетели самолёты.

Бежали долго, пока совсем не выбились из сил и не упа-

ли. Светало. А когда рассвело, беглецы обнаружили, что они находятся между своими и немцами, так сказать, на нейтральной полосе. Поползли в сторону «своих». Вдруг оттуда прозвучал одиночный винтовочный выстрел, как бы спрашивающий: свои или чужие? И тогда, позабыв о всякой опасности, они вскочили и побежали к своим, размахивая руками и крича: «Свои! Свои! Русские!». И тут мой тесть почувствовал, как будто что-то обожгло его ногу и что-то горячее потекло по ноге в сапог. Вгорячах он ещё немного пробежал следом за Мыколой и что-то уже хотел ему крикнуть, как вдруг тот, странно взмахнув руками, упал, как подкошенный, уткнувшись головой в траву. Подползя к другу и убедившись, что тот мёртв (пуля снайпера попала в голову), тесть, уже теряя последние силы от большой потери крови, всё же дополз до бруствера передней траншеи, где его подхватили бойцы и втащили внутрь. Тут же оказали первую помощь и отправили в санчасть.

Но на этом война для моего тестя, конечно, не закончилась. Оправившись от второго ранения и потери друга, пройдя благополучно через все вопросы и допросы «смерша» (советской внутренней контрразведки) по поводу своего пленения, он был временно, пока не заживёт получше нога, причислен к обозному взводу. Здесь ему, потомственному крестьянину-колхознику, было не привыкать работать с лошадьми: исправно чинил сбрую, умело ремонтировал колёсно-тележный транспорт, всегда вовремя доставлял к месту назначения лубой груз, будь то борщи-каши для солдат или же боевые снаряды для врага. Но однажды во время жестокого боя, подвезя к стреляющей пушке несколько ящиков со снарядами, он вызвался заменить на время убитого на глазах подносчика снарядов. В этом бою его снова ранило и очень серьёзно: осколок вражеского снаряда попал в поясничную область и крепко там застрял где-то у позвоночника. Провалился немало времени в нескольких госпиталях и был комиссован «по чистой». С осколком в спине. Был настолько слаб и немощен, что командование, отправляя его домой, дали в дорогу до самого дома провожатого.

Со временем тесть оклемался, крепко встал на ноги и женился на прекрасной женщине (колхозной, между прочим, трактористке), родившей ему дочь (мою будущую жену) и сына-богатыря. Работал кузнецом и пользовался большим уважением односельчан. Был страстным садоводом-мичуринцем, развёл прекрасный сад и завёл пасеку. Только подолгу сидеть и любоваться плодами своих рук, как это обычно делают садоводы и пасечники, не мог: не давал засевший в спине осколок снаряда. Да и некогда было ему сидеть.

Гармонист на танке и вальс «Над волнами»

Судьба подарила мне счастливую возможность писать о своём родном крае, о моих земляках – шахтёрах, горняках-первопроходцах Лебединского карьера и многих других. Но никогда не думал, что возьмусь писать о своей гармошке. О гармошке, неожиданно соединившей вдруг в моей памяти и далёкую Курскую дугу, и голодные годы обучения в техникуме, и прощание с родной деревней Лебеди во время её сноса под Лебединский карьер, и озорные песни выскакивающих из проруби губкинских «моржей».

Мечта о гармошке зародилась в моей голове ещё, как я понимаю, в полубессознательном возрасте. Шла война. В памяти от неё у меня лишь отдельные эпизоды, и то – как в тумане. Наиболее отчётливо вспоминается, например, то, как сидим мы – все двоюродные братья и сёстры – на печке. Я самый маленький. Откуда-то доносятся глухие взрывы. Там, я знаю, какая-то война, и там – наши папы. Затеваётся соревнование, кто громче всех крикнет «па-а-па!», чтобы наши папы услышали. Мне кажется, что я кричу громче всех, и мой папа не может меня не услышать. (Тогда я ещё не знал, что в это самое время похоронка на моего отца уже шла в мой дом). Впрочем, об этом я уже писал когда-то. А сейчас – воспоминание, связанное с гармошкой.

Вот по моей деревне движется колонна танков в сторону Белгорода. Жители, всё женщины и дети, высыпали из хат и

машут вслед. От танков – страшный грохот. Моя старшая сестра жметесь испуганно к ногам матери, я отважно кричу, что мне не страшно, и подбегаю поближе колонне. Всё это тоже, как в тумане, больше – со слов потом моей сестры. Зато запомнилось очень чётко и на всю потом жизнь: танковая колонна вдруг остановилась, и стало неожиданно тихо-тихо. Машин никто не покидал, но на башнях стали показываться танкисты. Они перебрасывались отдельными репликами со взрослыми моей деревни, что меня совершенно не занимало. Мой взгляд был прикован к башне недалеко стоящего танка, на которой появился человек, в руках у него была гармошка. Свесив ноги в люк танка, он что-то заиграл. Что – я, конечно, не понимал, я только смотрел на гармошку, которую видел и слышал так близко в первый раз. Мне она казалась чудом после той балалайки, которую я обычно видел в руках у кого-нибудь из гуляющих по деревне больших ребят. Через недолгое время танки почти разом взревели, и колонна двинулась, оставив надолго массу впечатлений для разговоров не только нам, детворе, но и взрослым. А у меня всё стояла перед глазами гармошка. Я слышал, как моя бабушка спросила у мамы, что так хорошо играл танкист, и мама как-то грустно ответила: «Вальс «Над волнами». Мы всегда танцевали его с Васей, он его очень любил». Вася – это был мой папа и бабушкин сын.

Не знаю, что послужило главным толчком к тому, чтобы последующие 10-15 лет моей жизни прошли под знаком мечты о собственной гармошке: встреча ли с тем танкистом-гармонистом или услышанные мною слова мамы о папе и его любви к вальсу «Над волнами». Скорее всего, и то, и другое. И ещё. Детским сердцем я уловил всё же тогда какую-то непонятную мне грусть и в игре танкиста, и в маминых словах. Понял лишь, когда подрос: впереди тогда ожидалась большие бои на Курской дуге.

Со временем я научился делать гармошку из тетрадного листа бумаги. Сколько их было переделано мною за время моего детства, трудно представить. Зато они были мне хорошим подспорьем в исполнении мною дома и даже на улице, когда гнал по деревне гусей, всяких песен и частушек, которых я

к тому времени знал уже немало. Не знал ничего только про вальс «Над волнами». Хотя отдаленное звучание чего-то хорошего и немного грустного, которое родилось неосознанно ранее в моей груди от игры танкиста, продолжало во мне жить. Так мне сейчас кажется. А тогда, видно, само небо решило пойти мне навстречу. Когда я учился уже, по-моему, в шестом классе, ко мне за парту посадили «новичка», почти уже взрослого парня. Это был Ушаков Шурка, по двору их звали Дискины, а ещё – Кулагины. Шурка когда-то, бегая поздней осенью с друзьями, сильно застудил промокшие ноги, долго потом лечился. Отец, жалея сына, купил ему – в то голодное послевоенное время! – гармошку, и тот за время, пока не мог ходить в школу и лежал дома, научился хорошо играть. И не раз потом я слышал, бегая по деревне, как девки просили: «Шур, ну поиграй ещё!». Шурка начинал играть, но не сразу: немного «поломается», чтобы ещё попросили, и потом лишь заиграет. «Эх, если бы я на его месте! – думал я тогда. – Разве стал бы я упираться!».

К окончанию 7-го класса мои успехи в качестве Шуркиного «репетитора» по русскому языку были вознаграждены с лихвою: я играл на Шуркиной гармошке «Гулял по Уралу Чапаев-герой», «Гибель «Варяга» и кое-что ещё «по мелочи», но главное – вальс «Над волнами»! Всё реальнее виделась жившая в моих мечтах детства картина: кругом меня – мои односельчане-лебедянцы, я играю им на гармошке, они танцуют.

Седьмой класс Лебедянской школы я закончил с похвальной грамотой и после собеседования, без экзаменов поступил в Старооскольский геологоразведочный техникум. Ранее я уже писал, насколько трудно было мне учиться без всякой помощи вдали от дома на одну стипендию. Зато у меня теперь были свои деньги, которыми я мог распоряжаться самостоятельно! Стипендия была на первом курсе 215 рублей в месяц, гармошка в магазине стоила 420 р. Я купил её где-то через полтора года отчаянной экономии на питании. Вместе с гармошкой купил и самоучитель игры на ней.

Нет нужды описывать подробно, как самостоятельно учился играть на гармошке по нотам. Скажу только: не было для

этого ни свободного времени, ни условий, живя в общежитии вдали от дома, ни кого-нибудь рядом из тех, кто мог бы что-то подсказать или показать. Но чему-то всё же научился дополнительно к Шуркиным урокам. По крайней мере, мог, как это мне постоянно грезилось в мечтах, появиться в своей родной деревне Лебеди где-нибудь, где собирается молодёжь, и – заиграть! Желание это усилилось во мне многократно после того, как мне стала нравиться одна девчонка из моей деревни. Представлял, как буду я играть, и она будет тоже там танцевать вместе со всеми и вместе со всеми видеть, как я играю, и не знать, как она мне нравится...

Снос Лебедей проходил в темпе: строящийся карьер неумолимо наступал на хаты. День и ночь в нём гудели экскаваторы, неумолимо сновали самосвалы. Уже были снесены Прулепово, Село и половина моей Моздовки. Дальше шёл Хутор. Им заканчивались Лебеди, и начиналась Иотовка. На этой-то границе, где стояли дворы Осиных и Савотиных и ещё несколько хат лебедеянцев, на широком, поросшем мелкой травой выгоне возникла спонтанно танцевальная площадка, на которую стала собираться по вечерам ещё не переселившаяся молодёжь и танцевать под гармошку. Танцевали при свете луны и звёзд, а то и без них. Место это стали называть вошедшим тогда в моду словом «фестиваль». (В моду оно вошло благодаря прошедшему в 1957 году первому международному фестивалю молодёжи в Москве). Гармониста постоянного не было. Кто придёт с гармошкой, тот и поиграет, сидя на табуретке, вынесенной из чьей-нибудь хаты, или просто на сваленных брёвнах. Местная молодёжь мешалась с приехавшими из разных концов страны на строительство Лебединского карьера.

Прийти со своей гармошкой на «фестиваль» как раз и стало верхом моей мечты. И однажды я пришёл. Что же пошло не так? Всё вроде же было, как представлял в мечтах! И «фестиваль», и я на нём с гармошкой, и вальс «Над волнами». И даже – та девчонка. Не было, правда, луны на небе, но светили звёзды, да и, к тому же, в полутьме молодёжь чувствует себя, по обыкновению, более свободно. И я расслышал даже между игрою, как одна из танцующих спросила подружку: «А кто

это играет?» и в ответ: «Да это же Илюхин Женик!» (по двору мы были Илюхины). И когда я заиграл «плясовую», вышла на круг ОНА с подружкой, и я тоже угадал её в полупотёмках. Так что же, повторяю, пошло не так? То, что не отважился в тот вечер подойти к той девчонке? Нет, тут было что-то другое. Может, – внезапное осознание того, что я пришёл на этот пятачок, именуемый «фестивалем», не на встречу с моей мечтой, а попрощаться с моими родными Лебедами? И почему-то, пока там был и играл, становилось всё более и более грустно.

С «фестиваля» я шёл с Тихоновым (Топоровым) Толиком, бывшим моим одноклассником. Он рассказывал о своей уже работе в карьере, я – о том, что скоро, по окончании техникума, уезжаю далеко – в геологическую экспедицию. Затрагивать тему будущей судьбы мест, где прошло всё наше детство, мне почему-то не хотелось. Не хотелось, видно, и ему.

Больше я на «фестивале» не появился. Да он и сам недолго потом просуществовал: не стало ни его, ни самих Лебедей.

Во время моих сборов на Север я долго колебался – брать или не брать с собой мою гармошку. Вспомнился из детства танкист с гармошкой на танке. Он что? Возил её с собою в танке? А я в чём буду возить по тайге? На оленях? Короче, гармошка осталась дома. Хотя и было чувство, будто чему-то живому изменил. Были потом у меня по жизни и баян, и гитара, и ноты так же учил, и играл по ним. Только всё это с годами отошло и ушло. А гармошка оставалась. Лет десять назад (мне уже стукнуло тогда 70), передавая по просьбе городского краеведческого музея некоторые свои документы и фотографии, я, было, передал им и свою гармошку. Потом почему-то передумал, забрал обратно и вручил её Вячеславу Фёдоровичу Иовлеву, нашему известному ветерану спорта. До этого я однажды видел, как он, стоя в одних плавках на льду, встречал игрой на гармошке выскакивающих из проруби на городском пруду губкинских «моржей».

Вот и вся история про гармошку. Хотя не только про неё.

«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?..»

Было ли что горше после войны, чем жизнь солдатских вдов в деревне? Мало того, что практически бесплатно работали от темна до темна в поле, что кормились каждая со своими детьми только с кусочка земли, на обработку которого оставались лишь ночи да праздники, что задавлены были налогами, на выплату которых отбирали у вдов даже пенсию на малолетних детей за их погибших отцов. И изо дня в день, из года в год – вдовье одиночество. И уже состарившись, так и не смогли понять они одного: как хватило сил выжить. Только чаще при этом не военное лихолетье вставало перед ними, а бесправная, особенно в первые годы после войны, жизнь вдовья. Война, что ж, пока она шла, она всех женщин уравнивала, в том смысле, что все без мужей жили. Все ждали победу, жили ею. И вот – дождались, а чьи-то мужья не вернулись...

Память уводит в прошлое. Чувствуется покалывание стерни, мягкая тёплая пыль просёлочной дороги – ходили тогда босиком. На ладонях заныли как будто те, детские, мозоли от серпа и грабель. На плечи же вдов легли косы. Приходилось косить не только травы по лугам, но и хлеба в поле. Эта рабо-

Вдовы бывшей деревни Лебеди у памятника своим мужьям.

2-я слева – моя мама. Фото 1999 года

та и для мужчин тяжела, а тут молодые совсем да к тому же голодные женщины. Косили до кровавых мозолей на руках и кругов в глазах. Помню, возвращаясь с поля, мама говорила: «Вытягиваешься в нитку, кажется, все кишки порвала». А в перерыве, когда садились перекусить, всего-то и было – пустые щи да хлеб-суррогат, состоящий в основном из картофельного жома с добавлением небольшого количества муки.

Да, в работе жизнь вдовам не отказывала. Вязали снопы, молотили, рубили, пололи, работали на пределе сил; всё научились делать, ничего им не было страшно. Зимой, с вечера получив наряд на завтра, женщины утром, когда только начинало светать, одевшись потеплее, собирались на колхозном дворе. Запрягали волов, лошадей и отправлялись в длинный путь, оставляя на целый день без присмотра своих ребятишек и хозяйство. Одни ехали в поле за соломой, другие – на Песчанский спиртзавод за бардой, надо было кормить колхозный скот. Там, на заводе, в стоящий на больших санях огромный железный чан женщины вёдрами заливали барду. Одежда на них намокала, на морозе твердела. Волы с тяжёлым грузом упрямились, останавливались, и ни лаской, ни угрозами, ни битьём невозможно было сдвинуть их с места.

Не легче была поездка за соломой. Накладывали вручную вилами, утягивали верёвками, а иногда воз по дороге начинал сползать, крениться, приходилось подпирать плечом и так везти. В сумерки, а то и ночью возвращались домой смертельно усталые, замёрзшие. Порою, бывало, мама взмолится: «Господи! всю жизнь бегом, всю жизнь запалённая, а за что?..».

...Но всё-таки была у вдов помощница – это песня. Видно, много у судьбы путей, да одна дорога... может, она заранее готовила вдов к той жизни, что пришлось прожить потом? Только песню и оставила им. В войну пели и после войны. Пели на людях, когда, бывало, с граблями или тяпками, с косами шли они далеко в поле или возвращались обратно. На быках едут – поют, разуты-раздеты – поют. Пели на вечеринках – редких, но по-деревенски многолюдных, а чаще пели наедине с собой, когда долгими зимними вечерами штопали и латали свою и детскую одежонку или вязали. Иногда собирались в чьей-ни-

будь хате, чаще всех – в нашей. Это, может, потому, что моя мама была известной в деревне певуньей. Тут у них даже сложился определённый порядок: сначала обсуждали домашние дела, деревенские новости, пересказывали сны. Один мамин сон я хорошо помню, она его часто потом рассказывала. Видела она его в ночь под праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы вдали от дома в чужой хате. Будто месяц на небе, и по одну сторону от месяца – крест, а по другую, поодаль, – три солнышка: два маленьких и одно побольше. И эти три солнышка беспрестанно снуют друг возле друга. Но вот нашла тёмная туча и закрыла месяц... Тогда хозяйка хаты, выслушав утром этот сон, только и произнесла: «И-и, девонька, будешь ты без мужа вековать с детками своими всю жизнь».

– Так и получилось, – горько всегда говорила потом мама. – Всю жизнь прокрутилась с детьми, как эти три солнышка...

Потом кто-нибудь запевал. Чаще всего начинали с песни «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Кто-то вздыхал, кто-то всхлипывал, прикладывая концы платка к глазам, но постепенно начинали подтягивать, и песня набирала силу. Однако, допеть эту песню до конца удавалось не всегда. После третьего куплета, где рябина мечтает перебраться через речку к дубу, следовал куплет, самый для вдов, видимо, – я ощущал это даже своим детским сердцем – трудный, чтобы его спокойно пропеть:

*Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась,
С его бы листьями
День и ночь шепталась...*

Перекрывая звуки песни, раздавалось чьё-то рыдание, песня враз смолкала, иногда перерастала в общий плач. Немного успокоившись, певцы начинали другую. Пели о молодости, о любимых, о своём коротком бабьем счастье, о проклятой войне. Песни заканчивались всегда вопросами: как жить дальше?

И что хочется отметить: на деревенских свадьбах, других редких гуляньях, казалось, никого не было веселее вдов. Молодые, красивые даже в перелицованных платьях и перешитых юбках, всегда аккуратные – как они пели и плясали! Мы,

дети, любовались мамами, но знали, что будет потом. Потом они приходили домой и, обнимая, прижимая нас к себе, безутешно и горько плакали о своём одиночестве, о нашем сиротстве; о том, что прохудилась крыша и её нечем латать, что пала единственная овца, что не выкопана картошка, что нечем платить налоги. Господи, да что там плач Ярославны!

Теперь, вспоминая о незавидной судьбе тех вдов, удивляешься и поражаешься, как они вынесли все невзгоды, как выстояли? А ведь вынесли и выстояли! И детей на ноги поставили, и остались чистыми душой и верою. Их, как и участников войны, тоже уже почти никого не осталось. Светлая им всем память!

Что кому суждено

Что кому суждено.
Повезёт, может статья, однажды вам:
Свист раздастся в ночи,
разгоняя усталую кровь,
И труба позовёт...
Это личное дело каждого –
Встать с лучами зари
иль продолжить в постели любовь.

Что кому суждено.
Кровь застыла от воя протяжного:
Убивается мать –
провожает на фронт сыновей.
Нету бойне конца.
Это личное дело каждого –
Встать «за други своя»
Или кинуть на поле друзей.

Что кому суждено...
Вновь и вновь от Иуды продажного
Не своим, а чужим
всё предательствам счёт мы ведём.
Утешаем себя:
«Это личное дело каждого!»
А на деле – себя,
мы себя по частям предаём.

Молитва русского по духу

Слышишь, на битву на честную
Колокола уж звонят?
Светлые силы небесные,
Не оставляйте меня!

Выйду со всеми на «ратное»
Родину-мать защищать.
Будет «ура» многократное
Наше победно звучать.

С ордами тьмы чужебесными
Справится наша броня.
Светлые силы небесные,
Не оставляйте меня!

Раздел 4

Мы - дети войны

* * *

Мы – дети войны. Мы отцов заменили,
Когда те фашистские орды громили,
И сами потом на полях погибали
И вдовью судьбу нашим мамам вручали.
И мы с матерями делили невзгоды
В те страшные, послевоенные годы.
И хоть до их плеч чуть рукой доставали,
Им хрупкие плечи свои подставляли.
Мы дети отцов, кто не вышли из боя,
Кто нашу страну заслонили собою.
А нам – «безотцовщины» выпала доля...
И били кнутом нас объездчики в поле,
В лесу лесники нас, как зайцев, гоняли,
Вязаночки палок сухих отнимали...
И много чего ещё, если помыслить,
Могли бы припомнить мы и перечислить:
Как мы выживали. Как мы подрастали.
Как после страну из руин поднимали!...
Как долго и тщетно «Закон» «пробивали»
О детях войны...
Мы – дети войны... мы уйдём незаметно:
Закатной порой или в час предрассветный
Исчезнет последний войны той свидетель,
Воочию видевший, как по планете
Под свастикой чёрной чума расползалась
И детство отнять у нас наше пыталось...
Мы – дети войны. Нас уж мало осталось.
Мы тихо уходим...

России верный сын

Александр Маркович Адамчук – человек в нашем городе известный, особенно в молодёжно-студенческой среде и в кругах научных: он доцент, профессор, член Петровской академии наук и искусств, Почётный член Академии горных наук. Проницательный, чуть с прищуром взгляд, речь неторопливая и голос скорее ласковый, чем просто тихий, как бы склоняет собеседника к убедительности. Даже внешность его – довольно густая для своих 80 лет копна совершенно белых седых волос на крупной голове и кряжистая фигура – лишний раз только подчёркивают его сегодняшний статус маститого труженика науки.

Из поколения детей войны

Сейчас как-то трудно представить, что когда-то этот человек в течение двух лет не мог закончить первый класс начальной школы по причине, обычной для детей того времени, – не во что было обуться и одеться. И истинное лицо войны маленький Саша Адамчук узрел уже в четырехлетнем возрасте: как только их городок Столин заняли немцы, они сразу же повесили семь человек за то, что те были активистами во время установления там советской власти (Западная Белоруссия стала советской лишь в 1939 году). Принадлежали к таким активистам и родители Саши, что заставило всю их семью из шести человек (ещё были дед, два брата – одиннадцати лет и грудничок) в первые месяцы войны скрываться в лесу. Но в одну из очередных облав они вместе с другими были согнаны в деревушку за колючую проволоку и чудом избежали расстрела – один из полицаяев оказался знакомым отца и ночью помог им уйти. Какая Хатынь могла ожидать их, не случись этого побега, трудно сказать. Впоследствии старший брат был угнан в Германию, отцу удалось уйти в Красную Армию.

Детство после войны и первые годы юности Александра протекли на природе – среди живописных лугов и лесов родной Белоруссии. Детство было голодное, но выручали походы с матерью в лес по грибы и ягоды, на рыбалку сетями с отцом. В школе активно занимался спортом. Окончил школу с серебряной медалью. В перешитой отцовской шинели двинул с товарищем в Иркутский политехнический институт: манила романтика, да и конкурс на место был поменьше. Но вернуться по окончании института планировал в родные края.

Из Сибири – в Черноземье

В трудовой биографии Александра Марковича можно заметить такую деталь: продвижение его по карьерной лестнице проходило в исключительно, говоря языком физики, равномерном или даже равномерно-ускоренном темпе, без каких-либо резких скачков вверх. Ибо в последнем случае предполагается или наличие «волосатой руки», каковой у нашего героя, как видно из его биографии, не было, или совершение чего-либо в работе неординарного – открытие в науке, крупное изобретение на производстве и тому подобное, что для горных работ всё же не столь характерно. Следовательно, своим устойчивым ростом в профессиональной деятельности Александр Маркович был обязан личным качествам, позволяющим ему быть в любой среде, как модно сегодня говорить, успешным.

Свою трудовую деятельность после окончания института Александр Маркович начал на Коршуновском горно-обогательном комбинате (Иркутская область) и прошёл за довольно короткое время путь от слесаря на монтаже экскаваторов с целью детального освоения основного горного оборудования, горного мастера, помощника начальника экскаваторного участка, начальника производственно-технического отдела карьера до начальника отдела научной организации труда – заместителя главного инженера ГОКа. И уже через шесть лет по решению Министерства чёрной металлургии СССР и представлению руководства ГОКа он направляется на учёбу в Уральский ордена Трудового Красного Знамени политехни-

ческий институт имени С. М. Кирова (г. Свердловск) на факультет организаторов промышленного производства и строительства, где через год получает специальность организатора промышленного производства. Чем не карьера! Казалось бы, все условия для дальнейшего продвижения по службе на родном предприятии. Но – досадная закавыка: северный климат оказывается нездоровым для маленького сына молодых супругов Адамчук. Врачи настоятельно рекомендуют поменять место жительства хотя бы на среднюю полосу России. Но упирается руководство ГОКа, возлагавшее особые надежды на своего перспективного работника.

«По закону я тебя удерживать не могу, но пусть решит партком комбината», – заявляет директор, уверенный в поддержке последнего. Адамчук – коммунист, и любое решение парткома для него – закон. Поэтому он предварительно беседует с каждым членом парткома, по-доброму просит, и его по-доброму, в конце концов, отпускают переводом на Лебединский горно-обогатительный комбинат. Там он работает некоторое время главным инженером кварцитного карьера, затем заместителем начальника производственного отдела ГОКа по хозспособу. Под его непосредственным руководством была подготовлена и сдана в эксплуатацию в ноябре 1971 года первая очередь карьера Лебединского ГОКа по добыче железистых кварцитов.

Наука и практика

Однако не производственная деятельность сыграла главную роль в получении Александром Марковичем нынешней известности в нашем городе. Спустя всего три года после прибытия в Губкин получает наш герой приглашение на работу в Научно-исследовательский институт по проблемам Курской магнитной аномалии (НИИКМА) и полностью отдаётся научной работе, в основном экономического характера. О направлении его работ можно судить хотя бы по названиям лабораторий и отделов, которые он возглавляет в тот период: «Организация производства», «Внешнеэкономические связи и маркетинг», «Передовой производственный опыт», «Орга-

низация труда и управления» и ряд других. В те же годы он пишет и успешно защищает диссертацию на степень кандидата экономических наук. Тема диссертации «Воздействие материального стимулирования на рост производительности труда рабочих в железорудном производстве».

Вышло так, что все выполняемые А.М. Адамчуком научно-исследовательские работы оказываются на самом гребне перестроечной волны, катящейся по стране, главным двигателем которой объявляется материальное стимулирование труда. Поэтому его работы находят самое широкое практическое применение на всех горнорудных предприятиях страны. Волшебная фраза «материальное стимулирование горно-транспортных бригад за достижение высоких рубежей производительности оборудования» не сходит со страниц всех центральных и местных газет, ею освещается небывалый рост трудовой активности рабочих в горнорудной промышленности. Продолжая совершенствоваться в избранном направлении своей научно-экономической деятельности, Александр Маркович в составе группы работников Минчермета СССР проходит в 1990 году обучение в Исследовательском центре при институте мировой экономики Академии наук Венгрии (г. Будапешт), где изучает вопросы хозяйствования в рыночных условиях и получает квалификацию с экзотическим по тому времени для советского человека названием «менеджер».

Студенческая дружба

Но вот приходят «лихие 90-е», многие предприятия по всей стране оказываются «на боку», науке не повезло особенно. НИИКМА, гордость города Губкина, тоже приказал долго жить. Что делает в этой ситуации Александр Маркович? Не найдя подходящей работы в своём городе, он извлекает на свет божий адреса своих товарищей и знакомых, с которыми проходил когда-то тот или иной отрезок своего жизненного пути и потом никогда окончательно не рвал связей. Вот двое из студенческого прошлого, уже нашли себя в новой жизни. Не без их помощи, а также используя собственные резервы учё-

ного и производственника, он уезжает в заграникомандировку в Монголию (г. Улан-Батор), где первые два года работает в должности заместителя генерального директора по экономике совместного монголо-российского объединения «Монголрощетмет», требовавшего принятия срочных мер по выводу его из кризисного состояния. Основные методы работы прежние: личные контакты с руководителями смежных предприятий и полное взаимное доверие при принятии совместных решений. Одновременно с этим он является научным руководителем группы по разработке «Концепции развития объединения в условиях рыночной экономики на период 1995-2010 гг.», нашедшей впоследствии успешное применение на практике. Следующие два года – не менее результативная работа помощником Представителя Всесоюзного объединения «Зарубежщетмет» в Монголии.

Профессор Адамчук

По окончании заграникомандировки А. М. Адамчук возвращается в Губкин и теперь уже полностью отдаёт себя преподавательской работе. Окончательным и постоянным местом его работы становится Губкинский филиал БГТУ им. В. Г. Шухова. Думается, нет смысла в короткой статье перечислять все ступени продолжающегося карьерного роста (мы ведь с этого начали наш разговор?) Александра Марковича. Но о некоторых хотя бы упомяну. В 2002 году решением Учёного совета университета он избирается по конкурсу на должность профессора и заведующего кафедрой «Экономика и учёт» губкинского филиала. В 2006 году он уже член-корреспондент, а через год – действительный член Петровской академии наук и искусств. В 2009 году ему присваивается учёное звание профессора Российской Академии Естественных наук и почётное звание «Заслуженный работник науки и образования». В 2012 году Президиум Международной академии естественных наук присваивает А.М. Адамчуку степень Почётного доктора наук, а в 2013-м он избирается Почётным членом Академии горных наук Российской Федерации. Не стану также перечислять все награды

за долгий жизненный путь юбиляра – медали, знаки, дипломы и прочие всех уровней вплоть до министерских – имя им легион, но одну не могу не назвать: в 2014 году Петровская академия наук и искусств присудила Александру Марковичу премию имени А. Н. Косыгина за монографию «Справочник экономиста-менеджера» и учебник «Экономика предприятия» с вручением медали «За верность России». Он автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе – четырёх монографий, двух учебников, «Справочника экономиста-менеджера» в двух томах и множества учебно-методических пособий. Его труды о малом бизнесе были опубликованы в солидных журналах в Индии и Канаде. В качестве научного руководителя он подготовил двух кандидатов экономических наук и более 150 выпускников (экономистов-менеджеров).

Семья – надёжный тыл

На семейном фронте у Александра Марковича тоже все в порядке. Здесь, правда, первейшая роль, – по утверждению самого главы семьи, – за супругой. Валентина Николаевна – замечательная женщина, прекрасной души человек, всё время работала заведующей аптекой. Неизменная и незаменимая советчица мужу и отличная хозяйка, любящая мать и непререкаемый авторитет для своих детей, наконец, самая заботливая в мире бабушка для своих внуков, она и на работе щедро делилась с окружающими своим душевным теплом. Многие жители Гидрогородка (с него начинался нынешний микрорайон Журавлики) ещё и сейчас вспоминают, как приходили к ней в аптеку не только за тем, чтобы купить то или иное лекарство, но и посоветоваться или поделиться чем-то своим, наболевшим. Недаром городская газета опубликовала тогда на своих страницах солидную статью о ней под красноречивым заголовком: «Сердце отдано людям».

У Александра Марковича с Валентиной Николаевной двое детей и трое внуков. Дочь пошла по стопам отца: она тоже кандидат наук, доцент, преподаёт студентам экономику. Сын занимается бизнесом. А эстафета научной деятельности уже

в руках старшего внука, Дениса, который работает в Москве: он тоже доцент, кандидат экономических наук. Двое других внуков пока учатся. Так что тылы на семейном фронте Александра Марковича прикрыты надёжно. Да и на фронте поддержания личного здоровья не пасует (хотя и перенёс операцию на сердце): он активный поклонник шведской ходьбы.

А теперь (на заметку, прежде всего, молодому читателю!) вернусь к тому вопросу, что задавал в начале повествования: какие личные качества, кроме трудолюбия, понадобились по жизни моему герою, чтобы оставаться, говоря современным языком, успешным в различных ситуациях. Главные из них были, как следовало из беседы (для краткости изложения привожу в собственной формулировке):

– создавай в коллективе доброжелательную, неконфликтную обстановку, формируй такие отношения с подчинёнными, чтобы каждый шёл на работу с удовольствием;

– при решении трудных вопросов прибегай всегда к личным контактам: одно тёплое слово в личной беседе может стоить гораздо больше, чем десять письменных обращений по официальным каналам связи.

Жена шахтёра, мать шахтёров

*В память о моём товарище юности –
шахтёре Викторе Меркулове*

Свою родословную Людмила Фёдоровна Меркулова ведёт от неких дедушки и бабушки Яновских. До войны семья их считалась довольно зажиточной. Дедушка, Максим Яновский, выделывал овечьи шкуры, шил шубы, имел маслобойню. У них было 11 детей – 7 сыновей и 4 дочери. Все сыновья ушли на фронт и не вернулись. В общей сложности, в большой семье народилось 40 внуков. В том числе и героиня моего рассказа, по воспоминаниям которой «наварит бабушка поросётам большой чугунок картошки, а мы хватать-хватать по одной – и полчугуна нет». Бабушка была «Матерью-героиней», что не помешало местным властям после войны семью

«раскулачить», то есть отобрать в колхоз маслобойню и прочий инвентарь для индивидуальной деятельности. И заделался Максим Яновский сельским почтальоном, развозил на телеге с лошадкой почту.

Детство Людмилы Фёдоровны было трудным, как и у всех «детей войны», холодным и голодным. Вот как описывает она его в вышедшей недавно книге «Безотцовщина».

«Родилась я в городе Мончегорске, Мурманской области 24 июня 1941 года. Отец мой был военным – в должности политрука танковых войск. 22 июня, когда началась война, в 4 часа ушёл на фронт, а маму отправили в роддом меня рожать. Сестру Галину (ей был 1 годик) взяла жена одного майора, пока мама находилась в роддоме. Когда мама вышла из роддома с младенцем на руках, то оказалось, что жена майора бросила свою дочь – младенца и мою сестру, а сама уехала в неизвестном направлении. Меня мама положила на чемодан, с которым пришла из больницы, а сама отправилась искать свою дочь Галю: расспрашивала людей, и одна старушка ей сказала, что какая-то женщина подобрала девочку в красном пальтишке и с собой возит её на работу. Работает, дескать, та женщина в бане, переправляется туда через озеро Имандра на пароме. Когда мама переправилась туда тоже, то увидела свою дочь. Мама окликнула её: «Доченька! Галя!», она повернулась и закричала «Мама!». Женщина вышла из бани и сказала: «Слава тебе Боже, мама нашлась!».

Мама поблагодарила со слезами женщину, вернулась на квартиру. За то время, пока мама искала Галю, меня никто не забрал, квартира была открытая, хотя вещи некоторые, добротные, украли. От переживания у мамы в груди не стало молока, и она нажёвывала мне сухарики, которые ранее отец передал с солдатом в роддом. Затем взяла нас на руки, узелок с пелёнками и отправилась в неизвестном направлении. Так как в Мончегорск мои родители прибыли незадолго до войны, то мама не знала, где находится вокзал. Села с нами на крутой берег озера и плакала. Неизвестно откуда появился старик и помог ей выйти на дорогу, по которой ехали солдаты на телеге. Он попросил их отвезти нас до вокзала. Бабушка

говорила, что её с нами спас Бог! Каким только транспортом, чем только мама не добиралась до Старого Оскола! Под бомбёжкой, на товарняках, попутными машинами. А ведь ей было всего 22 года! Да ещё с двумя младенцами на руках!

Мамины родители жили в деревне Бабанинка Обуховского сельского совета. Когда мама добралась до Старого Оскола, сразу встала на учёт в военкомат, как жена военного – офицера. Когда немцы подошли близко к Старому Осколу, её с нами военкомат отправил в Мордовию. Там тоже было трудно маме с нами. На День Победы в 1945 году вручили маме похоронку на отца: погиб в октябре месяце 1941 года, похоронен в городе Архангельске на офицерском кладбище (был ранен и в госпитале во время операции умер. Когда моя двоюродная сестра училась в Архангельске, она нашла кладбище отца, положила цветы на могилу). А нам не пришлось съездить на могилу, так как не было средств, жили очень бедно, голодали. Я помню, как мы собирали весной мёрзлую картошку и с травой мешали, пекли лепёшки и в то время, казалось, очень вкусные были.

В 1956 году переехали в Губкин, где мы с сестрой стали учиться в школе №2. От военкомата, как семье офицера, нам должны были дать квартиру. Долго не давали, мы скитались по квартирам чужим. И только в 1964 году, когда мама вынуждена была обратиться в Белгородский военкомат, дали 2-х-комнатную, угловую, холодную на 1-ом этаже по улице Фрунзе. Зимой было холодно, батареи чуть тёплые, но мама не унывала и благодарила Бога, что дали, наконец, квартиру!»

Я знаю, что после школы Людмила Фёдоровна закончила Губкинское училище №15, работала швейей. Затем отучилась заочно в институте и работала экономистом в НИИКМА им. академика Л. Д. Шевякова и на Лебединском ГОКе. Во всё время нашей с нею беседы с её лица не сходит как бы какое-то вопросительно-умиротворённое выражение. Вопросительное – как будто спрашивает, доходят ли её слова до собеседника, переживает ли он то, что чувствует сейчас она, рассказывая о столь драматических перипетиях своего самого раннего детства и ранней молодости. Умиротворённое – жизнь почти

уже прошла, много чего было в ней и хорошего, и плохого. Но больше, наверное, хорошего.

– Два сына, четверо внуков и уже трое правнуков! – вдруг говорит она, оживляясь. – А муж... – И будто облачки-тени пробегают по её лицу. – Рановато всё же покинул он меня.

На мою просьбу рассказать о муже она, молча, с готовностью подаёт мне красную адресную папку с развёрнутым в ней вкладышем. И ожидающе смотрит на меня. Я читаю вслух.

«Уважаемый Виктор Стефанович! Сердечно поздравляем с юбилейной датой! Ваша трудовая деятельность связана с работой на комбинате «КМАруда». Начав свой трудовой путь в 1960-м году забойщиком на руднике имени Губкина, затем пройдя службу в Армии, Вы вновь возвращаетесь на комбинат.

За девять лет Вы в совершенстве осваиваете искусство взрывного дела. Вам неоднократно объявляются благодарности за работу, выносятся поощрения за рационализаторские предложения. Вас награждают орденом Трудовой Славы III степени.

Опыт в работе, полученные практические навыки находят высокую оценку среди коллег, Вам доверяют в 1979 году руководство 3-м, проходческим, участком шахты им. Губкина, а затем, через 4 года, участком взрывных работ.

Ваша принципиальность, умение руководить людьми, знание горного дела стали слагающими Вашего неоспоримого авторитета, и в 1986 году Вас заслуженно награждают медалью «Ветеран Труда» с назначением на должность заместителя главного инженера шахты по буровзрывным работам.

Трудные девяностые годы Вы, полные сил и энергии, работаете в должности ведущего инженера-технолога управления комбината. И сегодня, продолжая свою трудовую деятельность, являетесь примером для подражания тем людям, которые связали свою судьбу с нелёгким горняцким делом...»

– Очень любил детей, ещё больше, наверное, внучек, – как бы в продолжение мной прочитанного, – тихо говорит моя собеседница. – И очень гордился их успехами. Их золотыми медалями, красными дипломами, успехами в спорте. Все полу-

чили высшее образование, нашли каждая работу по душе. Две работают в Москве, две в Белгороде. И вот уже до правнуков очередь дошла – в школу осенью уже двое идут – в 1-й и 2-й классы. Вот бы Витя радовался!.. Ну а дети – сыновья – по стопам отца... шахтёры!

– Это как же Вам удалось в молодости отхватить такого парня! – немного шутливо перевожу я разговор вновь на отца. Виктора Меркулова, моего ровесника, известного в те годы в нашем маленьком городе как спортсмена, я уже тогда хорошо знал, и мы даже немного «поддружились». Но потом судьба надолго развела нас, и лишь в зрелом возрасте, когда я проводил эксперименты от института НИИКМА на шахте им. Губкина, мы встретились. Воспоминания далёкой юности снова сблизили нас.

– Это не я «отхватила», это он «отхватил», – говорит моя собеседница. – Он тогда учился в «первом» училище на горняка – проходчика шахты. А танцы были общие, в одной зале. Мы с сестрой Галей были тогда ещё более заметные, чем он. Пели, плясали.... Там он меня и заметил. Ну, а дальше, как у всех: сначала первый раз на танец пригласил, затем первый раз проводил, потом первый раз завёл речь о женитьбе.

– Что, не ответили сразу согласием?

– Не то чтобы не ответила, но его вскоре после окончания училища призвали на три года в Армию, очень просил, чтобы его дождалась. Два года переписывались, потом взбрело в голову мне уехать в Москву – там у меня две тётки жили. Уж и писать ему перестала. Он почувствовал неладное, шлёт письмо за письмом. А за семь месяцев до окончания службы ему краткосрочный отпуск командование объявило за победу в каких-то крупных соревнованиях по биатлону. Прислал срочную телеграмму, а в ней лишь написано: «Ждёшь или не ждёшь?» Моей маме Виктор нравился, и она телеграмму от меня утаила. А потом пошла на почту и от моего имени отправила ответ: «Жду». Он тут же приехал. И уговорил меня, и пошли мы в ЗАГС. Расписались, и через несколько дней он уехал в свою часть дослуживать.

– Ну, а что же вы хотели от шахтёра, – рассудительно гово-

рю я. – «Пришёл, увидел, победил».

Моя собеседница некоторое время молчит, уйдя ещё в какие-то свои, наверное, приятные воспоминания. Только, нет-нет, да и пробегут еле заметные тени-облачки по её лицу.

...Когда я уходил, она уже у самой двери неожиданно спросила меня: «А вы верите, что Бог есть?» И, не дожидаясь моего ответа, твёрдо произнесла: «Я – верю!».

Иовлева я знаю давно...

Благородный муж знает о своём превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор.

Конфуций

Итак, Вячеслава Фёдоровича Иовлева я знаю давно. 60 лет назад он появился в институте НИИКМА, где к тому времени работал и автор этих строк. Но пусть читатель не думает, что сейчас я погружусь в свои о нём или в его о себе долгие воспоминания. Потому что, во-первых, хоть мы и работали долгое время в одном институте, но – в разных отделах, и наши совместные «творческие изыскания» не шли дальше совместной прополки моркови или свеклы в каком-нибудь подшефном колхозе летом и уборки этих же культур осенью. А во-вторых, Вячеслав Фёдорович и сам нередко выступает в городской газете «Новое время». Пишет о себе и о своих подопечных – любителей бега, «моржах», бабушках со шведскими палочками в руках. И о своём детстве он тоже сам рассказал в недавно вышедшей книге «Безотцовщина. Рассказ очень грустный».

Что же тогда заставило меня сегодня, в день его 85-летия, «взяться за перо»? Давно стал я ловить себя на мысли, что в чём-то Вячеслав Фёдорович является для меня загадкой, что чего-то я, как говорят сегодня, «не догоняю». Первый раз такое чувство появилось уж не помню когда, да это и неважно. Во всяком случае, лет 40-45 назад. Помню, выглянул я как-то поздним вечером из окна своего дома (ул. Победы, 48), а

во дворе, можно сказать, в темноте (освещение шло только от окон) пацаны снуют туда-сюда, и с ними кто-то взрослый. Присмотрелся: Иовлев! Тянут они через окно чьей-то квартиры резиновый шланг и начинают что-то поливать. Различаю, от земли пар пошёл. Неужели – каток во дворе?! Точно! Жене говорю: «Это ж какую охоту надо иметь!» Это я об Иовлеве.

Да что там каток детский! Помню, как он бегал и суетился, когда загорелся идеей построить во дворе НИИКМА спортзал. И построил! Не один, конечно, но привлёк к этой идее самого директора, а с его помощью и других сотрудников института. Одержимый был. И клуб любителей бега (КЛБ) тоже его детище. И гимн клуба написал, и красивая эмблема – тоже его работа!

Или, вот, скажем, та же прополка свеклы или моркови. Вывезут, бывало, нас, научных сотрудников, автобусами в поле, расставит агроном всех по рядкам, а другого конца рядков и не видно. Пока дойдёшь до конца в полусогнутом положении, то тяпкой работая, то прорывая руками, да ещё под палящим солнцем, к исходу рабочего дня, кажется, света не взвидишь. Усядутся все в автобусы – домой, домой! – а кто-то спросит: «Что-то Иовлева не видно. Опять что ли остался?» И кто-то с удивлением скажет в ответ: «Видно, опять ещё один рядок взял. Небось, до захода солнца управится! Где только силы берутся?» (дополнительно прополотые рядки оплачивались колхозом наличными и по коммерческой цене). Только вряд ли кто из нас мог тогда даже представить себе, какое удивление ждало нас впереди. Потому что как-то, помню, пронёсся в коллективе слух, что младший научный сотрудник Иовлев по договору с колхозом взялся прорвать и прополоть целых 3 гектара (!) сахарной свеклы. Взялся и – сделал! Три гектара – за девять дней! Даже работавшие в поле гуцулы, нанятые колхозом специально для этой работы, дивились этому чуть ли не подвигу. И хоть сам он, по его словам, и получил в конце лета десять мешков пшеницы, три мешка сахара и ещё сколько-то масла и денег, никто бы из нас не повторил такого и за сто мешков.

Ещё удивляла меня его игра в шашки, которая в те годы

как-то неожиданно прижилась в НИИКМА и стала особенно распространённой. Между отделами, лабораториями устраивались соревнования. Быстро определился тогда и лидер личного первенства: конечно же, наш герой. А меня удивляла не сама его игра – передвижение по доске шашек, то есть выбор того или иного хода, – а равнодушное выражение его лица. Как будто ему совсем неинтересно, как сыграет сейчас его противник. Без каких-либо эмоций делал ответный ход, словно заранее знал о своей победе. А может, в это время он вспоминал своего деда, который в далёкие военные годы коротал с ним на Урале вдвоём в путевой железнодорожной будке долгие зимние вечера. Без электричества, без радио и, естественно, без телевизора. И, чтобы внук не скучал, нарезал однажды ему из обыкновенного тальника «шашки», расчертил на клетки кусок доски и показал, как играть. На свою голову! Через несколько партий ученик легко обыгрывал учителя. То же повторилось потом в интернате, где он учился, и – позже – в Свердловском горном институте. И теперь, вот, – в НИИКМА. Ну, а в целом, впоследствии мой герой был по шашкам 11 раз чемпионом нашего города, и даже случалось быть чемпионом области. И ещё, наконец: уже несколько лет в нашем городе традиционно стали проводиться соревнования сильнейших губкинских спортсменов по русским шашкам на Кубок В. Ф. Иовлева!

Пусть читатель извинит меня, что, взявшись написать о человеке, мало касаюсь его детства. Причина тому – трудно в небольшой рассказ втиснуть чью-то жизнь длиной 85 лет. А если вкратце, то: представьте мальчишку, отданного ещё младенцем на попечение деда с бабкой. Время военное, голодное и холодное. Урал. Отец репрессирован и расстрелян как «враг народа» ещё в 1937-м. Мать где-то далеко устраивает себе новую семью, но раз в год навещается к сыну, которому даже не говорят, что это его мать. Много позже внук будет вспоминать: «Всю свою жизнь дед работал на железной дороге. За свой труд был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Мотался я с дедом по путевым будкам и казармам. Ели мы один раз в день, где-то часов в 6 вечера. Бабка ставила на стол чугуночек с варёной картошкой в мундире. Раздавала:

мне одну, себе две, деду 4-5 штук. Я вставал, благодарил, пожимая руки, и уходил за занавеску на деревянный ларь спать. Картошку съедал в два этапа: очищал, ел, очистки собирал и попозже, когда очень есть хотелось, их доедал. В интернатах я провёл почти все школьные годы. Там была особая атмосфера, мы были представлены почти сами себе. Днём с соседскими пацанами по казарме ходили в лес, искали поесть кислицу, конский щавель. По весне в пашне мёрзлую картошку собирали. Ели лебеду, крапиву, лопух. О том, что я внук бабушке, а не сын, я узнал лет в 15, случайно подслушав разговор её с другими людьми. Она им хвасталась: «Внучек у меня золото!». Ну, и т. д. Грустный рассказ. Познакомиться с ним поближе можно, взяв в библиотеке книгу «Безотцовщина».

Но больше всего для меня загадкой в этом человеке была его способность спокойно преодолевать во время всяческих спортивных соревнований марафонские дистанции. То есть – с каким-то присущим только ему выражением полной обыденности совершаемого. Будто прогуляться решил! Именно такое же выражение у него бывало, когда он ещё, как я уже говорил, в НИИКМА, играя в шашки, спокойно обыгрывал всех – учёных и неучёных! Я даже раза два «подкатывался» к нему, пытаюсь выведать, в чём секрет его такой физической выносливости. Припомнил ему и колхозные «рядки» вместе с тремя гектарами свеклы, и многочисленные марафоны, и многолетние моржевания в известном в нашем городе клубе «Самокал», и многое другое из того, что я за ним наблюдал. Так, я рассказал, как, увидев его однажды идущим по городу, решил догнать, тоже идя шагом. Мне это не удалось. А ведь он никуда не спешил, это был его обычный шаг. Я понял это, когда кликнул его, и потом мы стояли и какое-то время просто разговаривали. Я даже поведал ему, как в моём детстве жила в моей деревне Лебеди соседка – молодая девка. Про неё говорили, что за нею на работе «никакой мужик не угонится» хоть в поле, хоть дома на огороде, и что она – двужилъная. А когда она умерла, у неё, оказалось, три почки были. Третья, правда, недоразвитая. «Может, – говорю, – и у тебя три почки?» Нет. Тогда что? «Может, – говорю, – тебе надо было по жизни идти

не в науку, а в большой спорт?» Тоже – нет.

– У меня, – говорит, – самый ненавистный предмет и в школе, и в институте была физкультура (!) У природы не хватило на меня крепкого физического материала, пришлось в одиночку многое преодолевать, брать терпением....

– В твоих воспоминаниях, – говорю, – в «Безотцовщине» есть такие слова: «...Но никто не знает, на чём на самом деле держится вот эта русская душа!» Ведь ты имел в виду себя. Так на чём она держится?

– Только на терпении! В моей семейной жизни и на трудовой стезе было много драматичного. Дважды женат. От первого брака дочь, от второго, когда связал свою жизнь с женщиной с ребёнком, тоже дочь. К горю моему она ушла преждевременно из жизни. Много не удалось осуществить на трудовом поприще, хотя стаж уже более 60 лет и до сих пор работаю на разных работах(!). Видимо, отсутствие твёрдой мужской опоры и тёплой материнской ласки наложило свою печать на мою жизнь. Учусь многому у других. Стараюсь отплатить всей душой людям за то, что живу. Стараюсь, так сказать, внедрять в сознание людей идеалы добра и справедливости, за которые боролась когда-то Советская власть. «Сперва думай о Родине, а потом о себе!» Так нас учили.

В сиротском уголку

Иовлеву В.Ф. в день его 85-летия

О прошлом память постепенно тает.
Но был бы жив, поведал бы твой дед,
Как по тебе Вторая мировая
Прошлась катком голодных зим и лет.

Как, с ним мотаясь по путейным будкам,
Дитя войны, ты ждал её конца
Без материнской ласки в сердце чутком,
Без строгости заботливой отца.

Сиротской доле есть ли оправдание?..
Но выжил ты наперекор судьбе
И как пример – потомкам в назидание –
Им скромно заявил ты о себе.

Теперь у них в немалом ты почёте.
Но не могу всё ж утолить тоску –
Представлю только: дед твой – на работе,
И ты – один – в сиротском уголку.

Эта женщина

Эта женщина.... Губкинцы могут увидеть её в разных местах города, где кипит общественная жизнь: выступает ли хор ветеранов, проходит ли собрание «детей войны» или что-то ещё. Вы дадите ей 80 с лишним? Нет, вы не дадите ей даже 80 неполных! Вы ещё подумаете – давать ли ей неполных 70. Особенно, когда она в своём сиренево-воздушном, облегающем платье в пол, с аккуратно повязанным на шее шарфиком или с длинной ниткой ярких бус, прямая и стройная проходит на каблучках с гордо поднятой головой между рядами кресел во всяких людных собраниях. Понаблюдайте, когда кому-то случится её видеть. Или вот входит она в помещение, где уже идёт заседание близкого ей круга людей, мужчин и женщин, – ветеранов труда, совета «детей войны» и прочее. Входит с опозданием. Не обращая внимания на строгого председателя, спокойно подходит к кому-то одному из сидящих вокруг большого стола, объявляет о его дне рождения и, по-матерински слегка прижав к груди его седую, лысую голову, целует в темя. И спокойно садится. Тут же слышится чей-то ещё, конечно же, мужской голос: «А почему только его? А нас?» – «Пожалуйста!» Она встаёт и быстро идёт вокруг стола, также слегка прижимая к груди и целуя каждую мужскую макушку под оживлённые возгласы остальных.

Представляю: Раиса Петровна Герасимова. В девичестве – Рябцева. Это её отец, Рябцев Пётр Данилович, когда-то,

ещё в 30-е годы, одним из первых приехал в наш край вести разведочные работы на железную руду с помощью бурения. Остановился в селе Стойло, стал на квартиру в хату, где жила будущая Райна мама со своими родителями. Там и случилась хорошая, чистая любовь, какая бывает, если по 20 лет каждому. А как было не случиться при таких данных невесты (красота, трудолюбие) и при Петровой специальности, о которой сказал поэт:

*«... И слово «буровик» для них звучало
Весомей, чем сегодня «космонавт».*

Первенец родился – сын. Назвали Дмитрием. Вырос, продолжил дело отца. Только тот руду разведывал, а этот её добывал: работал на Стойленском руднике машинистом роторного экскаватора. Это была по тем временам очень сложная, мощная техника – чехословацкий экскаватор КУ-800. (В НИИКМА тогда целая группа учёных вела по нему тему, в составе её был и автор этих строк). Дмитрий её освоил, считался лучшим рационализатором, о нём был снят фильм. А в целом, судьба его была жестоко. Но мы сейчас не о нём, а о его сестре.

Райса Петровна родилась в начале войны, была на пять лет моложе брата. Но детство тоже – безотцовское, холодное и голодное. Те же «калачики» в траве, тот же щавель и кислица на лугу и всякая другая трава – отправлялись в рот, чтобы заглушить хоть чем-то голод. А когда сильно заболела мать, всё легло на плечи её и брата. Он доил корову, готовил корм, возил на тачке пни из леса. Она в 13 лет уже наравне с женщинами ходила в поле полоть за трудодни. С собой брала заткнутую бумажной пробкой бутылку молока, одно яйцо, хлеб, огурец. А когда в самое летнее пекло бабы делали перерыв для отдыха, наша Рая ухитрялась крючком на деревьях стаскивать сухие ветки и в конце работы, обвязав их жгутом из травы, тащить волоком домой. При прополке своего огорода собирала и утрамбовывала повилику ногой в мешок (опять же – для коровы!) и, чтобы мешок поднять, приходилось под него ложиться сначала. Чуть подросла ещё, стала ходить за 3 км на песчанский спиртзавод и приносить домой для коровы по два ведра барды (отходы от переработки зерна). 3 км с пусты-

ми вёдрами туда и 3 км с полными обратно! Девчонка! А то ещё молоко носила продавать в Старый Оскол: две корчажки в одну корзину, да ещё две в другую, и – на коромысла. За 7 км! Часто, придя в дом к покупателям, ей становилось плохо; её поили чаем, укладывали отдохнуть и после отпускали.

С согласия читателей, отвлекусь немного на те места, где проходило детство и юность Раисы Петровны. Село Стойло. В ком из живущих при одном лишь упоминании своей малой родины не затеплится это удивительное сладкое чувство чего-то далёкого, прекрасного и неповторимого! И неважно насколько прекрасны в действительности были те места, они потом всю жизнь нам как светлячки среди жизненных бурь и невзгод. И нет их милее.

Замечательный русский педагог, писатель, просветитель, живший на рубеже двух прошлых столетий, Адриан Митрофанович Топоров, будучи уроженцем села Стойло, так когда-то писал о своей малой родине. «Все моё село, точно испуганное, прижалось к невысоким буграм и тянулось под ними с востока на запад. С севера поджимал его безвестный Осколец — тоненькая веточка могучего Дона. Местность вся была как-кая-то искореженная. Меловые горы, бугры, низины, болота... Мы, ребята, очень любили ручьи, речушки, ерики, небольшие леса и рощицы, красившие землю...»

Сегодня бурно растущий город Старый Оскол, горнорудные новостройки «поглотили» с. Стойло. Но по-прежнему ласкают слух Раисы Петровны старые прозвища отдельных частей села: Монастырь, Бугрянка, Луганка... По-прежнему живо вспоминает, как после тёплых летних дождей бегали в детстве босиком по лужам, как воровали в молодом колхозном саду яблоки, как откапывали зимой стоящие под горой и наполовину засыпанные снегом хаты. Но чаще всего и ярче всего вспоминаются ей васильки, которые рвала она с подружками в поле и из которых плели они потом венки на голову ...

Так проходило Раино детство, так проходила и юность. Семь классов Рая закончила с отличием. Планы поступить в Старооскольское медучилище не сбылись: слишком велик был наплыв поступающих. Пошла в восьмой. Но: дома одна боль-

ная мать и всё хозяйство (брат уехал на целину), а школа – аж за 7 км – в Старом Осколе. Кое-как отходила 8-й класс, перевелась на вечернее обучение. Да только тоже было несладко: занятия в вечерней школе были до 11 вечера, часто приходилось добираться домой ночью одной по пригороду «Гумны», через луг по грязи, в темноте. Не говоря уж о местной шпане. Но 10 классов закончила и поступила в только что открывшееся в г. Губкине политехническое училище №1 на швейное отделение. Получила специальность – швейный мастер женской верхней одежды 6-го разряда. И началась у Раисы Петровны самостоятельная жизнь.

Со своим будущим мужем наша героиня познакомилась в том же ГПТУ №1, где Николай Герасимов учился на электрослесаря. Впоследствии, после женитьбы, она стала работать в КБО швейной верхней одежды, он – электрослесарем в СУ «Гидромеханизация». Жили в с. Стойло, на работу ездили поездом. Вскоре мужа забрали в армию. На 3 года. Причём, накануне своего отъезда на сборпункт в г. Белгород, он ещё успеваает отвезти жену на грузовой машине в роддом в г. Старый Оскол. И вот – дочь! Папа – в армии. Молодая мама одна, крутится как только может. Сначала «пробивает» комнатку в семейном общежитии. Но после декрета надо идти работать, а детского садика добиться невозможно. И тут наша героиня не только не теряет присутствия духа, но совершает поступок, который заставляет говорить о ней весь город. Используя все свои возможности (даже – как «солдатка» – послала письмо на имя Министра обороны Малиновскому), она приходит на приём к первому секретарю городского комитета партии (тогда это был О.П. Шкреба) – и, вновь получив отказ, оставляет у него на большем столе свою завернутую в одеяло малютку. И уходит! Но уйти далеко не пришлось. Её вернули и вручили с рук на руки её драгоценный «свёрток» в одеяле вместе с запиской в ближайший детсадик за личной подписью «самого Шкребы!»

Кто много жил, тот много пережил. Эту истину, думается, нет нужды подтверждать на примере нашей героини: долго надо писать, и, боюсь, утомительно будет для читателя. Но

вкратце скажу. Работала на разных работах, крутилась, как умела. Перед трудностями никогда не пасовала (это читатель уже видел на примере с детским садиком). Муж после армии всё время работал в «Гидромеханизации». С мужем вырастили троих детей и четырёх внуков. В 60-е годы была 3 года с мужем в заграничной командировке – в Сирии. Муж умер в 2012 году, так что дожили вместе до «золотой» свадьбы. Стаж работы Раисы Петровны – 52 года, из них 30 лет в школе №14 учителем-технологом. Как она говорит, в трудовой книжке – одни грамоты и подарки. Ветеран труда, награждена грамотой Министерства образования, имеет звание «Старший учитель». В настоящее время продолжает активно участвовать в общественной жизни города. Она – член совета ОО «Дети войны», принимает участие в работе общества «Ветераны педагогического труда» и общества «Незрячих», является участницей хора «Русская песня» и старостой хора ветеранов «Живая память».

Но всё, что я выше сказал, не идёт, на мой взгляд, в сравнение с тем, что я узнал в конце моей беседы с Раисой Петровной: все прошедшие годы она самостоятельно обрабатывала участок земли в 23 сотки и только в этом году отказалась от него. Я никак не мог поверить, я горячился и приводил в пример других дачников, говоря, что все они имеют только где-то по шесть или по восемь соток, ну, максимум, двенадцать. И работают на них семьями. А если одна, да на 23 сотки, да ещё в таком возрасте... нет, это немыслимо! И хотя её родные говорили ей «Бросай ты эту дачу!», нет, не бросала. Но потом я сдался. Потому что вспомнил свою маму, работающую от зари до зари на колхозном поле после войны, нас с сестрой маленьких и наши 25 соток за домом.... Когда мама успевала их обрабатывать?! Так чего же я сомневаюсь теперь? Значит, не вывелись ещё русские женщины!

Ну и последнее. Побывал я недавно на репетиции хора «Живая память». Пришёл к самому её началу, когда все только-только расселись полукругом на стульях, а их неутомимый руководитель, Оксана Юрьевна, в стороне за своим столиком наводила последние штрихи на нотных листах. Я гром-

ко спросил сразу всех, кто и что может сказать доброго об их старосте хора для моей статьи в газету. Несколько секунд было молчание. Потом сразу посыпалось: «Доброжелательная!» «Молодая душой!» «Мы её уважаем!» «Настоящая супербабушка!» «Мы её уважаем и бережём!» «Поздравьте её, у неё правнук родился!» «Она печёт лучшие в мире торты!»... Возгласы часто повторялись и перебивались. И только патриарх хора В. С. Волога, дождавшись относительной тишины, сказал медленно и с расстановкой:

– За всё время существования хора это наш самый лучший староста. И не просто староста, а заслуженный староста. – Сказал ласковым голосом доброго дяди, который хвалит ребёнка. Хотя, подумал я, почему бы не выступить Вологе по отношению к Раисе Петровне в роли дяди, если ей только близко за 80, а ему далеко за 90! И ещё какая-то бабушка сказала как-то рассудительно и благолепно: « У кого если правнук или правнучка родится, тот человек после своей смерти среди ангелов обитает».

Уходя, задержался у столика Оксаны Юрьевны. От неё услышал:

– Когда пришла в коллектив? Точно сразу не вспомню, но такое ощущение, что она всегда была с нами. От неё такая помощь!... О чём-то с кем-то договориться, кому-то помочь, что-то порешать... где-то пробить финансовую помощь нашему коллективу, особенно, когда работают в тандеме с Георгием Ивановичем. А уж гостеприимна – нет просто слов. – Понижая доверительно голос: «Представляете, на свой юбилей пригласила не просто наиболее близких людей из коллектива, а весь коллектив. Нажарила котлет, испекла огромный торт... да что там! Я на неё смотрю – сколько в ней энергии! Как с иголочки одевается. Такие вещи себе шьёт – в магазине не купишь. И такая вся интеллигентная... на любом мероприятии нашего коллектива – всегда в концертном платье, подкрашена, на каблуках – никогда не дашь ей 80 лет. Говорят же, что когда делаешь людям что-то хорошее, оно возвращается к тебе вдвойне. Бывает, целый день на своём огороде, а прибежит, если у нас репетиция и: «сейчас, сейчас, всех обзвоню, всем

оповещу...», не говорит «Я устала» или что ещё, нет, такая безотказная! Иногда просит уже заменить её. Но вот говорят, что нет незаменимых, а я считаю: неправда! есть незаменимые. И это – наша староста».

Я слушаю и вижу, как к нам уже идёт Раиса Петровна. Говорю: «Вон староста идёт, будет мне сейчас «на орехи», что задерживаю репетицию». И я ухожу.

У причала тихой радости

*Если на ишака положить мало, он ляжет
(Поговорка у некоторых народов, часто
повторяемая С.Ф.Протасовым в утешение
молодым специалистам – врачам)*

Бывают люди умные и бывают люди глупые. А ещё бывают – мудрые. Зачем я это говорю? Не затем, конечно, чтобы до жителей нашего города, что Станислав Фёдорович Протасов – а именно о нём пойдёт далее речь – мудрый человек. Не стану я этого делать хотя бы потому, что большинство губкинцев вряд ли нуждаются сегодня в моих умозаключениях о мудрости этого человека, проработавшего в должности главного врача на их же глазах в течение почти двух десятков лет. К тому же, разве не сказал Гиппократ: «Врач – философ. Ведь нет большой разницы между мудростью и медициной»? Но познакомиться с биографией этого человека посчитал для себя делом как интересным, так и полезным. Да и для кого-то другого – тоже.

И вот я в квартире удивительно гостеприимных супругов – Людмилы Анатольевны и Станислава Фёдоровича Протасовых, «золотых», так сказать, молодожёнов, так как совсем недавно они отметили свою «золотую свадьбу». Квартирка – по нынешним масштабам – небольшая, уютная. В кабинете хозяйина негде повернуться от книг.

С биографией Станислава Фёдоровича я частично познакомился, когда читал его «Записки провинциального врача», так называемый «Кляузник», в который он собрал и записал в течение всей своей жизни более 20 тысяч высказываний своих и чужих, мудрых и не очень, но, в любом случае, полезных. И вот теперь знакомство продолжается. Биография как биография. Родился в сибирской глуши (200 километров от железной дороги), мать и отец были в селе учителями начальных классов. Хотя всё же просматривается некая жизнеутверждающая сила в роду нашего героя как со стороны отца, так и – матери. Взять хоть деда по материнской линии из рода Петкевичей, выходца из литовско-белорусских земель. Как он появился в Сибири, неизвестно. Существует предположение, что был сослан за что-то властями на поселение. Занимался крестьянским трудом, но лишь один в селе носил длинное, «городское» пальто и шляпу. Когда решил жениться, то поехал через всю страну в Виленскую губернию, на свою родину. Было ему тогда 30 лет. Родственники сосватали ему 16-летнюю красавицу Марину, которая очень не хотела идти замуж за молодого человека. Тем не менее их обвенчали, и поехала наша красавица в Сибирь. Там она родила мужу 16 детей, из которых, правда, семеро умерли в раннем детстве. Остальные расселились по Сибири.

Дедушка с бабушкой по отцовской линии Станислава Фёдоровича тоже заслуживают, чтобы сказать о них пару слов. Протасов дед Иван был ростом два метра и пять сантиметров, служил в лейб-гвардии и охранял покои императрицы. Бабушка же Степанида еле дотягивала до полутора метров, но была очень властной, а её любимым выражением было: «Ты не смотри, что я маленькая, у меня полтора метра ещё в земле!». Они родили дочь и четырёх сыновей – богатырей в своего батюшку. Среди них был и будущий отец Станислава Федоровича.

Довольно немилостиво обошлась судьба с маленьким Стасиком. Когда ему было ещё два месяца, отца забрали в армию и направили в Минское военное училище. По окончании его молодой офицер уже вызвал, было, жену с ребёнком в Минск, чтобы ехать к новому месту службы, но началась война. Минск

бомбили, жена мужа там уже не застала и с большим трудом возвратилась обратно в Сибирь, на родину мужа. Там она учительствовала в глухом селе и вместе с сыном ждала с войны мужа и папку. А молодой офицер СМЕРШа где-то на дорогах войны встретил девицу, согрешил, и та родила ему тоже сына. В письме к сестре отец сокрушался, что же теперь ему делать: дома – сын и там – сын... Мать Стаса, узнав об этом, написала мужу гневное письмо. Может, не надо было? А может – судьба? Во всяком случае, когда война закончилась, отец не вернулся, остался с новой семьёй. И мать осталась теперь окончательно одна с маленьким сыном. Притом с больным.

Дело в том, что ещё когда шла война, а Стасику было уже шесть лет, он раздавил фурункул на правом колене и у него развился гематогенный остеомиелит правого бедра, тазобедренного сустава, костей таза, а потом правого плеча и левой ключицы. Прилетал из области хирург, прооперировал, год было хорошо, а потом пошли свищи.... Дело принимало опасный оборот. Матери сказали, что в этой глуши она сына может не спасти. Шёл 1946-й год. И тогда она распродала кое-какое своё имущество, корову и повезла больного сына (лежачего!) через всю Сибирь и Дальний Восток туда, где служил брат её бывшего мужа – во Владивосток. Ехали в товарном вагоне без всяких перегородок. Все спали на полу, но для больного ребёнка нашёлся матрас, на котором уютилась и мама. Не обошлось без приключений. В вагоне ехал освободившийся зэк. Он приглядел сундук матери и ребёнка со всем их имуществом, ночью подтянул его к открытой двери и, стоя на чём-то снаружи уже хотел сбросить его вниз. В это время мать проснулась, увидела и бросилась на незадачливого вора. Ей удалось даже столкнуть его с поезда, но какого потрясения ей всё это стоило! А вагон спал.

Дядина семья приняла племянника с матерью сердечно. Стасика госпитализировали во Владивостокскую городскую больницу, снова прооперировали, на этот раз с резекцией тазобедренного сустава, и уложили в гипс на несколько месяцев. Гипс снимали, накладывали снова – от стопы до грудных сосков – больше года. Больной лежал в палате, устроенной

в каком-то большом проходном зале, в ней размещалось 40 человек. Телевизоров тогда не было, с радио тоже было непросто, и единственным утешением и развлечением для больного стало чтение. Позже Станислав Фёдорович так скажет об этом времени: «Книги вошли в мою жизнь, вошли «в кровь», если можно так выразиться».

В школу Стасик пошёл сразу в третий класс. К этому времени их с мамой семейная жизнь, можно сказать, устроилась. Мама (ей было тогда 28 лет) вышла замуж за хорошего человека, который стал для мальчика не просто отчимом, но настоящим отцом. Уже втроём они уехали жить на его родину в Брянскую область и окончательно обосновались в городе Севске. Там у Стасика родились ещё два брата. Хотелось ли ему хоть раз увидеть своего биологического отца? Конечно! Но такая возможность представилась ему лишь после 9-ти классов школы, когда отец – Фёдор стал настойчиво приглашать сына пожить дальше у него. Обещал доучить его в Иркутске и другие блага – он был районным начальником милиции. После семейного совета попрощался Станислав с родителями, друзьями и поехал в новую жизнь... Не получилось. В семье Фёдора было уже два сына и две дочери – мал мала меньше. Через месяц старший из них, Валерий, 10 лет, подружившийся с новым братом, сказал ему, что мать не хочет, чтобы он жил с ними, и требует от отца отправить его назад, иначе она заберёт девочек и уедет к своим родителям. Это был удар, тем более – неожиданный: с ним ведь никто из старших на эту тему не говорил и не объяснялся. На прощальном обеде Фёдор спросил сына:

– Ну что, сынок, выучишься, в старости мне помогать будешь?

– Как ты, папа, так и я.

– То есть?

– Суд присудит, алименты платить буду...

Позднее Станислав Фёдорович запишет в свои «скрижали»: «Мне уже было 16 лет, я получил паспорт и был идейным комсомольцем. Я всё понял и простил отца. Там было четверо детей, моих братьев и сестёр...». Вот так. Как говорится, ум-

ный много знает, а мудрый всё понимает.

По возвращении домой, в Севск, пошёл Станислав в 10-й класс, но, видимо, переживания этих месяцев отразились на здоровье: появились боли в правой ноге и постепенно усилились до такой степени, что нельзя стало ходить и даже спать. С обострением остеомиелита снова три месяца пролежал в больнице, выписали перед новым годом. Дома с тростью как-то передвигался, но в школу ходить не мог. Чтобы не терять год, решил учиться на дому, заочно. Две девочки-одноклассницы ежедневно заносили домашнее задание, а на контрольные работы отчим отвозил на лошади в школу. Так закончил 10-й класс с серебряной медалью (представлялся к золотой). В том же году (боли постепенно стихали) сдал один вступительный экзамен по физике на отлично и был зачислен на 1-й курс лечебного факультета в Воронежский медицинский институт.

Ну а дальше – всё, как у всех. Ведь это только детство у каждого своё – единственное и неповторимое. Из него мы черпаем потом свои – и только свои! – «души прекрасные порывы», им, нашим детством, – сознательно или бессознательно – определяется в дальнейшем большинство тех или иных наших поступков. А, как говорит народная мудрость, посеешь поступок – пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу. Судьба Станислава Фёдоровича определилась с самого начала чётко и однозначно – это полная и безраздельная отдача своей работе. И он сам так говорит о себе:

– Все годы моей работы я практически преследовал единственную цель – быть хорошим специалистом. Учиться в ординатуру Станислав Фёдорович поехал, имея за плечами уже семь лет стажа и оставляя на целых два года семью – жену и 3-х летнего сына.

Но вернёмся к началу. Успешно окончив институт, молодой врач был направлен на работу в Вейделевскую центральную районную больницу Белгородской области. Через год туда же приехали новые выпускницы – из Дагестанского медицинского института. Говорят, первая жена – от Бога, вторая – по заступам. Людмила Анатольевна оказалась как раз из тех, что и

заслужить – завидно, и от Бога получить не обидно. А через недолгое время в городе Губкине появилась и навсегда осела молодая чета старательных врачей. «Старательных» мягко сказано. Оба работали на полторы ставки и ещё преподавали в медицинском техникуме (был такой в городе Губкине в 60-е годы). Вот как они сами вспоминают то время:

– Даже иной раз жутковато вспоминать, как мы работали. День отработал, ночь отдежурил, снова день отработал, и только потом можешь домой идти...приползали обыкновенно не раньше одиннадцати.

И хотя при упоминании о наградах Станислав Фёдорович и бросил как бы в шутку: знаем, дескать, мы эту технику награждений – награждают непричастных, а наказывают невиновных, – о своих наградах оба моих собеседника говорили с гордостью. Потому что все они, награды, – за профессионализм в работе. У Людмилы Анатольевны – Значок «Отличнику здравоохранения» от Министра, медаль «За трудовое отличие», звание «Ветеран труда». Последним она, проработавшая врачом уже 48 лет, стоявшая у самых истоков создания ревматологической службы в городе Губкине и сама ставшая первым здесь ревматологом, особенно гордится. У Станислава Фёдоровича – звание «Заслуженный врач России», Значок «Отличнику здравоохранения», Нагрудный Знак от Красного Креста «За заслуги в гуманной деятельности». Был депутатом городского Совета депутатов трудящихся и даже членом бюро городского комитета Коммунистической партии.

– Всю жизнь мне везло на учителей, – говорит Станислав Фёдорович. – И когда учился, и когда работал. Это были не просто преподаватели, а выдающиеся профессионалы и высоко духовные люди. А когда мне предложили уже после 12 лет врачебной практики должность заместителя главврача по лечебной части Губкинской ЦРБ, а потом через 6 лет – должность главного врача этой же больницы, то главным моим учителем по организации здравоохранения стал хорошо известный губкинцам мой предшественник – Иван Гуреевич Зяин – крестьянский сын, самородок, врач, как говорится, от Бога. После его ухода мне достался в управление профессионально

грамотный коллектив.

Кстати, утверждая нового главврача в его должности, областное руководство так напутствовало своего назначенца: «Станислав Фёдорович! Мы знаем, что Вы привыкли быть всегда отличником. Так вот, здесь у Вас это вряд ли получится – слишком большой фронт работы и всего не предусмотреть. Но Вы должны знать, за что мы Вас будем просто ругать, а за что можем и голову снять («отрывали голову» тогда, в основном, за «детство» и «материнство»). И помните, если у Вас с местной властью отношения не сложатся, мы Вас не спасём».

– Этого напутствия, – говорит Станислав Фёдорович, – мне хватило до конца моей работы в должности главврача, да и потом действовало.

Подтверждением сказанного может служить то, что Губкинская центральная городская больница всегда входила в пятёрку лучших в области, а по акушерству была признана лучшей и утверждена Всесоюзной школой передового опыта. Была она и кузницей кадров для области: в Белгород из Губкина были переведены также известные старшему поколению губкинцев такие замечательные врачи, как А. В. Землянских, Г. И. Нечипоренко, Б. А. Зайков, Д. Н. Чертов, А. А. Гуршумов и ряд других. Своей личной заслугой, которой бывший главврач гордится даже больше, чем званием «заслуженного», считает он первый построенный в больнице лифт для транспортировки тяжелобольных на верхние этажи.

А что касается отношений с властью, то примечателен вот такой диалог, случившийся однажды между «главным» и одним из его «замов»:

– (Зам.) Станислав Фёдорович, Вы бы пореже туда (в администрацию) ходили, Вас там уже с трудом переносят!

– (С. Ф.) Я это знаю. Но у меня такая альтернатива: могут снять или за то, что надоел, или – за развал работы. Так пусть уж лучше за первое.

Однако справедливости ради следует сказать, что с руководством города и района у Станислава Фёдоровича, по его же словам, всегда были нормальные рабочие отношения. «По характеру, стилю работы, манерам поведения – говорит он, –

это были разные люди, – но всех их отмечало чувство высокой ответственности за благополучие Губкинской территории. Просто я всегда просил для здравоохранения больше, чем они могли выделить – я же не один такой был у них!»

Между прочим, будучи ещё в довольно молодом возрасте и будучи от природы излишне, по его мнению, мягким и нерешительным человеком, Станислав Фёдорович отобрал для себя 16 принципов поведения в общении с людьми, во врачебной деятельности и для жизни вообще. Вот, к примеру: 1. Кто хочет – может. 2. Спешу делать добро. 3. Отоспимся в могиле. И далее в том же духе. «Жить стало легче», – так оценил он это своё нововведение.

– Что-то мы всё о работе, да о работе, – решаю я направить разговор в другое русло. – Вы же недавно, чай, «золотую свадьбу» справили! Может, поделитесь, как семейную жизнь налаживали, деток растили?

– Да нам за работой вроде и некогда было её налаживать, – задумчиво как-то отшучивается Станислав Фёдорович.

– А всё же?

– О, наш папа – «домостроевец»! – подаёт голос хозяйка.

– Ну, да, «домостроевец», что же в этом плохого? – голос моего собеседника очень серьёзный. – Я ничего против «домостроя» не имею, особенно в наш век падения нравов....

Для справки. У Протасовых – два сына, имеются внуки. Старший сын – невролог, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры неврологии Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко. Младший – врач-невролог, окончил клиническую ординатуру, заведующий неврологическим отделением Губкинской ЦРБ.

Я, конечно, понимаю, что данная справка не может дать читателю истинное представление о внутренних достоинствах молодых людей, но вот два момента, которые кому-то что-то, может, скажут: Взрослый и учёный сын, оглядывая как-то многочисленные полки с книгами домашней библиотеки, серьёзно говорит отцу: «Самое ценное здесь для нас – это твой «Кляузник». Другой сын однажды в разговоре с отцом: «Пап, ты слишком много сделал для нас, мне трудно с этим жить...».

Я всё это к тому, что такие фразы, уверен, не родятся на голом месте. Они зарождаются в памяти нашего детства, в самых его ранних глубинах. Как тут не вспомнить, что возраст, с которого отец должен брать сына уже непосредственно под свою, мужскую, опеку, Станислав Фёдорович в своё время определил в 3 года! И сам как отец следовал, по его признанию, этому принципу!

А недавно в «Клязнике» Станислава Фёдоровича появилась вот такая запись: «Проходит время... К сожалению, оно идёт в одну сторону. Уже младшему внуку, Святославу, идёт девятый год. Он неплохо учится, хотя и без особого желания. Ещё недавно жалел, что его отец не тренер футбольной команды. Однако последние месяцы что-то затих, стал брать с полки языковые словари, что-то там ищет.... Тихая радость, надежда входят в сердце. Может, внуки доделают то, что не успели мы, не успеют сыновья.... Жизнь продолжается».

«Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь...»

Когда я спросил Галину Николаевну Колесникову (Терентьеву), какая мечта прошла главенствующей по всей её жизни и была ли такая, она ответила коротко: «Да, была. Быть везде во всём первой». Это прозвучало как-то неожиданно. И не потому, что сомневался в способностях моей собеседницы. Просто как-то вроде не заведено у нас делать столь амбициозные заявления о себе хорошем от себя же. А с другой стороны, почему же не сделать, если чувствуешь, что – можешь. Те более, если речь идёт не о будущем, а о прошлом, как в случае с Галиной Николаевной. Могла ли она так заявить о себе, оглядываясь на уже прожитую большую часть своей жизни? Лично я – после нашей беседы – сделал вывод: да, могла.

Должно быть, это было предопределено свыше – идти моей героине по жизни, ни на чью помощь со стороны не полагаясь, зорко наблюдая за происходящим вокруг себя и делая для себя какие-то выводы. Говорю «свыше», потому что, ещё

не появившись на свет, ей уже пришлось «проявить настойчивость», чтобы появиться. Вот как она рассказывает: «Во время маминых родов посёлок бомбили немцы. Работники роддома спрятались, и мама сама принимала дочку, то есть меня. Маме было 37 лет, я рождалась «вне плана», но – настойчиво». Кто-то же вложил эту настойчивость в ещё не осознающее себя крохотное существо! И ещё: Когда Галин отец пришёл с фронта в конце 1945 года, то его двухлетняя дочь, зная отца только по фотографии, делает при встрече с ним вполне «осмысленный» вывод, что теперь у неё будет два папы, и тут же об этом вслух заявляет. Явно настороженный отец просит уточнить, кто же другой папа. Галя показывает на одного отца – на фотографии и на второго – что рядом с нею, которые, вероятно, двухлетней малышке показались совершенно разными.

Но это, как я уже сказал, – «свыше». Но вот Гале 5 лет, она уже умеет читать и писать. И вполне самостоятельно решает идти в школу учиться. Учительница, у которой училась старшая Галина сестра, как раз выпускала в тот год четвёртый класс и набирала первый. К ней-то и отправилась – без всякого сопровождения, босиком – наша Галя. И хотя внешне она могла бы сойти за семилетнюю, учительница, узнав её реальный возраст, категорически сначала отказала. Но босоногая «гостья» проявила такую настойчивость с пролитием детских слёз, что учительница в конце концов потом смиловилась в расчёте, что та походит и бросит сама. Расчёт не оправдался: маленькая ученица свою учительницу не подвела – училась на отлично. А через два года Галина семья из Тульской области переехала в Губкин, и вот семилетняя девочка пошла сразу в 3-й класс единственной в те годы в Губкине школы (что была в парке).

Будь я летописцем жизни Галины Николаевны в Губкине, я бы разделил её на три главных раздела: учёба, работа и ... мужчины. (Читатель, надеюсь, заметил, как осторожно и даже с некоторой опаской автор обозначил третий раздел). Но пойдём дальше.

Итак, учёба

Прекрасные школьные годы... Как медленно тянутся они у всех и как быстро пролетают! Остались в Галиной памяти, кроме томительных школьных уроков, купание с подружками в бассейне энергопоезда, от которого питался тогда посёлок до запуска ТЭЦ, две деревянные купальни на пруду, пионерские сборы и выезды её в числе лучших пионеров в районный центр Старый Оскол на грузовой машине отмечать День пионерии. И с какой гордостью она на призыв старших: «Пионеры, в борьбе за дело Ленина-Сталина Будьте готовы!», с какой радостной готовностью поднимала в положенном приветствии руку и вместе со всеми громко отвечала: «Всегда готовы!». А в седьмом классе был уже торжественный приём в комсомол и снова – торжественная клятва верно служить своей Родине. И не тогда ли крепко запечатлелись в сознании юной комсомолки прозвучавшие на всю планету и ставшие в те годы девизом всей передовой молодёжи слова турецкого поэта Назыма Хикмета:

*Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если мы гореть не будем,
Кто ж тогда рассеет тьму?*

Слова эти, по собственному признанию Галины Николаевны своим друзьям, всю жизнь вели её по жизни.

Школу Галина закончила с серебряной медалью и потом ещё успела год поработать обмотчицей в электроцехе Комбината КМАруда, прежде чем поступить в Харьковский политехнический институт на факультет автоматике и приборостроения. И через 5 лет, как и мечтала, с дипломом инженера вернулась в родной Губкин.

Итак, работа

Сейчас как-то уже трудно представить нашу уважаемую Галину Николаевну на месте электрослесаря 6-го разряда роторного участка карьера Лебединского рудоуправления, куда

она была принята после окончания института. Но лиха беда – начало. Через год она уже преподаватель электротехники в Губкинском политехническом училище №1. Потом были Губкинский горный техникум, снова лицей №1 (теперь она здесь уже на должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе), потом Московский государственный институт сервиса, Губкинский институт (филиал) Московского государственного открытого университета, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. И это было не просто перескакивание с одного места работы на другое, не поиски тёплого места. Нет, был постоянный рост как специалиста, была постоянная потребность в новых знаниях, жажда новых творческих ощущений. Достаточно сказать, что за всё время своей работы Галина Николаевна, помимо бесчисленного количества грамот, заносилась на областную Доску Почёта, ей было присвоено звание «Отличник профтехобразования РСФСР», присуждались звания специалиста высшей категории как заместителя директора и как преподавателя, было присвоено учёное звание кандидата технических наук.

Вот только один из примеров неутомимой энергии моей героини на своём, как говорится, рабочем месте, её стремления дать чего-то больше своим молодым подопечным. Так, решила она как-то, будучи ещё зам. директора по воспитательной работе познакомить своих студентов с жизнью известного российского революционера, именем которого сегодня называется улица, где находится их лицей №1 (улица им. Артёма). Целых три поездки с группой студентов организовала она: в Курскую область на родину Артёма, на Донбасс – в город Артёмовск и, наконец, в Москву, где урна с прахом революционера захоронена в кремлёвской стене. Чего стоили организатору эти поездки, может хорошо представить лишь тот, кто подобные тоже организывает.

– Особенно много пришлось хлопотать в Москве, чтобы оформить разрешение на пропуск всей группы к кремлёвской стене через мавзолей Ленина, – рассказывала Галина Николаевна.

Ну и, наконец, третий раздел в «летописи» моей героини (которого, вероятно, уже ждёт читатель).

Итак, мужчины

Честно сказать, я бы, наверно, не решился выносить этот, так называемый, раздел на страницу газеты, если бы не следующую разговор. Когда я спросил Галину Николаевну о её увлечениях, она, нисколько не задумываясь, ответила: «Мужчины». Чуть помедлив, и, видимо, заметив мой удивлённый взгляд, добавила: «Ну, а если серьёзно, то всегда что-то вязала, вышивала...». Но мне показалось, вернее, послышалось, что более серьёзно у неё прозвучала всё же первая часть ответа. Я спросил: «Можно, я ваше «мужчины» тоже включу в свою статью?» «Можно, – ответила, – я знаю, вы напишете, как надо». Но я не знаю, как надо и что имела она в виду. Правда, лишь по отдельным её репликам во время нашей беседы, по каким-то коротким фразам, по невольно брошенным в адрес мужчин замечаниям и, может, даже некоторым недосказанностям, я сделал для себя вывод: с мужчинами Галина Николаевна держала себя в молодости строго, но окружение их вокруг себя очень любила.

В целом, семейная жизнь моей героини сложилась следующим образом. У неё было четыре мужа: три, как она выражается, законных и один «подпольный». С первым соединила свою судьбу, отбив его от многих, заглядывающих на него.

– Я была некрасивая, – говорит она, – гораздо хуже других его подруг, а он – прямо красавец. Но – немного что ли «разболтаный». Я ухватилась за него, привлекла к учёбе, благодаря мне он окончил училище, получил специальность. А через четыре года однажды я собрала вещи и ушла.

– ?? Но ведь чем-то вы объяснили ему свой уход!

– Просто сказала: «Не люблю». Он сначала не поверил, особенно не задерживал, думал, что всё это не всерьёз. После не раз просил вернуться.

– Что же было потом?

– А потом пришла она, подпольная любовь. Неожиданная.

Я ведь думала, проживу какое-то время одна, старалась подальше от мужчин держаться.

– Не удержались?

– Может, и удержалась бы, приходи кто-то другой. А с этим.... Четыре года потом встречались, пока он не дал мне отставку. Я очень переживала, пыталась удержать его....

Третьего и четвёртого мужей Галина Николаевна просто пережила. С третьим жила 21 год, жили хорошо. Также потом и с четвёртым хорошо жили, но – всего три года, и его тоже не стало. К сожалению, детей Галине Николаевне Бог не дал. Отдавала нерастрченную материнскую любовь племянникам, своим ученикам. Живёт сейчас одна.

В заключение своего повествования не могу не привести ещё одно откровение Галины Николаевны. Аккурат перед приходом Нового года она ставит на стол бутылку с шампанским и размещает рядом фотографии своих четырёх мужей. И хотя бутылка остаётся практически нетронутой, ярче вспоминается и как бы повторно проживается всё дальше уходящее прошлое. И на фоне этого прошлого, нет-нет, да и всплывает:

Если я гореть не буду,

Если ты гореть не будешь...

Участковый

В детстве я очень боялся домовых и ведьм. И это – в порядке вещей. Более странным может показаться со стороны, что боязнь эта не шла ни в какое сравнение с моим страхом увидеть в своём доме милиционера. Страх этот поселился во мне гораздо раньше, чем вошла туда всякая нечистая сила и, значит, был, что ли, более глубинным, более устойчивым. Ведь домовых не боялись взрослые. И если с тобою был кто-то из взрослых, то никакой домовой был тебе не страшен. Даже в темноте. Но страх, который я видел на лицах мамы и бабушки всякий раз, когда кто-нибудь приходил и говорил, что по селу ходит милиционер и сейчас он сидит в такой-то хате, этот страх входил в меня тем сильнее, чем более был не

осозанным . Я не понимал ещё, чего так боятся взрослые, если милиционер зайдёт и в нашу хату. И хотя постепенно я стал осознавать своим детским умишком причину этого страха, успокоить меня было некому, взрослые просто разговаривали между собою, не обращая на меня внимания. А я молча смотрел на их лица, и мне было очень страшно. Так чего же боялись взрослые?

Когда закончилась война и все оставшиеся в живых вернулись домой, жизнь понемногу стала налаживаться как во всей стране, так и в моей деревни Лебеди (что была на месте нынешнего Лебединского карьера). Несмотря на огромную разруху, несмотря на голод и нищету, люди радовались Победе и готовы были переносить любые лишения, лишь бы ничто не мешало мирно трудиться. Но легко сказать «готовы были переносить»! А как реально было жить, точнее, выживать? Это хорошо было тем, очень немногим, у кого отцы, мужья или братья пришли живыми с войны! Хотя и у них трудностей после войны хватало. А вот я вспоминаю свою бабушку Лену. Двух сыновей проводила на фронт, оба погибли. Жили в одной хате: бабушка, её дочь с двумя детьми (муж тоже погиб), и невестка – моя мама – тоже с двумя. А у другой невестки было четверо сыновей и не было хаты (сгорела при обстреле во время войны). Ютились в малюсенькой колхозной хатёнке с бабкой Будухой, другой погорелицей. Мы с бабушкой всемером хоть как-то с травы на воду перебивались, а у них один из моих двоюродных братьев – на три года был старше меня – ходил даже побираться. Зайдёт, бывало, к нам с пустой холщёвой сумкой на шее погреться или просто так, а бабушка нальёт ему в миску чего-нибудь горяченького из печки, сядет напротив, спрашивает, дал ли кто чего или покормил ли кто-нибудь, а у самой слёзы льются. Родной же внук! Мне тогда лет пять было, и я не понимал, чего она плачет.

Ну а теперь подхожу к тому, с чего начал: почему я так боялся милиционеров. Вернее, милиционера. Одного. Я ведь не знал, что их может быть много. А тот, которого я увидел в первый раз, то увидел при ужасных для меня, пятилетнего ребёнка, обстоятельствах. Дело в том, что у нашей бабушки был

самогонный аппарат, огромная ценность по тому времени. Его изготовил её третий сын, который на войну не попал и после войны переехал в тогда ещё посёлок им. Губкина и долгое время работал после на первой шахте машинистом подъёма. У него самого было пятеро детей, поэтому особой помощи от него ждать не приходилось. И бабушка иногда гнала самогон – кого-то угостить, кому-то «поставить магарыч» за сделанную мужскую работу, а при случае и продать (чтобы, как она говорила, иметь хоть какую-то копейку в доме). Аппарат был очень громоздкий. Представьте большой металлический бак, поставленный «на попа», с колосниками в нижней части. Это печка. В него вставляется бак поменьше, в который заливается 2-3 ведра барды – сброженной массы из воды и мелко порезанной сахарной свеклы. Она нагревается до кипения от костра, который разводится в большом баке. Крышка бачка тщательно обмазывается тестом, от неё идёт трубка к холодильнику – деревянной кадушке со змеевиком, в которую заливается 2-3 ведра холодной воды, которую периодически приходится менять (вода – из колодца). Всё это громоздкое сооружение устанавливается на кухне возле печи, куда должен уходить дым. Но если дрова сырые, или ветер задувает в трубу, что над крышей, дым заполняет всю внутренность хаты. А так как всё делается в тёмное время суток (почему – скажу ниже), когда детям пора уже спать, нас укладывают на полу, где меньше дыма, под общим одеялом. Мы укрываемся от дыма с головами, но он всё равно лезет в глаза, в нос и в горло. К тому же, чтобы дым хоть как-то уходил из хаты, взрослые приоткрывают двери в сени, оттуда тоже ползёт холод под одеяло вместе с дымом. Описываю подробно затем, чтобы читатель представлял, насколько непросто и важен был сам процесс изготовления так нужного в семье самогона и как трудно было бы обходиться без своего самогонного аппарата. Аппарата, которому суждено было так бесславно погибнуть под зорким оком впервые увиденного мною в моём доме милиционера.

Но я не сказал ещё вот чего прежде, чем перейти, наконец, к милиционеру. Не знаю, как сейчас, а тогда, после войны, существовал очень строгий запрет на самогоноварение. Стро-

жайший! Могли посадить в тюрьму. Да что там «могли», если сажали за горсть украденного зерна или пучок унесённых с поля колосков! Вот потому и гнали по ночам.

То утро, помнится, выдалось недоброе. Ещё с ночи, когда бабушка с мамой и моей тётёй начали устанавливать самогонный аппарат, что-то у них не заладилось. Женщины то чертыхались всердцах, то молились: «Господи...!» (Уже много позже, вспоминая виденное в ту ночь, я понял, что в аппарате была забита трубка, соединяющая бачок с холодильником, и поэтому пар не шёл в змеевик, а срывал крышку бачка). Наконец, всё наладилось, зажурчала струйка самогона, и все, кроме бабушки, улеглись спать.

Утром разбудил стук в дверь хаты. Взрослые уже не спали. Самогонный аппарат, по причине ночной задержки, ещё продолжал «журчать». С печки видел, как в хату вошли двое наших, деревенских, и третий – милиционер. (Тогда я ещё не понимал, что знакомые мне деревенские мужики тоже были «из начальства» – то ли из сельсовета, то ли из Правления колхоза). Все о чём-то, стоя и, как мне показалось, мирно поговорили, и тут я вижу: вытаскивают «гости» – под вопли плачущих женщин – бачок с кипящей бардой из большого бака, где пылают дрова, и несут его на улицу. Прихватив по пути в сенцах топор, они посреди улицы, на глазах соседей и всех прохожих, кромсают топором бачок, предварительно вылив из него в кювет парящую барду....

Давно это было, многого я не знал и не понимал тогда. Не знал, например, что не могли пришедшие поступить иначе, чтобы самим не попасть «под топор» тогдашнего закона «за укрывательство». Не знал, какие усилия предпринял после этого такой страшный для меня милиционер, чтобы отвести от суда мою бабушку, мать погибших на недавней войне двоих сыновей и зятя. И потому не понимал, почему первые дни и даже недели после этого случая все мы ждали, что бабушку придут и арестуют или хотя бы оштрафуют, но никто так и не пришёл. Не понимал, почему, когда, спустя какое-то время, тот милиционер всё же появился в нашей хате, все взрослые не только, в отличие от меня, совсем не испугались, но даже,

как мне показалось, обрадовались. Бабушка шутила, о чём-то его расспрашивала, а он совсем смиренно сидел, что-то говорил и тоже улыбался. Был момент, я очень испугался ещё раз, это когда бабушка проявила, как мне показалось, неслыханную смелость и предложила гостю «стаканчик самогончику».

– Нет, нет, я на работе, – улыбнулся он и вдруг повернулся в мою сторону, в то время как я незаметно для себя стоял уже почти уже рядом с ним и всюду таращил на него глаза. – Ну, а тебя как звать, герой? Говорят, скоро в школу пойдёшь? Читать умеешь?

Я отвечал, как мог в том моём состоянии, а на вопрос «Кем хочешь стать, когда выучишься?» ответил: «Кисловым». Дело в том, что в то время имя первого директора губкинской шахты было у всех на слуху даже в прилегающих к посёлку деревнях, и, бывало, кто-нибудь из взрослых говорил, хваля кого-то из детей: «Молодец! Кисловым будешь!». Но мой ответ, видно, не совсем устроил бабушку. – А участковым не хочешь стать? – под общий смех спросила она. Но кто такой «участковый» я тогда не знал. Вот если бы она спросила, буду ли милиционером, я бы, конечно, согласился.

Раздел 5

В краю родном

В краю родном

Тополя, березки, клены,
Песня жаворонка в поле...
В край свой по уши влюбленный,
Я язычник поневоле.
Там за городом, где тесно
От цветов ветрам-гулёнам,
Лес аверинский мне – место,
Где творил бы я поклоны.
Я у дуба, что-над кручей,
Об одном лишь попросил бы:
Дай мне силы, дуб могучий!
Дай твоей, о дуб, мне силы!
Я в кругу березок-свечек,
Чтоб их светом беспечальным
Вечно край мой был отмечен,
Справлю танец ритуальный.
И, к востоку обратившись.
Протянул бы к солнцу руки.
К золотому диску солнца
Протяну в мольбе я руки.
И с молитвой пожелаю
Я в судьбе моей гонимой
Счастья Губкинскому краю,
Белгородчине родимой.

Моя родная Белгородчина

*Что ли были в снах
напророчены
Эти синие
васильки во ржи?..
Как воспеть тебя,
Белгородчина?
Подскажи!*

Да, именно напророчены. Белгородская область образовалась в пору моего четырнадцатилетия и росла потом на моих глазах в своей красоте и славе. И я вырослел вместе с нею. Вот почему, обращаясь к образу родной Белгородчины, мне всегда представляются, в первую очередь, не воспетые уже многими поэтами белые меловые горы, а поле и по нему – васильки. Детство моё проходило на фоне красивейших заповедных уголков, которыми всегда славилась Белгородская земля. Моя деревня Лебеди, что была когда-то на месте нынешнего Лебединского карьера, и была одним из таких уголков. С одной стороны деревни тянулись колхозные поля, за ними – заповедная Ямская степь.

*...Здесь, томимый сладостным недугом,
Уходил я в дивные закаты.
И цвела, нетронутая плугом,
Степь Ямская за моею хатой...*

А по другую сторону, прямо за огородами, начинались знаменитые «низы». Они были знамениты тем, что там из-под земли били холодные ключи, и вода в них была изумительно чистой и очень вкусной. По «низам» вдоль деревни тянулись в тени верб и осокорей колодцы, родники и самодельные «копанки», в которых наши матери и бабушки замачивали холсты и стирали бельё. А за «копанками» начинался луг. Каждую весну он заливался водой, туда прилетали утки, кулики, чибисы, и не только луг, но вся наша деревня наполнялась их криками. Летом луг покрывался цветами и густой травой...

Образ родной Белгородчины жил во мне в пору моего детства неосознанно, он не был сформирован ни школьными уро-

ками географии родного края и его административной принадлежности (Белгородской области ещё ведь не было!), ни личными переживаниями человека, уже пожившего на чужбине. Всё это было потом. Потом, из книг, я узнавал, как, с какими трудами, открывалась Курская Магнитная Аномалия, как первыми пришли и освоились на моей малой родине геологи. Как в бывшей Рождественской школе села Салтыково в мае 1931 г. академики И. М. Губкин и А. Д. Архангелский приняли окончательное решение строить шахту в селе Коробково и как потом война прервала всё так успешно начатое. И много чего ещё. Но уже с раннего возраста моё детское ухо улавливало в разговорах взрослых, где всегда присутствовали незнакомые мне слова «шахта», «руда», «карьер», непонятную мне по тем временам гордость, которая неосознанно передавалась потом и мне. Вот мой дядя (он до войны и после работал машинистом подъёма на шахте) приходит к моей бабушке и что-то оживлённо рассказывает про какие-то чьи-то встречи под землёй, будя моё воображение (в 1946 году «КМАстрой» восстановил полностью разрушенные в войну два шахтных ствола и пять километров горных выработок). А вот я, уже постарше, с восторгом наблюдаю в тёмное время суток, глядя туда, где далеко от меня высится шахтный копёр, изумительное по красоте зрелище: целый огненный поток из горящих камней появляется откуда-то сверху из темноты и скатывается куда-то вниз, снова исчезая в темноте. Кто-то из взрослых солидно говорит непонятное мне: «Агломерат пошёл!» (в 1952 году вошёл в строй первенец КМА – шахта имени Губкина с обогатительной и агломерационными фабриками. 13 августа первые куски агломерата сошли с агломшины на склад). Конечно, всё это, слышанное и виденное мною воочию, находило потом отражение в речах с высоких трибун, в газетных публикациях, о чём узнавала потом вся страна. Но не от них, повторяю, закладывались в моём сердце ростки сегодняшней моей любви к родным местам. И лишь потом, постепенно приходило осознание этой любви, моей преданности родному краю, именуемому Белгородчиной.

Вспоминаю, как вернулся в родные места после того, как

отработал трёхгодичный срок молодого специалиста-геолога на Севере. Уж если всегда пишут, что в начале 60-х годов Губкин рос и менялся на глазах, то что говорить о впечатлении тех, кто в нём рос, а потом не видел целых три года! Не берусь даже обзорно описывать – всё равно получится долго и не полно. Скажу лишь, что произошло зримое превращение простого горняцкого посёлка в город учёных, в город студенческой молодёжи, ну и, конечно, в город знатных горняков. Мне же пришлось по приезду начинать работу в научно-исследовательском институте по проблемам КМА (НИИКМА). Сотрудники лаборатории подземных работ, куда попал и автор этих строк, под руководством талантливого учёного Г.М. Бабаянца трудились тогда над совершенствованием систем разработки железистых кварцитов под землёй. (Впоследствии за эти работы ряд сотрудников института и комбината были удостоены премии Совета Министров СССР).

А всего через год случилась ещё одна длительная разлука с родными местами – три года службы в армии. И, по возвращении, снова – восторг, снова – ошеломление от увиденного как внутри молодого города, так и в его ещё более молодых микрорайонах. А за городом уже расправлял свои могучие плечи новый богатырь – Лебединский ГОК. Моей посильной помощью ему в этом стали мои многочисленные поездки в составе небольшой группы от института НИИКМА по республикам Кавказа и Средней Азии. (Требовалось определить наличие там месторождений бентонитовых глин для строящихся фабрик окомкования ЛГОКа).

Человеку, намеревающемуся окинуть взором большое пространство на местности, потребуется взойти соответственно и на большую высоту. А чтобы окинуть памятью прошедшие годы становления и развития Белгородской области хотя бы на примере моего родного города Губкина, требуется, естественно, немалый срок жизни рассказчика. Но вот что вспоминается ещё. Как-то перед окончанием техникума, уже в конце пятидесятых, мы, без пяти минут молодые специалисты, взялись обсуждать, кто и куда хотел бы попасть по распределению, чтобы остаться там строить свою дальнейшую жизнь. И тогда

я, впервые и не раздумывая, сказал то, что не уставал повторять потом в продолжение всей моей жизни, немало поездив па стране: «Могу представить себя в перспективе живущим в любой точке страны, но – чтобы только временно. Постоянно же – не дальше своей, Белгородской, области». Так, по жизни, и получилось. Причём, уточню, я не ставил это своей целью, я просто не мог представить иначе! Как не мог представить на месте своих родителей кого-то другого. И ещё. Не помню, какой мудрец и, видимо, ценитель женской красоты сказал так: красивая женщина не та, у которой хвалят руку или ногу, а та, чей весь облик не позволяет говорить об отдельных частях её тела. Вот так и моя Белгородчина для меня. И именно о ней говорил я, приведя лишь малую толику своих воспоминаний из жизни моего родного края, вместившего в себя два равно дорогих мне названия – Лебеди и Губкин.

«Есть лишь любовь и страх её потери...»

А. В. Скоч

Эта поэтическая строка принадлежит известному в нашей стране меценату, депутату Государственной Думы Андрею Владимировичу Скочу. Как-то я прочитал её в случайно встретившемся мне стихотворении без названия и подписи. Но содержание всего стиха, как и приведенная выше фраза, так поразили меня своим глубоким смыслом и, одновременно, лиричностью, что мне очень захотелось узнать, кто его автор. А когда узнал, страшно удивился. Депутат Госдумы, основатель и президент самого, на мой взгляд, известного и почётного в нашей стране благотворительного Фонда «Поколение» и – поэт! Нет, я не то чтобы не признаю права за депутатами быть ещё и поэтами, равно как за поэтами – становиться депутатами. Признаю! Но в данном случае всё это ну никак почему-то не умещалось в моей голове. Обратиться лично к

автору понравившегося мне стихотворения мне, конечно, в голову не приходило. Когда и под наплывом каких чувств написал он его? Ходил и всё обдумывал? У Маяковского где-то есть работа о том, как рождаются стихи. И есть там слова:

*Прежде, чем начнёт петься,
Долго ходят, разомлев от брожения.
И тихо барахтается в тине сердца
Глупая вобла воображения.*

Но это – Маяковский! Его, да и других классиков, основное дело именно и было – ходить и что-то слагать. И то ходить приходилось долго, «разомлев от брожения». А тут...

О Фонде «Поколение» А.В. Скоча я в первые годы его существования имел не особо чёткое представление. Было, конечно на слуху, что то тут, то там кому-то что-то дарят, показывают по телевидению, вручают. Мне даже пришлось самому однажды съездить в Белгород от губкинской организации Союза пенсионеров России на открытие великолепного медицинского Центра, построенного, как сообщалось, на деньги Фонда «Поколение». Выступали многие руководители области. Под впечатлением их благодарственных речей в адрес президента Фонда у меня даже тоже родился короткий стих:

*Пусть недруги наши нам беды пророчат
И всё, что ни видят в стране, то порочат,
Уверенность нашу они лишь упрочат:
Поможешь стране, голоса за Скоча.*

Но и после этого я ещё какое-то время продолжал считать, что Фонд «Поколение» – образование государственное, и Андрей Владимирович в нём всего лишь облечённый доверием государства руководитель. Ну, что-то типа директора. Видимо, на примере большинства нынешних российских олигархов я автоматически отводил им всем одну и ту же их главную заботу – приобретение для себя роскошных яхт, чтобы лучше, чем у других, и всё такое прочее. А тут – человек, жертвующий из своих личных миллионы и сотни миллионов на нужды общества! Таким – по школьным учебникам – мне запомнился лишь Савва Морозов, живший когда-то ещё в царской России.

Ну, а теперь немного о самом фонде Скоча (совершенно

доступную для всех информацию предлагаю только для тех, кто ещё имеет слабое, как и я когда-то, представление о работе Фонда, о размахе его деятельности). Он был основан Скочем в 1996 году и сразу стал довольно быстро приобретать известность. И особенно – в Белгородской области, так как в те годы Андрей Владимирович некоторое время занимал руководящую должность на Лебединском ГОКе и довольно часто общался с местными жителями.

Постоянная работа с населением и, видимо, искреннее желание помогать нуждающимся привели Скоча в Государственную думу. И вот уже на протяжении более чем 20 лет своей парламентской деятельности депутат принимает участие в рассмотрении всяческих законопроектов и поправок. В их числе инициативы, касающиеся высшего образования, организации детского отдыха, поддержки осиротевших или оставшихся без попечения родителей детей, проблем доступности лекарственных средств для жителей России, продления «дачной амнистии» и прочее.

Но главным своим социальным проектом Андрей Владимирович называет свой благотворительный фонд. Сначала Фонд назывался «Здоровое поколение» и помогал детям с болезнями сердца. Со временем масштабы поддержки граждан расширились, и депутат принял решение переименовать Фонд. Сегодня «Поколение» помогает десяткам медицинских учреждений Белгородской области. А последние несколько лет «Поколение» реализует программу строительства новых спортивных объектов на территории Белгородской области, в том числе Губкинского городского округа.

Адресную помощь Фонд оказывает и отдельным жителям Белогорья: покупает им медикаменты, инвалидные коляски, оплачивает курсы лечения и реабилитации. Скоч регулярно проводит личные встречи с белгородцами, остро нуждающимися в помощи. Необходимую организационную помощь депутату оказывает его помощник – наш земляк-губкинец Алексей Демьянович Мирошников. С просьбами приходят, в том числе руководители различных учреждений. Некоторым семьям депутат оказывает не только одноразовую финансо-

вую поддержку, но и помогает в течение нескольких месяцев или даже лет.

Ну, а теперь возвращаюсь к тому, с чего начал, – к стиху. Полностью стих приводить не буду, кто захочет, найдёт в интернете, вот его лишь концовка:

*Но где-то в недрах нашего сознания,
За неуютом нашего ума,
За баррикадой мыслей и страданий
В нас пребывает наша тишина....
Найди её! И что тебя тревожит,
Развеется, как пыль, без лишних слов.
Там, где она, и есть то Царство Божие:
Спокойная, бесстрашная любовь.*

«Когда и под наплывом каких чувств было это написано?» – задался я вопросом к себе самому в начале этой статьи. И, кажется, нашёл ответ. Чувство, продиктовавшее автору этот стих, и чувство, заставляющее щедро делиться помощью с окружающими, есть одно и то же чувство. «Есть лишь любовь....»

Спасибо, губкинцы, что приютили!

Памяти А. Х. Ускова

Они прибыли в наши края в конце девяностых, гонимые ветром перестроечной разрухи и сокрушивших страну перемен из ставшего вдруг неродным Казахстана. Валерий Николаевич Аллилуев и Александр Христианович Усков. Кандидаты наук. У каждого – лишь по дорожной сумке за плечами да оставленные в далёком Казахстане семьи. В первый день по прибытии побродили в поисках работы по Белгороду, во второй оказались в Губкине. Здесь их тоже никто не ждал. Главная надежда – институт НИИКМА сам, ужимаясь, как шагреновая кожа, с готовностью раскрывал уже двери своих пустующих комнат для всякого рода коммерческих фирм и фирмочек. Но ещё пульсировала в нём научная жизнь, и потому обрели наши друзья приют в лаборатории подземных работ. Аллилуеву предложили тему по освоению Шамраевского месторожде-

ния железной руды способом скважинной гидродобычи, Усков же взялся за проведение экспериментальных исследований по очень нужной для комбината «КМАруда» теме – «Закладка отработанных камер на шахте имени Губкина хвостами обогащения».

Я познакомился с ними два месяца спустя после их приезда в наш город. Они ютились поначалу в самом здании института в небольшом и комнатке рядом со своей рабочей комнатой. Там они спали. Это уже потом институт НИИКМА выделил им небольшое помещение в своём старом полуразрушенном корпусе, которое нашим друзьям предстояло самим переоборудовать себе под небольшие квартиры и уж затем только вызывать на новое местожительство свои семьи.

А пока они знали одну только работу. Валерий Николаевич был постоянно обложен горами книг, изучая предшествующий мировой опыт скважинной гидродобычи применительно к условиям КМА и исписывая сам при этом горы бумаги. Для Ускова же мирового опыта не существовало (тема, которую он вёл, была новая, никем не исследованная). Каждый день, а то через день брал он необходимый инструментарий и шёл – обычно пешком – на шахту. В сопровождении горного мастера вместе со мной он опускался в шахту и километр за километром мы шагали с ним по бесконечным штрекам, производя необходимые замеры и беря пробы в заполняемых «хвостами» экспериментальных камерах и вокруг них. Замеров было много. Результаты исследований докладывали потом на представительных заседаниях специалистов и учёных на комбинате «КМАруда». И не случайно по истечении некоторого времени комбинат пригласил А.Х. Ускова на работу к себе в техотдел. В.Н. Аллилуев к тому времени стал преподавать в Губкинском институте МГОУ.

Год назад, почувствовав ухудшение здоровья, перешёл на преподавательскую работу и Александр Христианович. Однако болезнь прогрессировала, и недавно А. Х. Ускова не стало... Не стало человека во многих отношениях удивительного. Удивительного по честности и скромности, по профессиональным качествам и огромной эрудиции, по доброте и

человечности. В каждом, кто с ним сталкивался, он оставлял частицу своей души. А городу Губкину оставил двух сыновей. Оба они уже, кажется, связали свою судьбу тоже с комбинатом «КМАруда», положив начало новой династии – Усковых – на губкинской земле. В своей прощальной речи земляк наших друзей, прибывший в Губкин несколько позже их, Евгений Петрович Терёхин сказал искренне: «Спасибо, губкинцы, что приютили нас!»

Я шёл по улице Победы...

Хочу предупредить читателя, что, хотя этот рассказ и посвящён победному Дню 9 Мая, в нём, в отличие от его заголовка, ничего военного нет. Или почти ничего. Но как в День Великой Победы удержаться и ничего не сказать об улице Победы! Ну, хотя бы даже просто лишний раз напомнить себе и другим, что есть у нас в Губкине такая улица! С именем Победа. А для меня она и вообще родная, можно сказать. Хотя я на ней и не жил в молодости. Но отзывается она во мне первой среди всех улиц моего города каким-то удивительным и невыразимым чувством малой родины, какую-то светлую радость и сладкую тоску дарит.

Напомню, что начало улицы Победы – место историческое, и мало кто из губкинцев этого не знает. Ведь там, где сейчас находится здание МФЦ, музыкальное училище, другие учреждения – всё это были когда-то барские конюшни. Некоторые старожилы ещё до сих пор называют весь этот квадрат зданий «Конным двором».

Кроме того, к настоящему времени по улице Победы прописано здание Губкинской территориальной администрации, а также два красивейших в городе здания: Дворец детского (юношеского) творчества «Юный губкинец» (бывший Дом пионеров, а ещё раньше это был клуб Комбината КМАруда) и Дом полиции (бывший храм науки – здание научно-исследовательского института по проблемам Курской Магнитной Аномалии). Также на этой улице находятся школа №1, Губкинский

краеведческий музей, военный комиссариат и два памятника: И. М. Губкину и Воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане.

Улица Победы стала активно застраиваться первая сразу же в послевоенные годы. И как-то получилось, что именно с нею связаны многие мои воспоминания.

Первый раз я шёл по новой улице Победы с моим двоюродным братом Толиком. Шёл 1950-й год – пятый год после войны. Я был тогда уже в третьем классе, Толик был меня постарше. Его семья лишь недавно получила на этой улице квартиру в новом двухсемейном коттедже, и он прибежал ко мне в деревню Лебеди (что была на месте нынешнего Лебединского карьера), чтобы показать мне к ним дорогу. И теперь мы шли с ним по новой улице, по ещё новому, хорошо укатанному асфальту, мимо новых двух – и одноэтажных чудесных, как мне тогда виделось, домов с ещё невыветрившимися запахами краски, побелки, свежеструганного дерева и ещё чего-то, казалось, праздничного. Я с восторгом смотрел на сияющую окнами первую, новую школу и завидовал Толику, что он будет в ней учиться. И она казалась мне такой огромной.

Улица Победы мне тоже показалась очень большой (ведь центр посёлка имени Губкина умещался тогда целиком во круг вышеупомянутого «Конного двора»). Улица заканчивалась небольшим домиком семьи неких Агеевых, соседей моих родственников. На крыльце что-то, сидя, мастерил сам Агеев-старший, Никифор Васильевич. Я не сразу даже заметил, что он был без одной ноги – потерял на недавней войне. Всё это я узнал потом, а пока только робко косился через штакетник в сторону соседей, там крутился возле отца чуть моложе меня мальчишка. Сегодня и дом тот, что по-прежнему венчает конец улицы Победы (рядом с Домом полиции), цел, и жив тот мальчишка – Владимир Никифорович Агеев, нынешний хозяин дома, дед своих внуков, неутомимый труженик и большой работяга. В городе его знают многие.

А вот ещё одно воспоминание. Я шёл по улице Победы. Вчерашний выпускник Старооскольского геологоразведочного техникума, я догуливал последние вечера перед отъездом

на работу по направлению молодым специалистом в необжитые места Крайнего Севера. В 18 лет Север не страшит, страшит, скорее, ожидаемое отсутствие девчонок. А я ещё ни с одной толком не дружил. Я шёл по улице Победы с танцплощадки в городском парке, со мною шли две ещё моложе меня девочки-сестрицы, старшую я немного знал. Подойдя к своему дому, знакомая, чутьём, видимо, почувствовав мою симпатию к её сестре, благородно неожиданно оставила нас попрощаться, убежав в дом. Мы стояли вдвоём, нас разделял забор из штакетника, доходившего ей до подбородка, мне – чуть ниже. И наши лица были близко друг к другу...

И было лунно в небесах,

И было звёздно.

И так черёмухою пах

Тот вечер поздний!

А ты стоял и проклинал

Свою несмелость:

Ты так и не поцеловал,

Что сердцем пелась!

Она растаяла в ночи...

И впрямь растаяла: после того вечера я её больше не видел. Она, как я после узнал, была двоюродной сестрой моей знакомой и приезжала с родителями из другого города в Губкин погостить. И наутро уехала. А дом тот тоже ещё стоит. Забор только другой. Где-то позапрошлой зимой, проходя мимо него и по-привычке бросив взгляд в его сторону, различил в хлопьях густо падающего снега пожилую женщину, расчищающую дорожку внутри палисадника.

Снег валил. За забором дощатым

Я увидел вдруг юность свою.

Снег валил. И широкой лопатой

Ты гребла его в старость мою.

Но это я так, к слову. А сестру её звали, кажется, Лариса.

Было в моей жизни немало и других запомнившихся мне событий, связанных с улицей Победы. Кстати, за последние всего несколько лет она очень преобразилась, украсившись светлыми новостройками в районе первой школы.

Губкинские закаты

(отрывок)

...Приехав на дачу и поработав некоторое время, я обращаю внимание жены, что, кажется, вон в той стороне небо засинелось – не проморгать бы нам успеть вовремя смотаться до дождя (мы на дачу ездим на велосипедах). Но та лишь отмахивается.

– Кто наблюдает ветер, тому не сеять, а кто смотрит облака, тому не жать, – говорит она. Я знаю, это высказывание – из Библии, и потому молчу. Жена мне часто его теперь озвучивает, хотя открыл его первый когда-то я. Мы продолжаем работать. Небо чистое, даже моему взгляду зацепиться не за что. Ну и ладно!

Но вот день начинает клониться к вечеру. Я разработался и давно уже не «наблюдаю ветер» и не «смотрю облака». Однако считаю необходимым о приближении вечера поставить жену в известность, резонно полагая, что она такое событие может и не заметить. И точно.

– Да ты что, какой вечер! – испуганно восклицает она. – Солнце – вон ещё где! ...

... – Сейчас, сейчас, – в пятый раз говорит жена в ответ на моё пятое, и уже – с раздражением, поторапливание. Но вот солнце – наполовину за горизонтом. Я задраиваю будку и прячу в потаённое место ключ. Закрываю бочку с водой. Мы берём и выводим на дорогу велосипеды.

– До свидания, огородик! Не скучай тут без нас! – слышу, наконец-то.

Обратно едем некоторое время молча. Темнеет. Проехав лог, поднимаемся пешком по крутому склону вверх, чтобы дальше ехать напрямик через поле. Наверху останавливаемся передохнуть и оглядываемся назад, в сторону темнеющих в сумерках дач, куда недавно только закатилось солнце.

– Господи, как красиво! – тихо говорит жена. Я тоже смотрю. Высоко в небе в черно-пепельных клубах сгустившихся облаков полыхает пламя, оно то разгорается, то затухает. Временами от него словно отрываются языки багрово-фио-

летово-алых цветов, они то плавно скользят по поверхности облаков – будто лизут их, то быстро пробегают сполохами по всему пространству закатного неба. Непередаваемая игра красок! А под ногами у нас, вокруг и вниз по склону стелется серебристый ковыль, он почти уже неразличим в сгустившихся сумерках, но то там, то здесь слабо и таинственно мерцает под яркими всполохами заката. Словно вплетает свою скромную нотку в общую с небом вечернюю симфонию.

Постепенно краски гаснут, и небо приобретает свой обычный вид.

– Да, красиво, – запоздало соглашаюсь я. Дороги, петляющей среди пшеничного поля и густой травы, уже почти не видно. Мы идём бок о бок, держась за рули наших велосипедов. Всё вокруг наполнено оглушительным ором сверчков и запахами созревающего хлеба и трав.

– Я слышала, – говорит жена, – в Губкине очень красивые закаты потому, что наша железная руда – красная, и цвет её пробивается даже через земную толщу и попадает в атмосферу.

– Ну да... что закаты красивые, ты только что сама видела. И руды много красной... которая – богатая.

– А бедная?

– А бедная – ближе к синему цвету.

– Вот видишь, всё сходится, я видела там и синие цвета! – радуется моя жена: слышанную ею легенду я своим ответом не разрушил.

Мы не сразу замечаем, что уже вошли в освещенный район коттеджных новостроек «Журавликов», и продолжаем вести велосипеды в руках. Затем садимся и быстро мчимся под уклон по ярко освещённому асфальту в сторону Спасо-Преображенского храма.

Сага о ручье Тёплый Колодезь

*Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он...*

М. Ю. Лермонтов

1-е воспоминание:

Взяться когда-то за воспоминания о ручье Тёплый Колодезь меня заставило замечательное стихотворение талантливой тёплоколодезянской поэтессы Надежды Вишневской о своём родном селе, от ручья же и получившем своё название. Да и возникло оно, не благодаря ли этому ручью? Не вокруг ли него, в числе других водных объектов нашего края, стали селиться в 16 веке служилые люди, после того, как была образована «Засечная черта» от набегов татар и возник город Старый Оскол? Щедро награждал старооскольский воевода своих особо отличившихся воинов, давал им земли в этих краях. Вот и селились они по берегам ручьёв и речек. На первых картах Старооскольского уезда 16 века ещё только скромно указано: сельцо Тёплый Колодезь, то есть несколько дворов лишь. А на таких же картах 17 века стоит: однодворческое поселение в 250 дворов. Вольготно то-то было. Может, потому и родился, 400 лет спустя, среди потомков тех вольных ещё поселенцев этот замечательный стих, привлекший когда-то моё внимание:

Тёплый Колодезь – кладезь тепла!

Тёплая радуга после дождя.

Горсть золотого святого зерна.

Полная света и ласки заря... ну, и т. д.

Только это ведь больше о родном селе, где родился автор. А теперь о самом ручье. Моё первое знакомство с ним состоялось в самом начале 50-х годов прошлого века, когда мне ещё было лет 9-10. Я жил тогда в деревне Лебеди, что была на месте нынешнего Лебединского карьера, и при всякой возможности бегал «на шахту» (так мы называли совсем маленький в то время посёлок имени Губкина) к своему двоюродному старшему брату Толику, отец которого работал на шахте и по

которому я всегда скучал. С ним мы ходили на здешний пруд, лишь недавно оборудованный двумя деревянными купальнями (для мальчишек и девчонок) и лодочной станцией для взрослых. Лодки на ночь всегда перемыкались одной общей цепью и затем примыкались большим замком к деревянному помосту. В отсутствие сторожа мы иногда вечером бегали по качающимся на воде прикованным лодкам, перепрыгивая с одной на другую, рискуя оказаться самим в воде. Однажды, по недосмотру сторожа, одна из лодок оказалась не прихваченной цепью и тут же стала объектом дерзкого и очень ужасного, как мне тогда казалось, плана: плыть, когда совсем стемнеет, в другой конец пруда, затем из него подняться сколько-то по ручью Тёплый Колодезь и там провести «разведку боем» в плане наличия огурцов на примыкающих к самому ручью огородах местных жителей. Грести предполагалось, естественно, руками, так как вёсла на ночь запирались в сторожке. «На дело» пошли лишь кто постарше, меня взяли из-за брата. Моё дело было – находиться всё время неотлучно при лодке.

Не стану описывать ход и исход этой «морской» операции – обычное мальчишеское дело! – не ради неё взялся писать. Но ради того лишь, чтобы подчеркнуть, какой это был ручей, если в него можно было на лодке заплывать. А спустя каких-то полтора-два десятка лет, когда о моём крае уже всю гремела слава как о главной железорудной базе страны, я всякий раз, переходя по узким мосткам этот же ручей в районе улиц Чайковского, Мира или Победы и всматриваясь то в чистые, то в мутные струи его скудного потока, начинал сомневаться: неужели здесь когда-то можно было проплывать на лодке! Вот они, идущие рядом со славой моего края, печальные последствия проводимых здесь шахтно-карьерных осушительных работ!

Как-то разговорились, случайно встретившись, со старым товарищем, местным старожилом. Он на четыре года старше меня.

– Филиппыч, – спрашиваю, – что скажешь о ручье Тёплый Колодезь?

– А то, что это был не ручей, а речка. И на лодке по ней

можно было плыть до самого её верховья. А это – аж за Красную школу! Там такие ключи из-под земли били на 30 сантиметров вверх, настоящие фонтаны! По дуге метров 40 в длину, и всё – фонтаны. Зима, мороз, а они не замерзают, только пар от них, как в тумане. Поэтому и называли Тёплым. А напор был такой, что в сорока метрах от этой дуги уже настоящая река текла. Вода – прозрачная, как стекло. У деда моего рядом дом стоял. Приведёт, бывало, нас с братом мать к нему – лет пять мне было, на «Конном дворе» жили, – а он уже кружку мне протягивает: «Принеси-ка, внучок, свежей водички из родничка попить.»

– А что ж, в речке и рыба водилась?

– Водилась, конечно, но не помню, много ли. Зато однажды тамошний колхоз провёл её зарыбление, запустил в речку с весны мальков, а устье реки, то есть где она впадала в пруд, перегородил сетью. Но что-то сделали не так, и осенью вся рыба ушла в пруд. Председатель колхоза – к директору комбината «КМАруда» В. М. Кислову: так и так, дескать, запретите временно вашим работникам ловить рыбу в пруду, пока воду из него не спустят и не соберут рыбу колхозники. Ответ директора был достойным, многократно и с любовью повторенным потом горожанами: «Пусть шахтёры отдыхают!» Впрочем, вскоре потом воду спустили, и рыбу со дна пруда собирали все, кто мог.

Мой товарищ старательно выискивает в памяти известные ему подробности из жизни бывшей речки, а теперь ручья Тёплый Колодезь. Но многое я уже слышал ранее. И про то, как во время войны в пойме ручья застрял при отступлении и впоследствии затонул наш то ли танк, то ли тягач, я писал несколько лет назад в газете «Новое время» со слов самого свидетеля, жителя улицы Иноходцева Ю. Мартынова, в конце чьего огорода всё и произошло. Писал в расчёте на то, что кто-нибудь из поисковиков заинтересуется. Заинтересовались, звонили, уточняли адрес огорода...

Долгие годы ручей Тёплый Колодезь жил надеждой, что постигнет его та же счастливая судьба, что и судьба его детища – декоративного пруда, в прямом смысле рождённого

когда-то и впоеного этим же ручьём. Были, конечно, лихие времена, стали крепко страдать от людской не всегда разумной деятельности наши «герои»: вследствие ведения вокруг этих мест горных работ режим подземных вод был полностью нарушен, вода «ушла». Хорошо, хоть потом спохватились люди. Взялись первым делом за пруд: почистили, воду подвели, фонтан соорудили, чтобы глаза радовал, лодки и фрегат на воду спустили. Но с ручьём сложнее. Его не наполнишь из водопровода, ему надо, чтобы в нём самом подземные ключи били. Но пока что не бьют, или бьют, но очень мало: то ли дополнительные усилия нужны, чтобы ключи открылись, то ли ещё что. Лет 12 назад была попытка дать ручью вторую жизнь, прошлись по нему даже экскаватором. Жители улиц Иноходцева и Логовая, кто постарше, вспоминают, что речь шла тогда будто бы о парковой вокруг ручья зоне отдыха. Потом лет на десять снова затихло. И вот он наступил – звёздный час (иначе не назову) ручья и его долины.

2-е воспоминание:

Долина светлой грусти

«Кому повем печаль мою?» * –

(строчка из старинного духовного стиха)

*Повем – (ст.-сл.) поведаю.

Прошу читателя не принимать близко к сердцу эпиграф под заголовком: рассказ, в целом, будет радостным, и самому автору в настоящем радостно от того, о чём решил написать. Просто чуть-чуть взгрустнулось при его написании. А почему, читатель, надеюсь, и сам поймёт.

Кто-то когда-то сказал, что у всякого возраста имеются свои привилегии и свои неудобства. Привилегией старого человека является возможность хвастаться своим прошлым, то есть своею ненужностью... (кто против?). А неудобство в том, что слишком много приходится вспоминать о том, что было и прошло, что слишком много за долгую жизнь накапливается этого «было». И воспоминание этого «было», пусть даже – хорошего, заставляет почему-то грустить. И даже не грустить,

а... наполняться, что ли, чем-то светлым. Ну, скажем так, грустить светлой грустью. Как, скажем, в связи с сегодняшней реконструкцией долины ручья Тёплый Колодезь. Потому что исключительно у всех старожилов, да и у более поздних жителей города Губкина, и далёкое детство, и прошедшая молодость, так или иначе, касались этой долины и даже – у многих – были тесно связаны.

Автор ещё помнит то время, когда прекратила своё существование, так называемая, Спортивная площадь – широкое и как бы просто расчищенное место в районе сегодняшнего Дворца детского (юношеского) творчества «Юный губкинец» и здания Губкинской администрации. Туда приходила молодёжь тогда ещё небольшого посёлка имени Губкина играть в футбол, проводить другие спортивные и праздничные мероприятия. В эти годы и был построен в Губкине первый стадион. Его конструкция состояла из самого футбольного поля и деревянных скамеек. А первая футбольная команда называлась «**Конный Двор**» – по одноимённому названию самого исторического в городе места, о котором я когда-то уже писал. Автор в детстве был хорошо знаком с первым нападающим футбольной команды Александром Михайловичем Лёгоньким и иногда во время тренировок пользовался добротой старшего товарища, чтобы побегать за мячом по полю. Вначале мяч был тряпичным, потом стали покупать вскладчину в Старом Осколе настоящий, кожаный. Первые соперничающие команды были из близлежащих сёл – Салтыково и других.

В середине 1950-х при комбинате «КМАруда» создали команду «**Шахтёр**» (позднее переименовали в «**Металлург**»). Построили в долине ручья Тёплый колодезь, недалеко от его устья, настоящий стадион, которому сначала дали название «Труд», а затем, спустя некоторое время, также переименовали в «Металлург. Его футбольное поле считалось лучшим в области. Футбол губкинцы прямо-таки обожали, и на всех матчах стадион всегда был полон.

Проводились регулярно на стадионе также легкоатлетические кроссы, в которых автору хорошо запомнился работавший потом Генеральным директором СУ «Гидромеханиза-

ция» ныне здравствующий Валерий Михайлович Павленко. И многих других спортсменов, выросших на стадионе «Труд» и ставших легендами города Губкина, помнит автор: Владимир Иванович Рудычев, Георгий Андрианович Захаров, Иван Иванович Кривошеев, Анатолий Фёдорович Марков, ветераны спорта: Вячеслав Фёдорович Иовлев, Иван Васильевич Ковех и многие другие.

Вот такие мои первые воспоминания (со светлой грустью, разумеется) о ручье Тёплый Колодезь и его долине, подлежащих сегодня так называемой реконструкции.

О том, что начались работы в долине тёплоколодезянского ручья, автор узнал не вдруг. Услышал как-то краем уха, особого внимания не обратил. Но вот по губкинскому телевидению увидел: идут сам губернатор Белгородской области Вячеслав Владимирович Гладков с главой Губкинского городского округа Михаилом Александровичем Лобазновым, с ними – свита из сопровождающих. Идут как-то торжественно, а под ними – пологий, изумительно красивый спуск из темно-серого камня и – с широченными порожками. Это – вместо еле видной-то заросшей тропинки к забытому всеми стадиону «Труд»!

На другой день (14.07) долго ходил по забытым местам, стараясь выхватить взглядом и оставить уже теперь лишь в памяти хоть какие-то элементы бывшего стадиона, напоминающие далёкую молодость. Но их уже не было... Долго шёл по левой стороне канала, вырытого на месте ручья и заполненного водой. Прямо к берегу подступали огороды. Всплыли в памяти лихие набеги на них. Когда это было? Прошёл по изрытому берегу, заваленному стволами и ветками спиленных деревьев. По другую сторону канала – тяжёлые автосамосвалы, бульдозеры, кран на мосту, бетономешалка, подвесные ёмкости разливают бетон в ячейки. Всюду – бетон, трубы, металлические конструкции. А вот рублёвая монетка, впаянная в бетон. То ли выпала у кого-то из строителей, то ли кто-то специально решил оставить здесь о себе память. Людей мало. Навстречу попался молодой узбек. Поздоровался с ним: асса-лом алейкум! Он посмотрел удивлённо, что-то сказал. То ли по-своему, то ли по-русски – не расслышал.

Придя домой, долго не мог избавиться от ощущения как бы с чем-то связанной потери. Но – с чем? Не со стадионом же! В городе вон какие стадионы имеются! А на этот уже и тропинки давно заросли! Лет пятнадцать назад внучку сюда водил тренироваться бить по мячу при игре в лапту в школе, так уже тогда там одни козы паслись!...

К концу рабочего дня сел на велосипед и снова отправился туда же. Проехал по уже выложенной части будущей велодорожки, о которой прочитал ранее в газете. Съехал на сплошь изрытую, а местами уже засыпанную щебнем или даже кое-где забетонированную, огромную площадку, по которой ползали два больших бульдозера. Вот, где-то здесь, 15 лет назад учил он внучку.... А вон там был большой каток. Бесплатный, кстати. Хоккейные баталии... По вечерам – молодёжь, взрослые, дети – все на коньках, всё серебрится на свету, а из рупора – зажигательная музыка, волнующе-обнадёживающие для кого-то слова модной песни модной тогда певицы:

«Догони! Догони!

Ты лукаво кричишь мне в ответ»

А вон там стоял домик, где выдавали напрокат коньки и лыжи, и где когда-то однажды, в полном одиночестве, отогревал автор прямо на батарее ноги, после коротких периодов катания на коньках в тридцатиградусный мороз.... Стадион «Труд», где ты?!...

И ещё потом приходил я на старый стадион.

15.07. Конец рабочего дня. На мосту все конструкции поставлены, на нём чисто, вход на мост и выход с него перевязаны ленточками. Строительная площадка затихает. Только поодаль от моста двое рабочих заглаживают лопатами дорожные неровности бетоном, который подвозит в небольшом ковше маленький трактор. Ещё двое устанавливают столбы под лампы освещения. Вдали кто-то куда-то бежит, торопится.

16.07.2022г. День металлурга. На площадке лишь команда молодых узбеков из 6 человек. И маленький тракторишка с ковшем. Активно работают. Старшего зовут Али. Немного поговорили. Очень дружелюбные, улыбчивые. Напомнили мне моих друзей, тоже узбеков, из армейской службы. Тогда у нас

с ними была одна страна! Проехал на велосипеде по уже почти полностью выложенной дорожке до улицы Мира. Видел в стороне ещё нескольких работающих....

На этом, помнится, я завершил походы на реконструирующийся стадион «Труд» и свои свидания-воспоминания с прошлым в надежде, что встретит ещё меня долина ручья «Тёплый Колодезь» в новом, ещё более прекрасном обличении. До скорой встречи!

3-е воспоминание:

Встреча состоялась: 20 мая 2023 года состоялось торжественное открытие зоны отдыха в районе долины ручья «Тёплый Колодезь».

О какой грусти, пусть даже и светлой, может идти речь теперь, при посещении этого уголка, уже сейчас обещающего с полным правом называться райским! Это всё, что я мог сказать самому себе при этой встрече.

В поисках истоков речки Осколеца

1.

С малой родиной Якову Степановичу, можно сказать, не повезло. В 50-х годах прошлого столетия в связи с начавшимся интенсивным строительством Лебединского карьера начался не менее интенсивный снос его родного села Лебеди. Словно и впрямь стая лебедей снялась в урочный час с мест своих гнездовий и, разметавшись по округе, осталась лишь в памяти тех, кто жил здесь. А уж Яков Степанович помнил... С одной стороны села тянулись колхозные поля, за ними – Ямская степь, по другую сторону, прямо за огородами, начинались знаменитые «низы». Они были знамениты тем, что там из-под земли били холодные ключи и вода в них была изумительно чистой и очень вкусной. По «низам» вдоль села тянулись в тени верб и осокорей колодцы, родники и самодельные «копанки», в которых женщины замачивали холсты и стирали бельё. А за «копанками» начинался луг, по которому, словно игривая девчонка, то прячась в зарослях кустов или высокой густой траве, то выбегая на открытый простор, резво бежала небольшая речушка Осколец. Каждую весну луг заливался водой, туда прилетали утки, кулики, чибисы, и не только луг, но и вся деревня наполнялась их криками. А летом и луг, и сам Осколец оглашались криками играющих там и купающихся в речке ребят.

Лето 1956 года было последним в истории Лебедей. Сначала стала куда-то уходить вода. (Это вокруг того места, где намечалось быть карьереу, пробурили много скважин и через них стали откачивать воду). Сначала высохли колодцы вблизи домов, затем дошла очередь до знаменитых «низов». Высохли даже никогда не замерзавшие ключи, что били веками из-под земли, питая водою всю округу. И даже речку Осколец – не всю, конечно, – «передвинули» в другое место, причём, в глазах ребят, до обидного просто: вырыли экскаватором траншею.... Всё это было в пору далёкого детства Якова Степановича. Было и, как говорится, бельём поросло.

2.

В один из летних августовских дней Яков Степанович, будучи давно уже на пенсии, стал после завтрака готовить своего «ослика», как называл он приземистый на ребристых шинах велосипед, для поездки. Подготовка заключалась в том, что он проверил большим пальцем упругость колёсных шин и одну из них подкачал. Налил в капроновую фляжку воды, положил в пакетике на багажник кусок хлеба и два помидора.

– Куда на этот раз? – спросила жена, не отрываясь от мытья посуды.

– Не знаю.... Может, на хутор Меловой Брод.

– А это где?

– Петровки и Осколец знаешь, где? – Ну? – А Заломное и Кандауровку знаешь? – Ну, да! – Так вот, это где-то там, между ними.

– А тебе туда зачем?

Яков Степанович посмотрел на жену, как бы раздумывая: говорить или не говорить?

– Понимаешь, каждого человека на стороне всегда почему-то тянет в родные места. А почему? Да потому что там всё напоминает ему о самом дорогом, что есть у каждого человека, о его детстве. Каждый поворот дороги, по которой бегал, каждая излучина речки, в которой купался, даже угол крыши чужого дома, который был виден из твоего окна – всё – всё! А мне куда пойти, чтобы встретиться с детством? Моих Лебедей нет, ты знаешь.... Карьер там. Не ехать же мне для этого в микрорайон Лебеди, получивший название от моей деревни! Это было бы равносильно тому, как если бы я, оставшись без отца, которого звали Василий, решил бы звать отцом мужика Василия из соседнего дома.

Жена озадаченно и даже с некоторым испугом смотрела на мужа.

– Так, а при чём тут хутор Меловой Брод? Ты же там никогда не был!

– Да, не был. Но в каком-то смысле и был.

Яков Степанович снова на несколько секунд как бы задумался, глядя куда-то в себя, потом добавил, улыбнувшись:

«Ладно, подробности – по возвращении». И уехал.

3.

Выехав за город, Яков Степанович спокойно «попылил» по просёлочным дорогам. Ему захотелось привести в порядок мысли и самому себе более ясно сформулировать, зачем его так потянуло в хутор Меловой Брод. По правде сказать, к самому хутору у него был интерес – лишь поскольку-постольку. Ну, возникло такое поселение где-то во второй половине 18-го века, владелицей которого была некая помещица Лукерья Алисова. (К этому же роду, кстати, принадлежал и известный в России скоропечатник М.И.Алисов, получивший в 1873 году на Венской выставке золотую медаль за оригинальную пишущую машинку). Получила она то ли в наследство, то ли в приданое сколько-то гектаров земельных угодий в верховьях реки Оскольца, поселила на этих землях сколько-то принадлежавших ей душ крепостных, и стали они там понемногу обживать, то есть пахать и сеять. Всё это легко было узнать, войдя в интернет.

Иное дело – сам меловой брод, давший название этому хутору! Всякий раз, случайно ловя на слух или встречая это вполне обыденное и в то же время с примесью какой-то необъяснимой романтики название «Меловой Брод» в сообщениях местных газет о жизни села, Яков Степанович неизменно на какое-то время уносился воображением в далёкое прошлое.

Этим прошлым могло быть время строительства в наших краях «Засечной черты» от татарских набегов, и тогда представлялось, как наши сторожевые конные разъезды подстерегали у этого брода отряды басурман. Или более позднее время, когда в глухих местах в районе хутора Весёлого, по преданию, водилась разбойничья шайка, и однажды атаман шайки вывел её, избегнув погони, вместе с награбленным добром именно через этот меловой брод. И в более поздние времена служил этот брод верой-правдой для всех жителей уже существовавшего тогда хутора: через него перегоняли скот, перевозили на телегах сено и другой груз, ещё позже по проложенным через брод мосткам ходили на железнодорожный полустанок, а женщины полоскали с них в чистой воде бельё.

Но даже и не эти воображаемые или когда-то где-то слышанные или прочитанные в книге легенды и рассказы очевидцев позвали Якова Степановича в дорогу, чтобы всего-навсего взглянуть на самый что ни на есть обыкновенный брод – переход через речку Осколец по мелководью. Нет, в представлении Якова Степановича при любом упоминании мелового брода неизменно вставала лебедянская Меловатка. Так называлось место на реке Осколец, где обычно купалась вся лебедянская ребятня и, конечно, маленький Яша. Там тоже было твёрдое меловое дно, тоже мелко и потому безопасно для детей, и тоже перегоняли скот. Короче говоря, Яков Степанович, может быть, даже втайне от себя, надеялся увидеть возле хутора Меловой Брод как бы свою Меловатку, услышать там крики купающейся меловобродской ребятни и – встретиться со своим детством.

Проехав деревню Кандауровку и не обратив внимания на поворот дороги в сторону села Аверино, он обнаружил себя на еле заметной тропинке, идущей по краю заросшей поймы Оскольца, скрытого от глаз за густыми ивами и осокорями. Шёл некоторое время, ведя в руках велосипед и не уставая любоваться до боли знакомым и родным его сердцу пейзажем, затем круто свернул вправо и полез вверх по крутому бурьянистому склону, надеясь увидеть дорогу на хутор. Вышел наугад и, полюбовавшись с вершины холма впервые увиденным

вдали хутором, быстро покатил к нему по узкой асфальтированной дорожке.

4.

Солнце уже перевалило зенит, и баба Дуня начинала понемногу волноваться: её Степаныча всё ещё не было. – Дался ему этот Меловой брод, в такую даль поехал, – думала она с лёгкой досадой. В его-то возрасте!

– А вот и я, – раздался от входной двери голос, и в узкую прихожую квартиры стали осторожно проталкиваться сначала велосипед, за ним поддерживающий его хозяин.

– Ну, что, отвёл душу? – этим вопросом жена привыкла встречать мужа из его велосипедных прогулок.

– Какое там отвёл! Наоборот! Представляешь, еду по хутору и – ни души. Как будто все попрятались за глухими заборами. Такая, то-то, мода у людей пошла. Хорошо хоть девочку, тоже на велосипеде, увидел. Подъехали с нею к речке, а там...

– Ну, что там?

– А там пруд не пруд, болото не болото, всё в тине, зарослях, да старый поломанный мостик. Гуси плавают, много гусей. Вот и весь брод.

– Так что ж ты хотел увидеть?

– Ничего. Уехал пораньше, чтобы по жаре потом не ехать. Приморился я что-то...

Оставив жену в озадаченном состоянии, Яков Степанович

ушёл в свою комнату и прилёг отдохнуть. Досадная мысль, появившаяся уже на обратном пути, пришла снова: зря сразу уехал, жары испугался. Ничего бы не случилось. Надо было где-то бросить велосипед и пройти хотя бы немного по скрытым в зарослях источникам, что с ними? Тут же истоки его родной речки!

5.

Прошло две или три недели. Жена Якова Степановича уже стала забывать о недавней поездке мужа, как однажды снова обратила внимание на его утренние сборы. Получив на вопрос «Куда на этот раз?» такой же лаконичный ответ «В хутор Меловой Брод», удивления не высказала, мудро решив про себя: «Скажет потом сам».

Эта поездка прошла короче и быстрее первой. Яков Степанович сразу из города взял курс от Спасо-Преображенского храма на Осколецкие дачи, до конца пересёк их и через короткое время с лёгкими приятными ощущениями на сердце выехал на дорогу, ведущую к хутору. Однако в конечном пункте его ждало разочарование, пожалуй, ещё большее, чем в первый раз. Подъехав к уже знакомому месту и высматривая, где можно скрытно оставить велосипед, чтобы двигаться по густым зарослям дальше и проследить русло речки, Яков Степанович неожиданно обнаружил, что там никакой речки нет! Это был настоящий шок: нет речки! Поперёк лога, по которому должен был протекать Осколец, всего в нескольких метрах от того места, что когда-то служило настоящим бродом, лежала грунтовая дорога шириной не более трёх метров. Напрасно Яков Степанович пытался обнаружить возле этой дороги со стороны верховьев реки наличие хоть какой-то воды. Потоптавшись по слабо различимому, заросшему дну русла, он даже посмотрел на подошвы своей обуви, чтобы убедиться, не мокрые ли они. Они были сухие. Весь обратный путь прошёл в убедительных доводах самому себе, что приезжать сюда больше незачем.

6.

Стояли погожие дни сентября. Как-то Яков Степанович, идя по городу, встретил приятеля, художника Николая Бантюкова.

– Вот, ты любишь рисовать пейзажи за городом, не хочешь ли нарисовать нашу речку Осколец с отрубленным хвостом?

– Хвост реки – это её истоки, обрубишь истоки – исчезнет река, значит, нечего будет и рисовать, – резонно заметил приятель. – Разве что у неё есть ещё один «хвост»? Иначе она уже не протекала бы мимо нашего города.

– Наверное, есть, – грустно согласился Яков Степанович, – но и этот знаешь, как жалко! Грунтовая дорога – прямо через речку... Как по живому! Под дорогой, конечно, виднеются две трубы, но только именно виднеются, потому что заилены и травой заросли.

Через несколько дней после этого разговора Яков Степанович вновь катил на своём «ослике» в сторону Мелового Брода. В этот раз он решил просто ехать и заговаривать с каждым встречным из местных об этих местах, авось, удастся услышать что-то ценное. И тут, надо сказать, ему повезло: на самой высокой точке маршрута, с которой хорошо обозревался и сам хутор, и живописная пойма Оскольца, и дальние окрестности, он увидел поднимающегося по склону уже немолодого мужчину с козой и верёвкой для привязи. Оставив велосипед на дороге, Яков Степанович устремился к нему:

– Здравствуйте! Можно задать вам пару вопросов?

– Здоровеньки булы! А вот мы сейчас узнаем, православный ли вы христианин. Какой сегодня праздник? – лукаво спросил хозяин козы и, не дожидаясь ответа, произнёс наставительно: Сегодня День рождения Пресвятой Богородицы, вот как!

В таком, доброжелательном тоне состоялся и весь разговор. Собеседник оказался бывшим школьным учителем (Яков Степанович расценил это как «на ловца и зверь бежит»), говорил просто и понятно. В целом, картина вырисовывалась такая: верховья реки Оскольца, берущие начало в Петровках, обезводились вследствие перекачки подземных вод из близ

расположенного лога Кочегуры на город Губкин, а то, что остаётся, попадает в частный пруд одного предпринимателя и до Мелового Брода уже не доходит. Это – первый «хвост».

– А второй ищите во-он в том логу, что слева, – и собеседник указал туда, где далеко, уходя к горизонту, виднелись два лога. – В нём и сейчас очень много ключей, и некоторые, говорят, бездонные. Даже существует легенда, что давно когда-то какой-то барин ехал с любовницей на тройке, стали они спускаться в тот лог, кони понесли и угодили в один из бездонных омутов того яра. И – ни коней с каретой, ни барина с любовницей. Так что можете поехать в тот лог, если есть охота.

Охота у Якова Степановича, конечно, была. Доехал до лога, постоял на краю крутого склона – настоящий яр! – осторожно спустился вниз, всюду по дну лощины вода. Ощущение, что лог дышит водой и исторгает воду из своей утробы. В одном месте увидел большой сколоченный стол на четырёх вкопанных в землю ножках, рядом – также вкопанный в землю большой крест. Значит, здесь – освящённый источник.

7.

Жена Якова Степановича давно не встречала своего мужа после его велосипедных прогулок таким радостно-удовлетворённым. Терпеливо и долго слушала подробности его трёхкратного посещения хутора Меловой Брод, посочувствовала, что так и не состоялась встреча с Меловаткой детства, порадовалась тоже, что речке Оскольцу вовсе пока не грозит умирание. Но больше всего ей понравилась легенда о бездонном омуте.

Губкинские палисадники

Помню, – где-то в середине 60-х годов это было – возвращался я из одной поездки домой, в родной Губкин. Ожидая посадки на самолёт до Харькова в бакинском аэропорту, купил неожиданно для себя у какой-то женщины небольшой букетик синеньких цветов. Почему – неожиданно? Потому что там, где

я родился и рос, не было тогда в заводе ни продавать, ни покупать цветы. А может, не пришло для меня ещё то время. А тут представил, как буду уже к вечеру сегодня в Губкине – даже не верилось! – «...и подарю букет / Той девушке, которую люблю» (так, кажется, пелось в какой-то песне).

Но всё оказалось сложнее. Чтобы цветы подольше не завяли, я завернул нижние их концы в смоченный в воде носовой платок и в найденный обрывок целлофана. Но то ли оттого, что летели потом на большой высоте, то ли от своей чрезмерной квёлости, стали мои «южане», несмотря на все мои старания по их смачиванию, неожиданно быстро клонить головки. Никогда, казалось, не торопил я время своего приезда, как в тот раз, но были потом после самолёта автобус от аэропорта до ж.д. вокзала в Харькове, потом электричка до Белгорода, потом, наконец, два пригородных поезда с пересадкой до Губкина. Короче говоря, когда я шёл по знакомым и пустынным улицам своего города, неся в руках, кроме небольшого чемоданчика, единственный, может быть, на весь город букетик живых цветов (почему – единственный, скажу ниже), «та девушка» давно уже спала. Да и весь город спал. Проходя мимо Вечного огня (огонь, правда, не горел), положил рядом букетик и, немного успокоенный, зашагал домой.

А с «той девушкой» встретился лишь вечером следующего дня, придя на лекции в институт ВЗПИ. После лекций бродили по городу. Был то ли конец марта, то ли начало апреля, сильно пахло весной. Подойдя к Вечному огню, увидели, что кто-то разделил букетик на два пучка и сложил их крестиком. Ещё через день они уже стояли аккуратным рядком – цветок к цветку, ещё не совсем увядшие – прислоненные к подножию памятника. Когда исчезли, не знаю.

А теперь о том, почему я сейчас допустил, что тот букетик живых цветов из далёкого Баку, с которым я шёл давно когда-то по ночному Губкину, мог на тот момент оказаться единственным на весь город. И вообще, зачем мне понадобилось этот случай так подробно описывать? А затем, чтобы лучше представляли сегодня молодые губкинцы, каким был их родной город в молодые годы их отцов и дедов. Сейчас уже

трудно представить его без прекрасных «Журавликов», других микрорайонов и почти полностью уместающемся в контурах улиц Чайковского и Демократической, Дзержинского и Иноходцева. Большинство домиков – одноэтажные, чаще на две семьи, вокруг – заборчики из деревянного штакетника в 1.2-1.3 метра высотой. Палисадники – из такого же штакетника, но внутри чаще не цветы, а картофель, огуречные или капустные грядки, в общем, всё, чем можно было питаться, а не нюхать или любоваться. Причиной подобной избирательности была ещё не полностью наладившаяся жизнь после войны. И всё же постепенно время брало своё: всё чаще прохожие могли видеть в палисадниках – благо, хорошо просматривались! – рядом с огуречно – капустной растительностью, а то и вместо неё, всё новые виды цветов. Ассортимент их был, в общем-то, невелик, недаром среди молодёжи ходил шуточный то ли стих, то ли песня, где были слова:

*...Нарциссов не надо, пионов не надо,
Их в Губкине вряд ли найдёшь!
Два-три лопуха с твоего палисада
Нетрудно пустить мне под нож.*

Раньше пионов и нарциссов стали появляться, помнится, георгины. Они гордо смотрели из-за штакетника на любующихся ими прохожих и, казалось, несли в себе какую-то тайну своих хозяев. Некоторые парни считали особым шиком, проходя в вечернее время с девушкой мимо такого палисадника, небрежно опершись одной рукою о штакетину, неожиданно перемахнуть – ни в коем случае не перелезть! – через забор и, сорвав одного такого красавца, вручить его, возвратившись тем же путём, своей попутчице.

А вообще-то, каких-либо особенных проблем в плане дарения друг другу цветов перед губкинцами тогда не стояло: цветочных магазинов не было, и никто от этого не страдал. Весною – у кого была нужда – обходились вольной черёмухой и сиренью, летом и осенью – букетами и букетиками полевых и луговых цветов, а также – из палисадников своих или своих знакомых. В небольшом городке ведь – то же в некотором роде, что и в деревне: вышел за околицу – и ты уже среди

цветов. Ну а для цветочных гурманов и зимняя пора не была помехой, чтобы, скажем, проявить к кому-то внимание. Так, один мой товарищ, работая в женском коллективе, любил ещё с января нарезать побольше веточек с разных деревьев и кустов и ставить их в банки с водой. К 8-му Марта веточки уже покрывались зелёными листочками, а некоторые даже – цветами. Всем по веточке в отдельной баночке! (Ну, или хотя бы в пузырьке). Какая женщина не почувствует весну! Ну, а кто-то поступал, следуя автору вот этих строк:

*...Вот и я туда ж: лишь пригреет март
И команду даст ручейкам на старт,
По проталинкам вешним вестником
Всё шагаю в лес за подснежником.*

Учитывая всё сказанное, читатель, надеюсь, поймёт теперь, почему тот букетик живых цветов из Баку, с которым я шёл когда-то по ночному Губкину, мог на тот момент оказаться единственным на весь небольшой городок, в силу чего и пользовался в последующие дни таким вниманием горожан.

Но – вырос мой город. Выросли и его приоритеты и возможности в отношении цветов и палисадников. Чтобы сравнить со своими давними воспоминаниями, сделал недавно попытку объехать (на велосипеде) все городские улицы и переулки с их дворами. Казалось, так просто! Но... вырос мой город. Оказалось, ни палисадников всех его теперь не объехать, ни красоты и всего разнообразия цветов не описать. Остаётся разве что только повторять: нет предела совершенству.

И приснился сон

«Людмила Ивановна была, есть и будет с нами, потому что она очень талантливый и замечательный человек. Считаю за честь работать с таким талантливым и нужным нам человеком».

Фраза эта принадлежит, как я понял, директору культурного центра «Форум» Е. С. Емельяновой. Кто-то услышал, кто-то записал, ну а кто-то, в том числе и я, прочитали. И она, эта

случайно встреченная мною фраза, меня, признаюсь, «зацепила». И не только потому, что далеко не о каждом произносятся известными, солидными людьми такие слова. А вспомнил я далёкий 1987 год, когда, волею судьбы, оказался я в кресле заведующего отделом социально-нравственных проблем (был такой!) в газете «Знамя Ильича» (ныне – «Новое время»). И пришла как-то ко мне, помню, совсем ещё юная и хрупкая на вид девушка, а в руках у неё заметка о своей хорошей подруге, о каком-то, уж не помню, её замечательном начинании на «трудовом фронте». Две страницы убористого рукописного текста. Но – без подписи. Просит опубликовать в газете за моей подписью, если можно. «Криминала» в этом, конечно, не было, но мне было странно, что под таким хорошим и по содержанию, и по изложению материалом (о чём я и сказал ей) человек отказывается от своего авторства. Обычно молодым, начинающим авторам даже гораздо худших заметок такое «самопожертвование» не свойственно. Объяснения мои не помогли. И хотя причина её упорства была довольно простой, о ней скажу позже.

На вершине славы

Шли годы. Рос мой город. И – сначала тихо, потом всё громче – стало звучать в городе имя Л.И.Коротеевой. Вот она – художественный руководитель Дворца культуры «Горняков». Под её ответственностью вся творческая деятельность Дворца. Вот она уже заместитель директора центра культурного развития «Форум». Она – ведущая актриса в народном театре «Гротеск». За свои роли четырежды удостоивается премии М. Щепкина «за лучшую актёрскую работу». Под ее руководством появляются клубы по интересам, программы для молодёжи, хореографические спектакли с ансамблем балетного танца «Импульс», программы цикла «Пой, моя гитара», «Фестиваль юного таланта... да много чего ещё появляется!

Автор этих строк признаётся, что он не является заядлым театралом и вообще плохо разбирается в тонкостях культурной жизни своих земляков. Но об одном проекте Людмилы

Коротеевой не могу не сказать отдельно: это – по единодушному признанию горожан – суперпопулярный проект «Поём со звёздами». Кажется, весь город когда-то жил этим проектом, пока шли его концерты. Билеты было трудно достать. В какой-то мере выпало поучаствовать в этом проекте и мне: не знаю, по каким и чьим соображениям я был включён в состав жюри. И чтобы хоть как-то оправдать своё там пребывание, я написал и прочитал всему переполненному залу на одном из концертов короткий стих:

*«Двойные звёзды» – в небе и на сцене.
Благословен будь их союз священный!
Поскольку общее у них предназначенье:
Нести свой вклад в гармонию Вселенной.
Натяжки в этом нет ни грана лишнего.
И лишь одно разнит мои светила:
Те созданы по замыслу Всевышнего,
А эти – Коротеевой Людмилы.*

За что и получил дружные аплодисменты зала, которые адресовал, естественно, главной героине дня.

И, наконец, закончу эту часть моего повествования ещё одним глубоко, видимо, прочувствованным высказыванием той же Е. С. Емельяновой: «Людмила Коротеева – визитная карточка центра культурного развития «Форум», впрочем, как и всего Губкина. Она одна из немногих жителей города, кто своим трудом заработал право носить почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

В роли «гида»

Однако не это всё, сказанное выше о Людмиле Коротеевой, послужило мне как бы толчком к моему сегодняшнему о ней повествованию. Ведь большая часть сказанного здесь была, наверное, известна многим читателям и ранее. Но недавно пришлось мне побывать в выставочном зале «Форума», там шла выставка работ покойного Ю. К. Шкуты, бывшего заведующего этим залом. Теперь его заменила в этой должности, достигнув соответствующего возраста, Людмила Ивановна.

Признаться, я не ждал услышать от нового «гида» чего-то нового о работах покойного, с которым мне пришлось общаться не один десяток лет. Даже, наоборот, мне пришлось познакомиться её саму с принципами получения необычайно красивых фотографий пород и минералов способом макросъёмки через микроскоп их шлифов, которым пользовался Юрий Кириллович и достиг в этом немало совершенства. Людмила Ивановна заинтересованно слушала, как может слушать человек, привыкший вникать в суть любого дела или предмета. И в следующий мой приход очень удивила меня тем, что увлечённо стала рассказывать, как, в её представлении, должен был работать Шкута, соединяя в своём творчестве графические с помощью математики построения цветных орнаментов с изображениями минералов и перенося потом всё это на свои стихи. Конечно же, мне это и в голову не приходило. Я даже пошутил тогда, что будь Шкута сейчас рядом и услышь её слова, он бы, наверное, сам удивился.

– Я влюбилась в него, – заявила вдруг она, и тут же, видимо, поймав мой взгляд, добавила, – вернее, в его работы. Ведь, чтобы передавать любовь к чему-то своим слушателям, я должна сначала сама полюбить это, не правда ли?

Именно в этот момент, дорогой читатель, возникло у меня желание что-то написать о Людмиле Коротеевой, но написать такое, чего ещё, может, не успели сказать о ней другие. Что ли – познакомиться поближе с её внутренним «я», с её (да не покажется это кому-то слишком самонадеянным с моей стороны!) состоянием души. Но только это и впрямь оказалось самонадеянным. Ибо говорить что либо о себе она категорически отказалась. На все мои аргументы в пользу откровенного разговора следовало неизменное «нет». При этом я узнал от неё, что всю жизнь, выходя на сцену, она сначала дрожит, как осиновый лист, и только потом уж успокаивается. И что всегда предпочитала говорить и писать о других, но не о себе. (Вот тут я и вспомнил ту девочку, что когда-то принесла в газету заметку о своей подруге, твёрдо настояв на том, чтобы не ставили её подпись). Короче, я решил обратиться за соответствующей помощью к её подругам. Но и подруги, поведав речь сразу

же с хвалебных «гимнов» в адрес Людмилы Ивановны, тут же заявили, что никто, кроме неё самой, не расскажет о себе, что мне требуется. И я «забуксовал». Отступать не хотелось, но – от кого получить нужную информацию? Попытаться ещё раз расположить на откровенный разговор саму героиню намечаемого рассказа? Судя по твёрдому отказу в прошлый раз, вряд ли и эта попытка была бы успешной. С этими мыслями я две ночи подряд засыпал и просыпался. Но, проснувшись после второй ночи, я вдруг ясно осознал, что никаких попыток предпринимать больше не надо, и вообще ничего делать не нужно. И подсказал мне такое решение мой ясный предутренний сон, которым, с разрешения читателя, я с ним же и поделюсь.

Сон и его разгадка

Приснилось, будто я в каком-то учреждении, рядом с чьей-то комнатой. Из неё чей-то женский голос пеняет мне, что я не дал какую-то информацию. Я бегу по коридору как бы в свою комнату за нужными бумагами. С ключом в руке, подбегаю к двери и вдруг понимаю, что это не моя комната, она на первом этаже, а моя где-то выше. Я бегу по лестнице вверх и оказываюсь на широкой площадке. По краям её лежат мощные железобетонные блоки, на них сидит много молодых людей. Я спрашиваю, какой это этаж. Кто-то сказал «второй», кто-то – «четвёртый». Я переспрашиваю, они как-то неохотно что-то отвечают, но что – до меня не доходит. Я озираюсь вокруг, вижу снова какие-то мощные блочные конструкции и вдруг осознаю, что нахожусь совсем в другом, более современном и более мощном здании. И это новое здание стоит не отдельно, а является как бы продолжением старого, в котором и осталась та, нужная мне информация. И я просыпаюсь.

Я просыпаюсь, и разгадка только что виденного сна возникает в мозгу даже прежде, чем мозг успевает этот сон ещё раз в себе прокрутить, чтобы запомнить. Ну, конечно же, новое мощное здание, его внушительные конструкции – это внутренний мир моей героини, конструкция её души. И молодёжь, расположившаяся кучками на блоках, словно стайки ласточек

на проводах, это всё её окружение – коллеги, ученики. И нет мне среди них места с моей скудной о ней информацией, покоящейся где-то в старом здании.... То есть, – во мне.

И запала же песня в душу!

(Душевный разговор)

Потянуло меня что-то сегодня на душевный разговор. То есть – о душе. И ещё – о песне. О душе и о песне вместе, значит. Потому что, на мой взгляд, ни в чём так душа не проявляется, как в песне. А ещё потому, что попалось мне недавно на глаза изречение одного французского философа, что, дескать, если душа существует, то неверно было бы думать, что она даётся нам уже сотворённой. Она, мол, творится на земле в течение всей жизни, и «сама жизнь – не что иное, как эти долгие и мучительные роды». И я подумал: а как насчёт этого в Библии? А в Библии сказано: «И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Да и во всех других источниках, будь то другие религиозные учения или философские сочинения, везде говорится о вечности души, о её несотворённости. Выходит, неправ тот философ-француз? Наверное. Только к этому выводу я бы мог придти, и не заглядывая в книги, а на собственном опыте. Ведь если поющий человек вложил в свою песню «всю душу», то она и в мою душу входит, как озарение, и остаётся в ней надолго или даже навсегда. И такое восприятие песни существовало во мне всегда, в любом возрасте, сколько себя помню. Причём же тут тогда «долгое «сотворение души»?

Помню себя на каком-то концерте, когда и в честь чего концерт был, сейчас не помню. Сменялись на сцене артисты, в основном пели. С удовольствием слушал. И вот какая-то девушка вышла, стала петь. (Это была Оксана Загороднева, но в те времена – ещё Бадоева). Какую песню спела, тоже уже не помню, но оторопь меня взяла. И долго я потом ещё ходил и при каждом удобном случае декламировал вслух перед знакомыми:

*Хорошо поют трое –
Шквырин, Цыпкин, Бадоев.
Но Бадоева – о-о!
Это что-то такое!*

А Шквырин!?!.. Когда я в первые разы слушал его «Мой храм», то каждый раз, когда он произносил в припеве эти два слова, нет, не произносил, а буквально исторгал откуда-то из глубины себя – «мой храм!», – у меня взгляд невольно устремлялся вверх, как будто там, на сцене, уже действительно парит храм, и какая-то невидимая сила уже вот-вот оторвёт от пола самого певца и вознесёт под купол. Что же была эта невидимая сила, если не реально душа его?!

Сознаюсь, часто, выходя из зала после прослушивания таких, спетых чьею-то именно душою, песен, идя домой, бродя потом, испытывал жгучее желание выразить как-то словами, стихом, то чувство, которое поселялось и в моей душе от той песни, чтобы передать его другим, слушавшим эту песню, губкинцам. Не всегда получалось, как хотелось. Но два примера хочу всё же читателю привести.

Первый – это когда я услышал песню «Голубка моя» в исполнении Ирины Клепацкой (тогда она пела ещё в ансамбле «Ретро»).

Мне тогда хотелось передать для других настроение именно этой возрастной категории, слушателей именно этой песни и именно в исполнении Ирины Клепацкой, так ненавязчиво и как-то неожиданно доходчиво для меня передавшей со сцены «Форума» тоску неизвестного мореплавателя в далёком чужом краю по своей малой родине. Вот что у меня тогда получилось.

На встречу с юностью

Туда, где, в песнях оживая,
Нас тешит память давних дней,
Приходит публика седая
На встречу с юностью своей.

И сбившись в кучку,
стайкой тесной,
Под сенью «Форума» – дворца
Они внимают старым песням,
И бьются в унисон сердца.

И рядом где-то бродит юность,
И зреет светлая печаль,
Как будто вновь весна вернулась
В уже заснеженную даль.

И где-то там, за далью стылой,
Лазурный берег уж манит,
И вновь голубкой сизокрылой
Мечта на парусник летит.

Ну, а второй случай касается исполнения песен В.С.Григоровой, рук. ансам. «Русская песня». Вот уж русская так русская! (это я уже не об ансамбле, а о самой Валентине Станиславовне).

Представьте: над вами – июльское небо.
И плавится солнце над волнами хлеба.
И вы среди поля – как солнце в зените –
На тёплой земле вы недвижно лежите
И смотрите в небо, раскинувши руки.
И вас уж вот-вот убаюкают звуки,
Которыми полнится летнее поле,
Но – чу! – звук, не слышимый вами дотоле,
Нежданно вдруг вашего слуха коснётся,
И сердце отчаянно вдруг встрепенётся

И чаще забьётся... И станет томиться,
Как будто от крика полуночной птицы,
Как будто от давнего воспоминанья
Несбывшегося в вас когда-то желанья.
Как будто бы там, высоко в поднебесье,
По воле богов родилась эта песня –
Дитя одиночества, светлых печалей...
И спета была – Станиславовной Валецкой.

Приведенные мною выше исполнители песен, как и многие другие их не менее талантливые коллеги, знакомы нынешним губкинцам. Но я принимаю во внимание и гораздо более ранних представителей поющего Губкина – Николая Малявина, например, Розу Силакову, Алевтину Красильникову и многих других, оставивших свой песенный след в моей душе, ведя отсчёт из моей дальней молодости. И я что-то пока не заметил, чтобы на этот след оказывал хоть какое-то влияние мой возраст. Так какие же, повторяю, тут роды и медленное сотворение моей души? Она у меня как воспринимала ранее, так воспринимает и сейчас – как озарение! – песни, спетые душой моими земляками-губкинцами.

Краснодарские арбузы, или любовь с первого взгляда

С Генкой я познакомился в 60-е годы, когда он стал трудиться в институте НИИКМА. Работал в геологическом отделе, а поскольку был молодым и легким на подъем, его часто посылали в командировки, особенно в ту пору, когда на отдел была возложена задача изучить бентонитовые глины некоторых месторождений Кавказа и Средней Азии на предмет их пригодности для производства железорудных окатышей (к тому времени в бассейне КМА уже разворачивалось строительство горно-обогачительных комбинатов и, в частности, Лебединского ГОКа).

Возвращаясь из этих поездок, Генка рассказывал много интересного и, по обыкновению, веселого, но мне особенно

запомнился лишь один из его приездов. Вернулся он тогда, что называется, в великой печали. Постепенно выяснилось, что в этой поездке Генка влюбился в некую девочку по имени Марина. Вез он тогда пробы глины из Грузии на институтском микроавтобусе, и, когда ехали уже по Краснодарскому краю, пришлось им подвезти одно совсем еще юное создание. Держалась она просто и скромно (ему всегда такие нравились), была в легком летнем сарафанчике, загорелая, короче говоря, типичная десятиклассница на летних каникулах, и – вот поди ж ты! – запала Генке в душу. Пообщался он с ней часа два, не более, и пришлось расстаться.

Приехав в Губкин, Генка затосковал и все то лето ходил грустный. Однако осенью снова уехал в командировку куда-то на Кавказ, а, вернувшись, о Марине уже не вспоминал. Когда же мы о ней спрашивали, отмалчивался. И лишь какое-то время спустя, рассказал о той поездке. А было так.

2.

Генка проснулся с ощущением того, что поезд стоит: не раскачивались вагоны, не постукивали колеса на стыках рельсов. Приоткрыл глаза, уперся взглядом в кровать у противоположной стены, и враз дошло: он находится в номере гостиницы. Краснодарской. Мгновенно прокрутились в мозгу события последних трех дней – вызов к начальству, оформление командировки, отъезд из Губкина.

В этот раз Генка ехал в Азербайджан, и не один, а со своим начальником Васильевым, так как, кроме обычного задания – отбора проб глины для анализов непосредственно на месторождении, предстояло участвовать в важном совещании в Министерстве геологии республики по поводу этих самых глины. Вчера вечером они прибыли поездом в Краснодар и взяли билеты на самолет до Баку аж на вечер сегодняшнего дня. И вот сегодня – раннее осеннее утро, еще темно, а впереди – целый день и уйма времени, чтобы поваляться в номере на постели, потом, позавтракав, не спеша осмотреть город (Генка был в Краснодаре впервые), а ближе к вечеру заблаговременно отправиться в аэропорт.

Лениво текли мысли. Вспоминалась Марина, как вспоминалась постоянно все эти месяцы. Вдруг Генку словно обожгло: ведь она же где-то здесь, в Краснодарском крае... До вечера столько еще времени... Надо только съездить на автовокзал и посмотреть расписание автобусов!

3.

Генка вышел из гостиницы, и с этой минуты в его голове как будто заработал метроном. Он не видел города, не замечал спешащих на работу людей. Только спросил один раз, как добраться до автовокзала. Через 40 минут он уже изучал расписание автобусов по Краснодарскому краю.

То, что он делает что-то не то, Генка сам осознавал. Риск не вернуться вовремя в гостиницу, где оставался его начальник с билетами на самолет, и при этом сорвать как сам их вылет в Баку, так и запланированное там на завтра важное совещание, не говоря уж о других издержках – моральных и финансовых, риск этот был велик. Ибо Генка не имел даже представления ни о том, как регулярно ходит транспорт из Краснодара в нужный ему район, ни о том, как он будет потом добираться из райцентра до станицы, где жила Марина, ни, тем более, о том, сколько понадобится времени на обратный путь.

Однако как будто что-то толкало его вперед. Представлялось невероятным, что он может сегодня увидеть ее. Хотя он, собственно говоря, и не надеялся. Даже, наоборот, он был бы, может, скорее удовлетворен, чем разочарован, если бы, придя на автовокзал, не нашел в расписании нужного ему рейса или увидел бы, что опоздал. Это избавило бы его от шага, которому он сам просто уже не в силах был противиться.

Но рейс – был, и его даже не надо было долго ждать. Генка взял билет и уже в автобусе стал успокаивать себя: «Если увижу, что не успеваю, вернусь с полдороги». Метроном убystрял ход с каждой минутой.

4.

Когда Генка добрался на стареньком рейсовом автобусе до райцентра и сошел на конечной остановке, низкое осеннее

солнце отмерило уже почти половину светового дня. По-хорошему, надо было думать о возвращении в Краснодар. И самым разумным шагом сейчас было бы брать билет на этот же автобус, который отправлялся обратно через 15 минут. Но – быть с нею где-то почти уже рядом и не увидеть!

Генка тоскливо огляделся. За зданием автостанции, насколько хватал глаз, простиралось поле, у противоположного угла здания стоял мотоцикл с коляской, рядом – милиционер. Генка подошел, коротко изложил ситуацию, в которой он в данный момент находился.

– Друг, – сказал проникнувшийся рассказом милиционер, – я бы тебя сам отвез по той дивчины, но я на дежурстве. Станция эта недалеко, километров 20 по прямой отсюда, но автобус туда один только что отошел, а другой пойдет ближе к вечеру. Видишь, во-он в поле машины возят свеклу, попросись, они как раз ездят через ту станицу.

Перескочить укатанное уборочными машинами поле для Генки не составило большого труда, но как быстро летело время! Водитель одной из машин, также не оставшийся безучастным к рассказу Генки, посмотрел на свои часы, немного подумал, что-то, видимо, прикидывая, и коротко бросил:

– Садись!

5.

Трехтонный «ЗИЛ»-самосвал, доверху груженный свеклой, подвозил Генку к затерянной среди краснодарских полей станице. Водитель почти всю дорогу молчал, следя за ухабистой полевой дорогой и искоса поглядывая на сидящего рядом Генку, и только в начале пути поинтересовался, какие для того могут быть последствия на работе, если он не сможет вернуться в срок в гостиницу.

Въезжая в станицу, спросили у прохожего, как проехать на улицу Садовую, быстро нашли дом под номером пять... Все! Генка был у цели и не мог этому поверить. А времени на обратный путь оставалось все меньше.

– Слушай, – сказал водитель Генке, – ты иди, а я здесь подожду с машиной. Вдруг этой девчонки сейчас нет дома,

так хоть немного подвезу обратно, может, еще успеешь к самолету.

Дом – сколько раз он рисовался в воображении Генки! – был на несколько семей. Вот и дверь под номером три. Генка постучал. Из квартиры не доносилось никаких звуков. А может, Генка их не слышал из-за стука собственного сердца. Вдруг дверь открылась, на пороге стояла... она.

И все же это была не она! Эта только лишь чем-то напоминала ту – летнюю, загорелую, с будоражаще очерченной под легким сарафаном грудью, всю наполненную каким-то неизъяснимым светом. И взгляд не тот, и... короче говоря, эта была девчонка как девчонка, ничуть не хуже, но и не лучше других, а та... та куда-то исчезла навсегда.

Она стояла в проеме двери и смотрела на Генку, и было непонятно, узнала ли она его.

– Привет!

– Здравсьте!

– Помнишь, ехали вместе?

Да, она помнила и, значит, узнала. И продолжала смотреть, ожидая, что он скажет еще.

– Вот... опять в командировке... еду с товарищами по работе... на своей машине... как раз мимо вашей станицы.... Дай, думаю, загляну – по пути же!.. Хоть поздоровуюсь. Как ты поживаешь?

– Ничего. А ты как?

Больше говорить было не о чем. Конечно, если бы на месте этой была «та», Генка успел бы много ей сказать: как постоянно думал он о ней все эти месяцы, как поют в Губкине его друзья и подруги написанную им шуточную песню «Марина», с каким сочувствием отнеслись к нему сегодня ее земляки – милиционер и водитель. И кто знает, может, и она тогда бы сказала, что она ждала, что он напишет ей, что в десятом классе задают много уроков... Но...

– Ну что, я пойду... Меня там, на улице товарищи ждут.

– Да, хорошо.

– До свиданья...

– До свиданья!

6.

Обратно Генка ехал опустошенным, к тому же все сильнее было чувство тревоги, что он может не успеть к самолету. Водитель, которому он вынужден был соврать, что не застал Марину дома, очень за Генку переживал и всю дорогу, пока ехали вместе, успокаивал его. А, разгружаясь на свеклоприемном пункте, притащил откуда-то огромный арбуз и положил его в кабину к Генкиным ногам:

– Наши, краснодарские. Не горюй, друг, встретишься еще с этой девочкой! Напишешь ей, и она обязательно ответит.

И, наконец, сделав приличный крюк, он вывез Генку на широкую автостраду, по которой проходили все междугородные автобусы на Краснодар, и, проехав еще некоторое время, высадил Генку вместе с арбузом в совершенно безлюдном и, казалось бы, неприметном месте:

– Здесь все автобусы останавливаются, только надо голосовать. Прощай, друг!

Развернулся и быстро скрылся в сгущающихся сумерках.

К великому облегчению Генки, ждать ему пришлось недолго. И когда огромный шикарный автобус остановился возле одинокой Генкиной фигуры, и дверь его мягко отошла в сторону, Генка окончательно понял, что теперь он может успеть.

7.

Оставалось еще минут 40 до отправки в аэропорт, когда перед уже не на шутку встревоженным Генкиным начальником появился Генка с большим арбузом в руках. Еще с порога он сразу начал перечислять, в каких местах города успел за день побывать, включив в перечень два музея, парк, кинотеатр и кое-что еще (отрепетировал, пока ехал в автобусе). Говорил и одновременно разрезал своим складным ножом арбуз, который и впрямь внутри был великолепен. А когда несколько остывший Васильев, принимая от Генки лучшие куски из середины арбуза, спросил у того, какой же фильм он смотрел сегодня в кинотеатре, Генка запнулся и тут же ответил, не моргнув глазом:

– Любовь с первого взгляда

- Ну и как?
- Любовь приходит один раз, и ее надо угадать, – немного помолчав и то ли процитировав кого-то, то ли выразив свое выстраданное, глубокомысленно изрек Генка.
- А если не угадаешь?
- Генка нахмурился... Потом посмотрел на своего начальника, улыбнулся и ответил:
- Угадаю. Обязательно угадаю!

Поцелуй от девочки... на картинке *(новогодний рассказ)*

Корпоративная новогодняя вечеринка была уже в разгаре, было сказано достаточно тёплых слов вслед уходящему году, а до наступления Нового года оставалось еще более часа. Шёл снег, за окнами было белым-бело, кто-то подал трезвую идею всем одеться и выйти на улицу поиграть в снежки. Идею приняли «на ура».

Инна Сергеевна, войдя в свой номер, быстро переоделась, благо времени много на это не понадобилось: они и так прибыли сюда все по-походному, договорившись ещё раньше встретить этот Новый год не врозь, каждый – под домашней ёлочкой с лампочками, а всем своим небольшим коллективом среди живых елей и под звёздами. Для этого и сняли всего лишь на сутки несколько номеров в кемпинге за городом, в сосновом бору. Одно лишь сейчас огорчало Инну Сергеевну: муж её, известный в городе хирург, не мог по работе в эту новогоднюю ночь находиться с нею рядом. Но это он настоял, чтобы она поехала с коллективом.

Когда все оказались на улице, кто-то громко запел «Ах, эта свадьба, свадьба пела и плясала...», песню подхватили, развеселившись, начали гоняться друг за другом, стараясь сыпнуть в лицо снегом или столкнуть в сугроб у края расчищенной дворником дорожки. Немного утомившись, образовали широкий круг и стали бросаться снежками.

- Ой! – вдруг вскрикнула Инна Сергеевна, – я, кажется,

кольцо потеряла! – Она растерянно смотрела то на сослуживцев, то на пальцы своей правой руки, как будто видела их впервые.

– Всё ясно, как божий день, – изрёк шеф. – Палец от холода ужася, и Ваше кольцо в какой то момент слетело с него в момент бросания снежка. Ищем все!

– Кто найдёт, того награда ждёт! – объявил тут же Валька Козырь. – Лично я на меньшее, чем поцелуй всеми уважаемой нами Инны Сергеевны, не соглашусь! – и покосился в её сторону. Но той совсем не хотелось шутить, потеря обручального кольца, говорят, – к охлаждению в семейных отношениях.

Искали, кто как мог. Кто шарил в снегу руками, время от времени согревая их дыханием, кто ногами разгребал снежное колумесиво, переходя неопределённо с места на место, а кто подолгу стоял в одной точке, обшаривая взглядом белое пространство вокруг себя в надежде узреть искомую вещь, случайно блеснувшую в неярком свете ночных фонарей. А снег всё шёл. В конце концов, поиски решили оставить из-за, как выразился тот же Валька Козырь, «бесконечно малой величины вероятности находки, стремящейся к нулю». Инну Сергеевну утешали.

За две минуты до наступления Нового года, успев лишь сбросить верхнюю одежду, собрались снова за столом. После двух тостов стало опять шумно и весело, и Инна Сергеевна вместе со всеми пела и танцевала, но через некоторое время ушла в свой номер, сославшись на усталость. Придя, не сразу легла, расстроенные чувства снова овладели ею. Вспомнила, как 10 лет назад они с мужем, ещё в то время неженатые, вместе покупали это кольцо, и какая она тогда была счастливая. И теперь вот – потерять!.. Перед тем, как лечь, подошла к окну – снег уже не шёл. Увидела в глубине двора одинокую фигуру дворника с лопатой – скоро, значит, утро – и легла спать.

Когда она открыла глаза, было ещё темно. Встала, чтобы посмотреть время, оказывается, она спала не более двух часов. Выглянула в окно – взгляд упёрся в ту же картину, что и перед сном: сонные фонари и одинокая фигура работающего дворника с лопатой на том самом месте, где она и её коллеги

играли в снежки. Но вдруг, присмотревшись, поняла: это же никакой не дворник! Высокий мужчина в хорошей одежде (в такой дворники не работают) явно что-то искал в снегу. Неужели – кольцо?! Видно было, как он осторожно, словно снимает стружку, загребает тонким слоем в лопату очередную порцию снега и откидывает в сторону с лёгким подбросом вверх. Так в старину крестьянин подбрасывал лопатой обмолоченное зерно для лучшего его провеивания. Нечто подобное проделывают с песком иногда старатели на золотых приисках. Всё это Инна Сергеевна видела в кино. Она и сейчас, как замороженная, смотрела, не отрываясь и позабыв о времени. Слой за слоем, слой за слоем... как будто лопата работала на автомате. Вот уже почти и рассвело.... Вдруг её сердце ёкнуло: незнакомец быстро нагнулся и, подняв что-то, тут же стал искать глазами кого-то по окнам, за которыми скрывалась и Инна Сергеевна. Не раздумывая, она накинула на себя попавшуюся под руку одежду и выскочила на улицу. Незнакомец как будто ждал её. При её приближении сделал шаг навстречу и сказал спокойно, протягивая ей её кольцо: «Ваше? Возьмите!». И неожиданно тихо добавил: «Поцелуя, как видите, не требую».

Слышал, значит, как я объявляла о потере кольца, и Вальки Козыря слова при этом, – мелькнуло в голове Инны Сергеевны.

– Кто вы? – спросила она. Вопрос неожиданно для неё самой прозвучал несколько резко.

– Как видите, человек, – ответил тот, улыбаясь и не сводя глаз с её лица.

– Да уж вижу, что – человек, – голос её заметно смягчился, – но... почему Вы решили проделать ради меня такую работу да ещё в новогоднюю ночь?

– Ну, уж и работа – попросить у ночного сторожа лопату да поковыряться в снегу на свежем воздухе! – Незнакомцу, казалось, доставляло удовольствие подогреть любопытство в собеседнице.

– Но Вы же совсем не знаете меня!

Незнакомец усмехнулся.

– Я? Не знаю Вас? – Его лицо вдруг сделалось серьёзным и несколько грустным. – А впрочем, извините! Перед тем, как

мы с Вами сейчас расстанемся и, скорее всего, никогда уж больше не увидимся, я должен сказать Вам... – он немного помолчал и решительно заговорил снова:

– Я много лет ждал этой встречи. Не знал – где, не знал – когда, не знал даже – с кем. Но я знал, что Вы где-то есть, – не могли не быть! – и вот вчера, впервые увидев Вас здесь, – совершенно случайно, проездом через ваш город и этот кемпинг, – я понял, что не ошибся. Вижу, конечно, что... поздно. Только – не правда ли удивительное совпадение! – в том, что Вы будете по-прежнему носить именно это обручальное кольцо, хоть и подаренное Вам кем-то другим, есть теперь и моя заслуга. Пусть хоть так, я и за то теперь благодарен судьбе. И Вам тоже.

– А мне за что?

– За то, что Вы мне всё же встретились.

– Но с чего Вы когда-то решили, что я «есть на свете», если никогда меня не видели и не знали?

– В том-то и дело, что видел... на картинке. – Мужчина поднял на женщину глаза и печально улыбнулся. – Понимаете, в какой-то книжке был рисунок – изображение какой-то девочки... Карандашом. Мне тогда было лет 13-14. Книжку сейчас не помню и художника не помню, а девочку – запомнил. Как говорится, на всю мою оставшуюся жизнь.

– И теперь Вы решили, что та девочка была я?

– Точнее, решил, что Вы есть та девочка.

Для Инны Сергеевны не было существенной разницы между этими двумя выражениями, но для её собеседника она, чувствовалось, была. Он по-прежнему смотрел на нее, не сводя глаз, но взгляд этот был в то же время где-то в его, должно быть, прошлом. Она не знала этого прошлого, но, как видно, занимала в нём далеко не последнее место. И теперь чувствовала, что что-то большое и важное происходит сейчас в душе этого человека, и что она является причиной происходящего. Всё это было странно и неожиданно. Ей захотелось побольше узнать о нём, но она подсознательно ощущала, что когда один человек открывается другому в чём-то глубоко сокровенном, выстраданном в течение многих лет, может, в течение всей

своей жизни, всякие вопросы к сказанному могут показаться банальным женским любопытством. Она даже не спросила, женат ли он, есть ли у него семья.

Инна Сергеевна бросила взгляд на окна – нигде ни огонька: слава богу, все ещё спят после новогодней ночи! Ей не хотелось, чтобы кто-либо из её сослуживцев увидел её с каким-то мужчиной в это предрассветное время. Однако пора было уже и расставаться. Но как? Сказать «спасибо!», повернуться и уйти? И это после того, как он спас для неё, пожертвовав новогодней ночью, и вернул ей её обручальное кольцо! И потом сделал такое удивительное признание! Можно ещё пожать руку.... Нет, не то! Но не целовать же его, в самом деле! За 10 лет своего замужества она даже на лёгкий флирт своих подруг с чужими мужчинами смотрела не иначе, как лишь через призму их супружеской верности своим мужьям. А о чистоте отношений её самой с любимым мужем Федей в пору было слагать легенды. Их уж и так многие на работе называют «благочестивый князь Феодор и его супружница Феврония – Инна».

Поколебавшись, Инна Сергеевна слегка дотронулась своей рукой до руки незнакомца и тихо сказала:

– Спасибо за кольцо! – Чуть помолчав, добавила: – И за ту девочку. Вы не виноваты, что так поздно встретили её в моём лице. Значит, так угодно было Вашей судьбе,... да и моей тоже! С этими словами она решительно повернулась и пошла от него прочь, в то время как он продолжал стоять, глядя ей вслед. Но, не пройдя и десяти метров, она снова развернулась, быстро подошла к нему вплотную и, приподнявшись на носках, тихонько коснулась своими губами его губ, сказав при этом: «Это – от той девочки на картинке». И так же быстро ушла.

Наташа и Серёжа

Вот и наступила осень. Небо стало хмурым и неприветливым, а пожелтевшие листья так густо падают на газоны и тротуары, что рабочие не успевают сгрести их в кучи и увозить на машинах. Птиц почти не стало видно: одни улетели на юг, другим, видимо, как и мне, неуютно, и они где-то прячутся.

Я иду домой, в тепло. На улице Пильчикова встречаю Серёжу и Наташу – учащихся четвёртого класса школы №1. Они мне нравятся, весной этого года я их часто видел с оттопыренными пазухами, где сидели маленькие бездомные щенята. Ребята подходили к прохожим и спрашивали, не нужен ли им щенок? Я поинтересовался, как жизнь, куда ходили?

– В ниикмовские гаражи! Мы там кормили четверых щенков, у них нет мамы.

– И где они живут?

– В трубе.

– Чем же вы их кормили?

Ребята мнутя.

– Хлебом с колбасой.

– А домой не хотите их взять?

– Не, – говорит Серёжа. – У нас уже четверо во дворе. Чужая собака оценилась.

– И вы их тоже кормите? Куда ж вы их потом денете?

Ребята пожимают плечами и молчат.

– На Академической тоже хорошие щеночки, – говорит Наташа. – У них там и конура есть.

– Как, вы и туда ходите?!

– Да. И другие ходят.

– Да где ж вы колбасу им берёте?

– Колбасу... если есть. А так – хлеб, ещё что-нибудь.

– Ребята, – говорю, – да вам памятник поставить надо!

Мои слова кажутся им настолько забавными, что они начинают смеяться, сначала тихо, затем всё громче, потом хохочут, подталкивая друг друга. Я смеюсь вместе с ними.

Гуси прилетели

Недавно шёл я по вечернему Губкину. Время было достаточно позднее, по улицам проносились уже редкие машины, но ещё светились окна всех домов и ярко горели фонари. От этого небо, и без того закрытое облаками, казалось совсем тёмным и чужим. И вдруг из этой темноты до меня донеслось такое знакомое и близкое: «ка-га! ка-га!». Гуси! Прилетели! Весна то-то. А ведь только позавчера такая пурга в городе бушевала!

Напрасно я, запрокинув голову, старался разглядеть что-либо в тёмной выси. И такое было желание оповестить всех, кто находился сейчас за освещёнными окнами, что вот летят гуси и чтобы все услышали их тоже, выйдя из своих домов. Крики гусей не были заполошными, какие бывают при поспешном отлёте по осени в виду надвигающейся непогоды. Нет, это были даже не крики, а размеренные оклики, и от них веяло усталой умиротворённостью, что вот, дескать, и прилетели на родину. Подает голос вожак, и кто-то из стаи отзовется. Голоса то затихали, то слышались снова, когда летела новая стая.

Впереди себя я увидел стоящую посреди тротуара и целующуюся парочку. Им было, конечно не до гусей. При моём приближении они оторвались друг от друга, и я, поравнявшись с ними и услышав снова сверху «ка-га!», не удержался и произнёс в сторону молодых людей, указывая в небо: «Гуси!». И они тоже стали пытаться что-то рассмотреть там, вверху. Немного пройдя и оглянувшись, я увидел их уже снова целующимися. Но мне подумалось: кому-то из этих молодых людей, а может быть и обоим, независимо от того, будут ли они идти по жизни вместе или поврозь, и где бы они в тот момент ни находились, каждый раз по весне, при первых же донёсшихся с неба звуках гусиной переключки, обязательно тут же будет вспоминаться и та, другая, уже далёкая от них весна, где были только они, ещё такие молодые, целующиеся посреди освещённой улицы вечернего Губкина, да одинокий прохожий, объявивший им, что прилетели гуси.

Раздел 6

О земляках - в стихах

Край губкинский

Шла схватка за руду.
Хоть был разведан,
Но брался каждый горизонт «в штыки».
Край Губкинский!
На пьедестал победы
Взошли твои шахтёры-горняки!

Когда фашистской нечисти запало –
В который раз! – пойти на Русь войной,
Край Губкинский!
Ты дал стране немало
Защитников земли своей родной.

И так всегда:
за мирными ль трудами,
Во дни ль невзгод,
что испытать дано,
Край Губкинский!
Своими сыновьями
Тебе в веках гордиться суждено!

Памяти А. А. Кретова

Бывшему главе

Губкинского городского округа

Цвети и впредь, мой край – моя земля,
Как цвёл до этого!
...Был долго Кретов «у руля» –
Не стало Кретова.

Оставил край цветущим он –
Нам как наследие –
Самоотверженным трудом,
Своим усердием.

И был он строгим среди людей,
И был доверчивым.
Их не лишал любви своей,
Добросердечия.

Он сыном был земли родной,
С хозяйской сметкою...
Мой город, сохрани о нём
Ты память светлую!

Юность комсомольская

*Бывшим губкинским активистам
комсомола 60-х гг. посвящается*

Не говори о преклонных годах,
Жизнь – она штука таковская!
Белой ромашкой осталась в полях
Юность твоя комсомольская.

Всё было – светлое, всё – впереди!
Сердцем поверено!
Высветлит память значок на груди
С профилем Ленина.

Было за счастье – творить и дерзать
Вровень с эпохой.
Радость души своей жар раздавать
Знала неплохо ты.

Ты не тужи, что замедлен полёт,
Жизнь – она штука таковская!
Кругом спасательным в память вливёт
Юность твоя комсомольская.

В поезде жизни

Поезд мчится – с далью даль венчается.
Станция. Кому сойти – сошли.
– Осторожно! Двери закрываются! –
Снова свет зелёный впереди.

Публикою новой заполняется
Мой вагон. Всё меньше в нём друзей.
– Осторожно! Двери закрываются!..–
И несётся поезд всё быстрее.

За окном тьма ночи расстилается.
Каждому – свой час, когда сойти...
– Осторожно! Двери закрываются! –
Я – в вагоне. Я ещё в пути.

Октябрь в Губкине

(песня)

Тонкой прошвой по синему вороту –
Облаков серебристая рябь.
Осыпались каштаны по городу,
Золотился на ветках октябрь.

Припев:
Осень золотая
В городе моём.
Помнишь ли, как в мае
Шли с тобой вдвоём?
И цвели каштаны –
Радовали глаз.
Буйные фонтаны
Привечали нас!

Проплывали, как сны из отрочества,
Гуси-лебеди в высях седых
И скрывались, суля одиночество,
За отвалами гор меловых.

Ну а я эту боль обезболивал
Тем, что, как в утешенье себе,
Шёл и каждый каштан подфутболивал
И всё пел о родной стороне.

* * *

*Арситовой Н. В.–
талантливому
губкинскому композитору*

Когда стихи крапал я в крае отчем,
В приделы грёз томительных моих
Вошли Вы, и уверенней и чётче
С приходом Вашим зазвучал мой стих.

И в благодарной памяти остался,
И был отмечен мною Ваш приход
По чудным звукам Губкинского вальса,
Божественным распевам Ваших нот.

И по тому ещё, что в отчем крае
С его полями, хлебом и рудой
Стихи со временем не умирают,
Но в песнях музыкантов оживают
И остаются в памяти людской.

Ласковый апрель

Геологу В. Балакиной

Каждый год, когда пора –
весенняя,
И звенит капель,
И спешит на чей-то
день рождения
Ласковый апрель,
Мне не надо в памяти просеивать
Образы, слова...
Валя, Валентина Федосеевна
Явится сперва.
Явится в девическом обличии
Юная краса.
За спиною девушки улыбчивой –
Русая коса.
И глаза пока что не заплаканы,
И уходит вслед
С молодым геологом Балакиным
В голубой рассвет.
Долог путь, маршрутом обозначенный,
Сладок дым костра...
Всё проходит,
И за всё уплачено.
И забыть пора.
Только вдруг,
когда порой весеннею
Зазвенит капель,
Всё спешит на Валин день рождения
Ласковый апрель.

Моей жене

Приду, а дома – никого.
Такая жалость!
Ты на работе вновь того...
Подзадержалась?
Никто, конечно, не ворчит.
Никто не ахнет,
Но и в кастрюлях – не шкворчит.
Ничем не пахнет.
И вспомню все твои зараз
Я прегрешенья.
Учти, не будет в этот час
Тебе прощенья!
Вчера меня ты ни за что
Вдруг обругала,
Я не бросал свое пальто
Куда попало.
Друзья недавно в гости нас
К себе позвали,
Из-за тебя на целый час
Мы опоздали.
И если уж на то пошло,
Сказать не меньше,
То вообще: на свете зло
Все – из-за женщин...
Но ты придешь к исходу дня,
Пальтишко сбросишь,
«Ну что ты ел тут без меня?»
Устало спросишь.
И гнев, что в сердце накоплю,
Сменю на милость.
Я все равно тебя люблю,
Что б ни случилось.

* * *

Узором в снежном домике
Казались мне
Цветы на подоконнике
В твоём окне
Но время мчит, проворное,
И – тот же дом –
Рассада помидорная
В окне твоём.
Иду и чуть досадою:
А где ж цветы?
Над ящиком с рассадою
Колдуешь ты.
Глядишь, как семя-зёрнышко
Идёт в росток,
Сама под вешним солнышком
Ты, как цветок.
И лучик солнца ласковый –
Ах, озорник!
К прикрытой чуть халатиком
Груди приник.
И вся насквозь желанная,
Врываясь в сны,
Поёшь, как пташка ранняя
Приход весны.

* * *

Друг у друга не спросим.
Кто и в чем виноват.
В нашем городе осень
Шьет себе уж наряд.

А за городом ивы
Притулились к пруду.
Без тебя, мой ревнивый,
К ним теперь я иду.

И, желтея, покосы
Льнут к угрюмым стогам,
И обильные росы –
По осенним лугам,

И знакомо до дрожи
Мне кричат журавли.
Без тебя, мой хороший,
Я машу им с земли.

Ты, наверно, уж бросил
Обо мне вспоминать...
Ах, зачем в эту осень
Ты мне снишься опять!

Певец родного края

Пусть в нарывах гнева и протеста
Стихи мои им века не продлят:
Поэзии любви все меньше места
Там, где царит поэзия рубля.

Но может быть, устав от потрясений,
Прочтут меня в краю моих отцов.
Пусть скажут обо мне, мол, «не Есенин!»
Пусть скажут обо мне, мол «не Рубцов!»

Еще придет, придет он непременно
Певец родимых далей и любви.
Пусть перед ним коленопреклоненно
Замрут в восторге губки мои.

Но чудному его напеву внемля
О крае, где и я когда-то жил,
Пусть скажут так: «Он любит эту землю,
Наверное, как Прасолов любил».

По Аверинской дороге

Когда за жизнью суетной
Я понимаю запоздало,
Что где конец судьбы одной,
Там для другой уже начало.
Что у порога тех начал
Я тщетно выбором томился –
И петь Советы перестал,
И к «новым русским» не прибился.
Когда во мне издалека
Почти готовый стих уж бьётся,
И лишь последняя строка
И просится, и не даётся.
И я за ней бросаюсь вслед,
И по аверинской дороге
Уж мчит меня велосипед –
Товарищ мой оленерогий.
И в сладких запахах полей
Я запах детства различаю,
И веет миром от церквей,
Что за холмом меня встречают.
И золотятся купола,
И дальний лес за дымкой тает,
И с чье-то пасеки пчела
Дорогу мне пересекает.
И всё ласкает солнца луч:
И незатейливые дачи,
И возведённые «под ключ»
Дворцы «джентльменов от удачи» ...
Тогда стихает горечь ран
И растворяются сомненья.
И спас-Преображенский храм
Мне шлёт своё благословенье.

Геологам шахты им. Губкина

Оставив утро голубое,
Тепла домашнего уют,
Он клетью спустится к забою
Во глубину железных руд.
И под лучом шахтёрской лампы
К нему рванутся из-под ног
Лишь им читаемые тайны
В руду спрессованных эпох.
И только в памяти святыней
Взойдут на кончике пера
И солнце жаркое пустыни,
И дым таёжного костра.

Солдатская вдова

*Матери моей,
Прасоловой Пелагее Пантелеевне,
посвящается*

Не знала горя и обид
За мужниной спиной.
Но муж был отнят и убит
Проклятою войной.
И слово горькое «вдова»
Познала с юных лет,
И – будто изморозь легла
На яблоневого цвет.
Тащила непосильный воз,
Детишек берегла
И мужа до седых волос
Тайком от всех ждала...
Приходит в бликах янтаря
В край губкинский рассвет.
На бобродворские поля
Дневной ложится свет.
Там, за околицей села,
Одетая в гранит,
Как символ верности вдова
С детишками стоит.
И солнца жаркого лучи
У них над головой.
И светят звезды им в ночи
И месяц молодой.

Освобождение

Ещё февраль
вовсю кружил и вьюжил,
Мели снега.
Но был уж край мой
лишь во власти стужи,
Но – не врага.
И беззаботно ребягня
сновала
Из дома в дом.
И это
быть свободным означало
В краю родном.
И с той свободы
явно захмелевший,
Терзая слух,
Орал победно
чудом уцелевший
Родной петух.
И толковали бабы
у колодца
Ночные сны...
И так мечталось,
что живым вернётся
Отец с войны.

Памяти А. С. Москалёва -

*первого редактора городской газеты
«Знамя Ильича» («Новое время»)*

Скромно жил –
и скромно проводили:
Тихо шли за гробом вдоль дороги.
Улиц городских не запрудили,
Лишь цветы все падали под ноги.
Встретило село в молчанье строгом.
Бабы из толпы попричитали.
Три рябины над родным порогом
В дом родительский все зазывали.
На краю заросшего погоста
Потужили и земле предали...
Просто жил – и схоронили просто.
Поминали – мудрым называли.

За тихой речкой

Там, где за речкой Оскольцом,
Смыкая кроны,
Из ив сплетается в кольцо
Приют влюбленным,
И тихоструйный Осколец
Им песнь воркует,
И счастье сладостный певец
В ветвях колдует,
Там тайны спят средь ив густых.
И есть там место,
Где мы с тобою – не жених
И не невеста,
Но под журчанье легких струй,
Тая волнение
И рук, как робкий поцелуй,
Прикосновение, –
Вбирали все: и трав настой,
И эти звуки,
Чтоб в стороне потом чужой,
С тобой в разлуке,
Мы не забыли, повзрослев,
Те ивы в мае
И тот, единственный, напев
Родного края,
Что все уносит в отчий дом
И в то местечко...
За тихой речкой Оскольцом,
За тихой речкой.

Не вспоминай

Сестре Любе
Не вспоминай!
Хоть и снятся порой
Сны первородные,
Незачем нам возвращаться с тобой
В детство голодное!

Разве что будет там ждать нас сверчок
В хате за печкою,
Да во дворе пес соседский Волчок
Брякать колечками.

Да в огороде – уставшая мать
С верной лопатой,
Не переставшая ждать всё и ждать
Мужа-солдата.

Да по «низам» – всё ключи, родники,
Копанок линии...
А по полям – васильки, васильки
Синие-синие!

«Катя, прости!...»

На тротуаре –
    не соскresti! –
Краскою,
    будто векам трубя, –
Надпись, как вспышка:
«Катя, прости!
Очень я сильно
    люблю тебя!»
В доме большом
    за каким окном
Скрытый от взоров
    объект мольбы?
Мнится прохожим:
    в крике немом
Боль – осознанье
    чьей-то вины.
Кто виноват?
Провинился – в чем?
Надпись по камню –
    в аршин строкой.
Может быть, сам
    пред собой обличен,
Вынес мальчишка
    на суд людской,
Что не могло
    уж сердце вместить,
Равно – ликуя или скорбя?..
Город читает: «Катя, прости!
Очень я сильно
    люблю тебя!»

В воскресный день

Встану пораньше
(хоть мог бы понежиться!),
Выведу велосипед.
На занавесках оконных прорежется
Четкий жены силуэт.
Распорядиться своею свободою
Я захочу по-уму:
Еду, люблюсь родною природою
Да на педали всё жму.
Справа по ходу
«Журавлики» тянутся,
Слева – поля и поля...
Как я люблю тебя, богоизбранница, –
Губкинской славы земля!
Пусть ты не блещешь
красотами южными,
Скромен, но мил твой «прикид».
Глянешь –
и станут слова все ненужными,
Сердце лишь сладко щемит.
День увенчает закат
догорающий,
Велосипед – на прикол!
Спросит с порога жена понимающе:
Что ж, мол, хоть душу – отвел?

Лапта

Школьники-отроки.

Зелено-молодо.

Судьи и тренеры.

Первенство города.

Мячик взмывает к стригам в высоту.

Школа на школу – бьются в лапту.

И стадион им – арена для доблести.

Вон, кто-то мчится на «бешеной»

скорости,

Вот-вот засалят... но – мимо! Впросак!

Ветер запутался лишь в волосах.

Удалю каждый

кипит беззаветною,

Каждый – с командой.

И грезит – победою.

Но обойти все ж поди-ка сумей

Первую школу пятый лицей!

Школьники-отроки!

Зелено-молодо!

Юность прекрасная

Губкина – города.

У входа в поликлинику

У входа в поликлинику –
Широкая ступенечка.
Стояла на ступенечке,
Покуривая, девочка.
Сама – почти, как деточка,
Хотя уже – «с животиком»,
Играла сигареточкой,
Кривясь красивым ротиком.
Курила с наслаждением
И с видом вызывающим,
Что, мол, плюет на мнение
Она всех окружающих.
Но мимо шли прохожие
И, по делам спешившие,
Лишь взгляды осторожные
Бросали на курившую.

* * *

Каждый день – всё новые
За окном проталинки.
Хочешь, поведу тебя
Завтра в лес «Журавлики»?
К таинству причастные
Дней весенних вестники,
Говорят, проклюнулись
Там уже подснежники.
Будет за туманами
Город ждать белесыми –
Скромных два букетика
Принесём из леса мы.
И в весенних запахах
Вдруг потонут улицы,
Открывайте форточки,
Дорогие губкинцы!
Скоро будут лужи вам,
Чтоб пускать кораблики...
Хочешь, поведу тебя
Завтра в лес «Журавлики»?

Уходят губкинские парни

Уходят губкинские парни
В глазах – задор, а в горле – ком.
Уходят губкинские парни,
И жмёт им руки военком.

Уходят губкинские парни,
Подругам, Родине верны.
Не на войну уходят парни,
А – чтобы не было войны.

Малознакомая женщина

Женщина малознакомая,
Глазки – печальные бусинки:
– Ах, напишите, пожалуйста,
Стих к моему юбилею!

Вы напишите про девочку
Ту, что когда-то я знала!
Тонкую, хрупкую веточку
Ворохом лет забросало.

Только хранит она свято
Верность родной деревеньке,
Лугу и речке, и полю
В белых больших ромашках...

– Ах, вы, печальные бусинки!
Женщина малознакомая!
Тонкая, хрупкая веточка –
В поле ромашковом девочка!

По родному городу

По родному городу
Я хожу-брожу.
Был каким он смолоду,
В памяти держу.
Был он неказистеньким,
Был не очень чистеньким,
Был, скорее, грязненьким,
Кроме, если – в праздники.
Но его любили мы,
Но с ним вровень были мы,
Его славным будущим
Уж тогда гордились мы.
Всё сбылось, как думалось,
Виделось и верилось, –
Славой громкой города
Наша жизнь измерилась.
И теперь по городу
Я хожу-брожу,
Мало чего «смолоду»
В нём я нахожу.

Послушайте, доктор

Послушайте, доктор! Сегодняшней ночью
Мне снился мой дом и родные поля.
Неужто уже не увижу воочью,
Как паром исходит весною земля!

Послушайте, доктор! Из окон палаты
Я видел – две ласточки вили гнездо.
Мне б только дожждаться, когда ласточата
Мелькнут перед окнами, встав на крыло!

Послушайте, доктор! Наверное, плохи
Дела мои: был, коль, печален Ваш вздох.
Мне б только дожждать.... Да помогут мне боги!..
А доктор вздыхает. И доктор – не Бог.

У второй у школы

*Посвящается первому выпуску (1956 г.)
Губкинской средней школы №2
и её первому секретарю комсомольской
организации Прасоловой Л. В.*

У второй у школы –
Берёзки в ряд.
По утрам над школой
Грачи галдят.
Забредёшь и – вот он –
Второй этаж:
На стене на фото –
Весь выпуск ваш.
Твой задор завиден,
Коса – до плеч.
Комсомольский лидер,
Ты держишь речь.
Только скоро порознь
Вам плыть в шторма,
Молодая поросль
Посёлка КМА.
Будет свеж и молод
Вам ветер в грудь,
Будет Губкин-город
В «лесах» тонуть.
Пролетят полвека,
Как день один...
Пух – белее снега! –
С твоих седин.
Но на месте том же
Тот школьный двор.
Там стоит всё тот же
Ребячий ор.
Забредёшь и – вот он –
Второй этаж:
На стене на фото
Весь выпуск ваш.

Во мгле «перестройки»

1.

В тихом моём городе
Голуби всё воркуют.
Под голубиные говоры
Всё колдуны колдуют.
Спрос на волхвов неистов –
Время что ли такое? –
Людам от «силы нечистой»
В городе нет покоя.
В душах такое творится!
Бесов в себя впускают.
Нет бы перекреститься!
Только про крест забывают.
И, одержимые духом
Злобы ли, пьянства ли, блуда,
Слушают все вполуха
Про покаянья чудо.
Сердцем всё же постигнут
Сроки и дня, и часа –
Храм на горе воздвигнут
Преображенья Спаса.

2.

Подвенечное платье

Каблучками клацая
от волненья,
Женщина в редакции –
с объявлением.
Словно боль сердечная
отдаётся:
«Платье подвенечное

продаётся!»!
Не по доброй волюшке
да с охотой,
А по грустной долюшке –
безработной.
Совість – безупречная,
да не кормит.
Платье подвенечное...
Есть что вспомнить!
Любовался суженый
белым платьем,
Приминались кружева
от объятий.
И звала гармоника
для распева,
И шепталась публика:
«Королева!»
Счастье – вещь не вечная.
Круг замкнётся...
Платье подвенечное
продаётся.

3.

Хочется выжить

Утро спешит ночь открыть.
С мыслью встаю: как бы выжить!
Ум – в голове, сила – в теле.
Но – выжить как в самом деле?
Всюду идёт торг открытый.
Кто подороже, тот и сытый.
Девочка робко к панели жмётся.
Хочет выжить и – продаётся.
Парни крутые с тех, кто пожиже,
Дань собирают, чтобы выжить.
Думные «дьяки» закон мурыжат.
Каждый своё хочет выжать.
В щёлку забьюсь осторожно.

Врать научусь всем безбожно.
И обо мне скажут тоже:
«Надо ж, подлец, выжил всё же!»

4.

Праздничная площадь

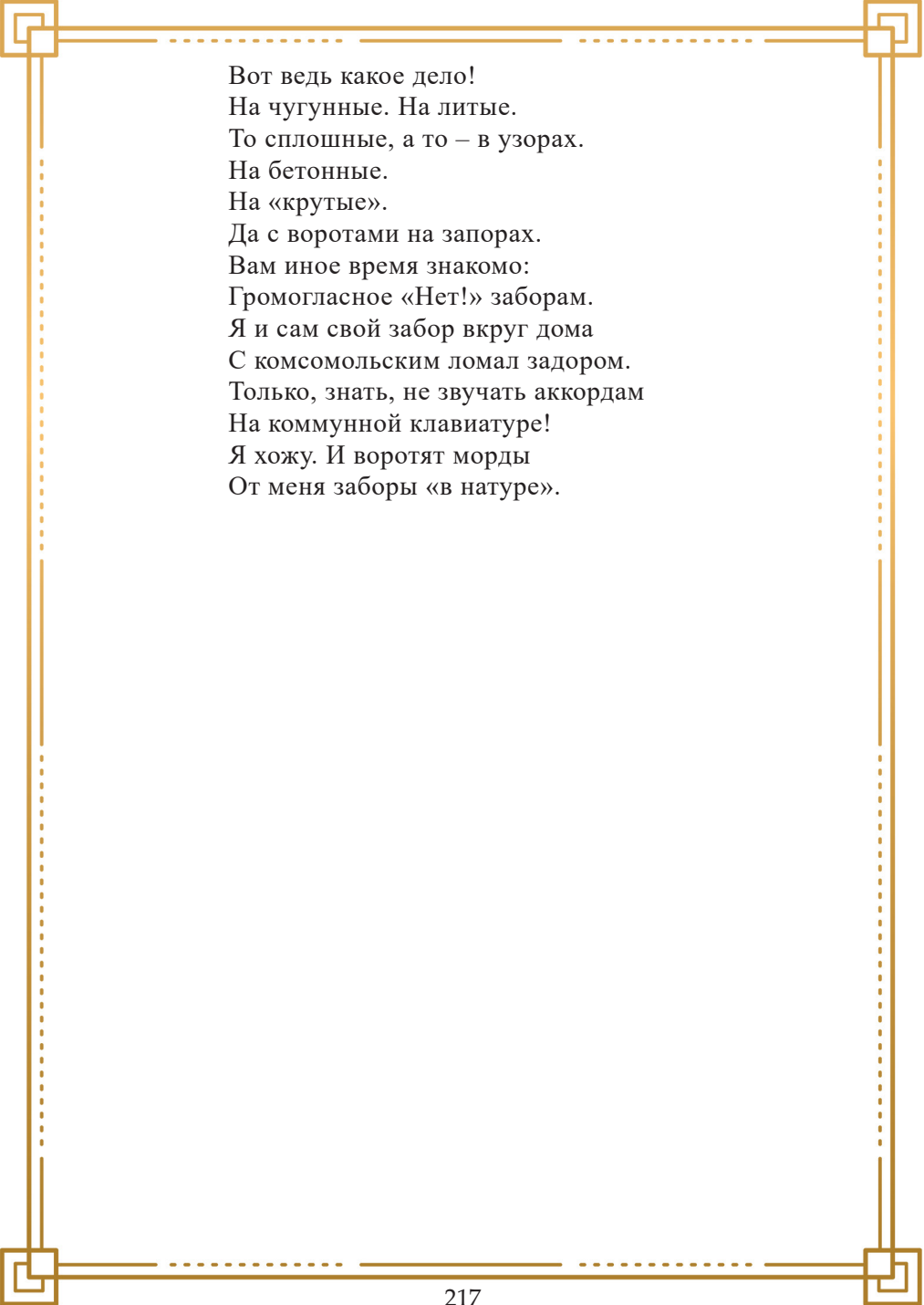
Был народ, как загнанная лошадь.
Шёл он, как над пропастью по краю,
И, придя на праздничную площадь,
Плакался «в жилетку» Первомаю.
Что вот вышла «перестройка» боком,
Что совсем реформы придавили,
И что все мы в прошлом недалёком
Не на много, но достойней жили.
Хоть чуть-чуть, но всё ж была забота,
Хоть чуть-чуть, но вовремя платили,
Если ж кто-то обижал кого-то,
То управу всё же находили.
И какой-то молодой оратор
Обещал достойным быть эпохи,
Обещал вернуть он ветеранам
Ими завоёванные крохи.
И, немного строгий от волненья,
У небес священник удручённый
В микрофон просил благословенья
На любовь сердец ожесточённых.
И покуда длилась эта «месса»,
И молили люди о Мессии,
Сыто проплывали в мерседесах
Новые хозяева России.

5.

Заборы

Старым коммунистам
Не тусуйте! Не время родам
Той, что святостью беременела!
На заборы сегодня мода,

Вот ведь какое дело!
На чугунные. На литые.
То сплошные, а то – в узорах.
На бетонные.
На «крутые».
Да с воротами на запорах.
Вам иное время знакомо:
Громогласное «Нет!» заборам.
Я и сам свой забор вокруг дома
С комсомольским ломал задором.
Только, знать, не звучать аккордам
На коммунной клавиатуре!
Я хожу. И воротят морды
От меня заборы «в натуре».

Стихи - с улыбкой

*Жизнь серьёзна всегда,
но жить всегда серьёзно – нельзя.*

Г. Честертон

По улице Чайковского

*В 1977 г. ул. Чайковского
была переименована в ул. Димитрова,
а в 2000 г. ей вернули старое название.*

Бывают– поверите, нет ли –
На свете ещё чудеса:
Вчера вот иду, а навстречу...
Навстречу Чайковский сам.
Чайковский ведь кто? Он гений!
Он гордость России и свет!
А я? Неизвестный Евгений.
На уровне местном поэт.
Но будучи всё-таки связан
С ним чувством к России одним,
Я был извиниться обязан,
И я извинился пред ним.
За то, что хоть город мой свято
О нём свою память хранил,
Из города всё же когда-то
Он выдворен нами был.
Но ныне – свои мы «в доску»!
Вновь с нами ты, Пётр Ильич!

Ты ж видишь, какой в отмостку
Кладём мы тебе кирпич!
Какие вокруг газоны!
Теперь лишь тебе здесь жить!
Ах, были ну что за резоны
Чужого здесь дядю ютить!
И прошлого что нам стыдиться!
Курс новый мы выверим свой....
Уж городу Губкину снится,
Что он как бы стал – областной.

За День любви и верности

Уж сколько дней (да и ночей!)
Муж у жены в немилости!
Но нынче выпить хочет с ней
За День любви и верности.
Он перед нею виноват.
Вина его доказана!
И не возьмёт она назад
Тех слов, что ею сказаны!
Что ж перед нею он стоит
С наполненными стопками
И сердце взглядами сверлит
Прозящими и робкими?
Жена на мужа глянула
С упрёком-укоризною,
Из глаз её непрошенно
Уж слёзы чуть не брызнули.
Нахмурилась. Задумалась.
Вдруг улыбнулась ласково:
За День любви и верности,
Мой ненаглядный, ясный мой!

На утренней прогулке

Загребая лист опавший,
Побреду, предавшись музе,
Чтобы лучше было каше
Перевариваться в пузе.
Буду знать, что ты – далёко,
Буду ждать, что – заскучаешь,
К моей жизни одинокой,
Может, сердцем ты оттаешь.
И вернёшься ты в надежде,
Что залогом встречи нашей
Будет ждать тебя, как прежде,
На столе горшочек с кашей.

Разыграла

Эх, была-не была!
Раз такая потеха –
Я к нему подошла
И сказала в День смеха,
Чтоб других за версту
Обходил стороною,
Что, когда подрасту,
Его буду женою.
И над шуткой такой
Я смеялась немало,
Как в День смеха легко
Я его разыграла.
Ну а он не понял –
Ждать всерьёз меня взялся.
Годы шли – он всё ждал,
Я росла – он дождался.
И теперь для меня –
Вот какая потеха! –
Нет серьёзнее дня,
Чем в апреле – День смеха.

Розовая долина

*Женскому коллективу
N-го учреждения*

Разве я в этом как-то повинен?
И за это с меня разве спрос?
Оказался в роскошной долине –
Я в долине из розовых роз.

Что ни роза – гармония света!
Что ни куст – вдохновенья поток...
И ложилися красками лета
На узор к лепестку лепесток.

Было чудно и страшно немного
Средь такой красоты мне брести –
И нельзя ни руками потрогать,
Ни к губам их своим поднести.

И хоть прошлое не повторится, –
Чист уже горизонт мой от грёз! –
Только, может, нет-нет да приснится
Мне долина из розовых роз.

* * *

*Памяти Николая Щербакова,
машиниста электровоза
Лебединского ГОКа и поэта*

Карьер, что в Лебедях, воспойте, барды!
Запас да не скудеет ваших слов!
Там счёт руды идёт на миллиарды.
А кто её вывозит?
Щербаков!

Что, нет певцов? Никто тому не верьте!
Про край наш рудный много есть стихов.
Я сам читал их в городской газете.
А кто стихи те пишет?
Щербаков!

И потому, когда, как мерин старый,
Медлительно взбираясь на откос,
Везя с рудой железною думпкары,
Натруженно пыхтит электровоз,

Я знаю точно, с ним в одной упряжке,
Презрев уют обоев и шелков,
Не менее старательно и тяжко
Пыхтит над рифмою
наш славный Щербаков.

* * *

Говорил любимый
Три коротких слова,
Я ему поверить
Уж была готова.

Я ему ответить
Уж была согласна,
А он взял и сгинул-
Будто в воду канул.

С мыслью об измене
Не хочу мириться –
Не могла ж так просто
В нем я ошибиться!

Лишь с одним исходом
Соглашусь заране:
Что его забрали
Инопланетяне.

Извековой Т. И.

Директору ЦБС г. Губкина

Извекова Татьяна
Представила мне лично
Отдел свой хоть и строгий,
Но, в целом, симпатичный.
Приветливые девы
В отделе обитали,
Таинственные знаки
Они мне начертали.
Чтоб знаками я теми
Свои украсил книжки,
Чтоб с книгами другими
Им быть в одной «кулижке».
Чтоб быстро находились
(а заодно – читались!),
Чтоб правильно на полках
Всегда бы расставлялись.
Директора Татьяну
Благодарил я лично.
И тот отдел – хоть строгий,
Но, в целом, симпатичный.

* * *

Румакову Г. С. в день его 85-летия

Пусть хвалиться мне особо нечем:
Ну... пожил, ну... восемьдесят два!
С Румаковым Германом Сергейчем
Всё ж не зря свела меня судьба.

Есть теперь мне у кого учиться,
Есть теперь с кого пример мне брать:
Он спортсмен, он телом молодится,
Хоть ему уж восемьдесят пять.

Он по часу делает зарядку.
В теннис – так обставит молодых.
Танцевать – так чуть ли не вприсядку!
Средь ровесников – живее всех живых!!

Помощь от него «не заржавеет»:
Разбуди его ты ночь-полночь –
Он всегда откликнуться сумеет
И всегда старается помочь.

Женщин – рой, всё вокруг него роятся,
В возрасте – но всё же хороши!
Песнями с ним общими роднятся,
И не чают в нём они души.

В головах друзей он мысли множит:
Средь тех женщин – надо понимать! –
Кто-то и на них свой глаз «положит»,
Пусть лишь стукнет восемьдесят пять!

Моя городская газета

Газете «Новое время»

В рабочее время, в часы ли досуга,
Зимой ли, средь знойного ль лета
Всегда ты со мной, поводырь и подруга –
Моя городская газета.
Возьму тебя в руки, пройдуся по страницам:
А ну-ка, о чём нам тут пишут?
И вот уж мне ведомо, где что творится,
Чем город живёт мой и дышит.
И всем, как и мне, кто с тобой подружился,
Поведает каждый твой номер,
Когда кто родился, на ком кто женился,
И кто – ах ты, Господи! – помер.
Вы что-то купить иль продать захотели?
Но вы – «тёмный лес» в конъюнктуре?
О ней вам, представьте, два раза в неделю
Объявит газета в натуре.
И если, и если я вдруг занедужу
(случится ведь всякое может!),
Раскрою газету – и тут же, и тут же
Газета советом поможет.
В рабочее время, в часы ли досуга,
Зимой ли, средь знойного ль лета
Всегда ты со мной, поводырь и подруга –
Моя городская газета.

Девочки мои

До забвенья, до слез
я люблю город свой.
Все мне, всё в этом городе нравится!
Он и сам небольшой,
и народ в нем простой,
Только... девочки матом ругаются.
Я хожу по нему,
мои мысли чисты,
Будто город мой в них отражается,
И по скверам цветы
ну, такой красоты!
А вот девочки – матом ругаются.
Я бы к ним подошел,
я у них бы спросил:
«Что ж вы, девочки, матом ругаетесь?
Вдруг с приданным таким –
Боже вас упаси! –
Вы мальчишкам
своим разонравитесь?!»
Я люблю город свой
до волненья, до слез.
Все мне, все в моем городе нравится!
Я к нему всей душою,
всем сердцем прирос,
Жаль вот,
девочки матом ругаются.

Мои знакомые «девчонки»

Хожу по знакомым улицам,
Знакомым «девчонкам» встречаюсь.
Они мне улыбаются,
Я им улыбаюсь.

«Девчонки» мои – смешные.
«Девчонки» – великолепные!
Личики их – великолепные,
Улыбки – чуть-чуть! – озорные.

Мимо идут мои «девочки» –
То – одиночки, то – парочки...
Вкруг глаз их – морщинок сеточки,
В руках у них – «шведские» палочки.

На дачу

жене

По улице Лунной – ленок голубой
Да синее небо в придачу.
С утра мы на великах едем с тобой
На дачу, на дачу, на дачу.

Почти что профессор ты в дачных делах,
А я ничего в них не значу.
Но мчусь за тобою на всех я парах
На дачу, на дачу, на дачу.

Ты будешь на даче полоть, поливать,
Себя ей отдав без остачи.
Конечно, я буду тебе помогать.
Иначе, зачем я на даче?

Вставай, Евгений!

Не плачу и не возмущаюсь –
Готов к кончине в час любой!
Но, как могу, сопротивляюсь
Я этой «бабушке с косой»:

Стараюсь пить с друзьями в меру,
Не объедаться, не курить,
Блюсти покой пенсионера
И зла на ближних не копить.

По мере сил, с велосипедом
Дружить наперекор годам,
Себя напутствуя при этом,
В постели лёжа, по утрам:

Вставай, Евгений, бранник божий!
Ещё день людям послужи!
И что Господь тебе положит,
То исполняй и – не тужи!

Оглавление

Об авторе	3
От автора	4
Моим землякам	5
О городе – ровеснике моём	6
<i>Раздел 1. У села Коробково</i>	7
«Пелёнки» новорожденного города	8
От шахтного ствола	11
В. А. Ходеев	12
Н. С. Белых	14
П. И. Сотников	17
В. А. Артёменко	20
Ю. А. Чистников	27
В. К. Томаев	33
Наш Лёха	38
Шахтёрская закваска	40
<i>Раздел 2. У деревни Лебеди</i>	41
Говорят, каждое время рождает соих героев...	42
Самый-самый первый день	43
В. Е. Холопов: «А экскаваторщиков любили!..»	46
Марусины уступы	49
Правильный выбор	53
Лебедянская учительница лебединцев	54
Церковь моего детства	61
<i>Раздел 3. Память не знает покоя</i>	67
Гудит в сердцах набат	68
В сквере Шахтёрской славы	69
Есть ли душа у памятника?	70
В хлеву родился, на войне крестился	74
Гармонист на танке и вальс «Над волнами»	78
«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»	83
Что кому суждено	87
Молитва русского по духу	88
<i>Раздел 4. Мы - дети войны</i>	89
Мы – дети войны, мы отцов заменили	90

России верный сын	91
Жена шахтёра, мать шахтёров	97
Иовлева я знаю давно	102
В сиротском уголку	106
Эта женщина	107
У причала тихой радости	113
«Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь...»	121
Участковый	126
<i>Раздел 5. В краю родном</i>	<i>131</i>
В краю родном	132
Моя родная Белгородчина	133
«Есть лишь любовь и страх её потери»	136
Спасибо, губкинцы, что приютили!	139
Я шёл по улице Победы...	141
Губкинские закаты	144
Сага о ручье Тёплый Колодезь	146
В поисках источников речки Оскольца	154
Губкинские палисадники	161
И приснился сон	164
И запала же песня в душу!	169
На встрече с юностью	171
Краснодарские арбузы, или любовь с первого взгляда	172
Поцелуй от девочки... на картинке	178
Наташа и Серёжа	183
Гуси прилетели	184
<i>Раздел 6. О земляках – в стихах</i>	<i>185</i>
Край губкинский	186
Памяти А. А. Кретова	187
Юность комсомольская	188
В поезде жизни	189
Октябрь в Губкине	190
Когда стихи крапал я в крае отчем	191
Ласковый апрель	192
Моей жене	193
Узором в снежном домике	194
Друг у друга не спросим	195

Певец родного края	196
По Аверинской дороге	197
Геологам шахты им. Губкина	198
Солдатская вдова	199
Освобождение	200
Памяти А. С. Москалёва	201
За тихой речкой	202
Не вспоминай	203
«Катя, прости!..»	204
В воскресный день	205
Лапта	206
У входа в поликлинику	207
Каждый день – всё новые	208
Уходят губкинские парни	209
Малознакомая женщина	210
По родному городу	211
Послушайте, доктор	212
У второй у школы	213
Во мгле «перестройки»	214
<i>Стихи – с улыбкой</i>	218
По улице Чайковского	218
За День любви и верности	219
На утренней прогулке	220
О сайте «Одноклассники»	221
Разыграла	222
Розовая долина	223
Карьер, что в Лебедах, воспойте, барды	224
Говорил любимый	225
Извековой Т. И.	226
Пусть хвалиться мне особо нечем	227
Моя городская газета	228
Девочки мои	229
Мои знакомые «девчонки»	230
На дачу	231
Вставай, Евгений!	232

Литературно-художественное издание

Прасолов

Евгений Васильевич

Губкин в людях и делах

рассказы, очерки, стихи

Компьютерный дизайн:

Лькова Лариса Викторовна

Плотникова Анна Олеговна

Сдано в печать: 28.08.2023

Тираж: 100 экз.

309181, г. Губкин, ул. Мира, 22

МБУК «Централизованная библиотечная система №1»

Губкинского городского округа

тел.: 8 (47241) 2-20-51, 2-40-96

e-mail: gubkniga@yandex.ru

www.gubkniga.ucoz.ru

Заказ № 483/23

Отпечатано Издательство «Ассистент плюс»

ООО «Ассистент плюс»

ИНН/КПП 3128091751/312801001 ОГРН 1133128000598

309512 Белгородская обл., г. Старый Оскол, м-н Жукова, д. 45, офис 7

Тел.: 8-904-533-04-04

E-mail: assistent-plus@yandex.ru

...Когда же взгляд он перевел на храм
С его сиявшей золотом главою,
Задумался Владыка Иоанн
Над истиною мудрой и простою.
Пусть не напрасно столько долгих лет
К руде торили губкинцы дорогу,
Но не рудой жив будет человек.
Дай, Бог, им всем теперь прибиться к Богу!
Пусть не прейдут ни ныне, ни потом
Ростки добра в них всех, кто стар и молод.
И, троекратно осенив крестом,
Благословил Владыка Губкин-город.

ПОЭМА «ШАГИ ПО РУДЕ»

